

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

6
2015
НОЯБРЬ •
ДЕКАБРЬ •

Содержание

СТАТЬИ

<i>Старикова Н.Н.</i> (Москва). О партийных директивах и свободе творчества: литературная жизнь Словении 1950-х годов	3
<i>Карцева З.И.</i> (Москва). «Поздний синтетический постмодернизм» (старое и новое в болгарском романе наших дней)	12
<i>Гасанов Б.А.</i> (Рязань). «Живое серебро» в славянской традиции	26
<i>Кондратенко М.М.</i> (Ярославль). Семантическая структура народной хрономимии в славянских и немецких говорах	37
<i>Валенцова М.М.</i> (Москва). Славянское * <i>mor' e</i> – не море?	45

* * *

Интернет и современный литературный процесс в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: pro et contra

<i>Лунькова Н.А.</i> (Москва). Проблема виртуальности в романе «*.log» Райны Марковой	58
<i>Байдалова Е.В.</i> (Москва). Современная украинская политическая поэзия в Интернете	62
<i>Адельгейм И.Е.</i> (Москва). «Чудо взаимодействия». Современные польские авторы об Интернете и писательском труде	67

СООБЩЕНИЯ

<i>Матвеев О.В.</i> (Краснодар). Украинские мотивы в творчестве М.Ю. Лермонтова	72
<i>Субаев Р.Р.</i> (Москва). Роман Дж. Бакена «Зеленая мантия» как «источник» по истории младотурок	80

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Слоистов С.М.</i> (Москва). Освобождение Словакии в донесениях ГлавПУРККА в ЦК ВКП(б). Февраль–апрель 1945 года	90
--	----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Косик В.И.</i> Д. Танић. Руско царство и Српска православна црква (1557–1766)	100
<i>Пилипенко Г.П.</i> С. Черничко, Ч. Фединець. Наш місцевий Вавилон. Історія мовної політики на території сучасного Закарпаття у першій половині ХХ століття (до 1944 року)	102

<i>Белова О.В.</i> Г.И. Лопатин. «Икона звалась Свячой...»: абрад «Свяча» ў прасторы традыцыйнай культуры Гомельшчыны	105
<i>Будагова Л.Н.</i> Невыдуманная история походов Йозефа Швейка в России. Кн. вторая. 1941–1945	108
<i>Коллар Д. М.</i> Koškova. Bulharsko-slovenský slovník.....	112

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Шатъко Е.В.</i> Круглый стол «Интернет и современный литературный процесс в странах ЦЮВЕ: pro et contra»	114
---	-----

НЕКРОЛОГИ

<i>Серапионова Е.П.</i> Памяти Ритты Петровны Гришиной (1930–2015)	117
Памяти Сергея Васильевича Никольского (1922–2015)	118
<i>Седакова И.А.</i> Памяти Надежды Васильевны Котовой (1926–2015)	119

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

<i>Толстая С.М.</i> Письмо в редакцию	121
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 2015 году	123

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ, **М.М. ВАЛЕНЦОВА**, **Г.К. ВЕНЕДИКТОВ**, **А.А. ГИППИУС**,
Р.П. ГРИШИНА, **В.И. КОСИК**, **М.В. ЛЕСКИНЕН**, **Г.Ф. МАТВЕЕВ**,
В.В. МОЧАЛОВА, **К.В. НИКИФОРОВ**, **В.Я. ПЕТРУХИН**, **А.С. СТЫКАЛИН**,
Б.Н. ФЛОРЯ, **О.В. ХАВАНОВА**

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова*, *Е.В. Пономарева*, *И.Ю. Веслова*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а

Телефон 8-495-938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) на русском и английском языках и ключевыми словами (5–7 слов).

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, электронную почту и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© Российская академия наук, 2015

© Редколлегия журнала «Славяноведение»
(составитель), 2015

© 2015 г. Н.Н. СТАРИКОВА

О ПАРТИЙНЫХ ДИРЕКТИВАХ И СВОБОДЕ ТВОРЧЕСТВА: ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ СЛОВЕНИИ 1950-Х ГОДОВ

В статье рассматривается литературная ситуация в Республике Словении в 1950-е годы, когда был сделан первый шаг к освобождению литературы от идеологической зависимости. Разрыв Тито и Сталина свел к минимуму реализацию советской модели социалистического реализма. Растущий интерес молодых авторов к авангардным, нетрадиционным методам современного искусства дал толчок формированию новой эстетической системы, основанной на полифонии разных тенденций.

The article deals with the literary situation in the Republic of Slovenia in the 1950s, when was made the first step towards the liberation of literature from the ideological dependence. Split between Tito and Stalin minimized the implementation of the Soviet model of socialist realism. The growing interest of young authors to the avant-garde, methods of the modern art gave impetus to the formation of a new aesthetic system based on the polyphony of different trends.

Ключевые слова: социалистический реализм, социальный реализм, свобода творчества, художественный эксперимент, литературный плюрализм.

Keywords: socialist realism, social realism, freedom of creation, artistic experiment, literary pluralism.

29 ноября 1945 г. в Белграде была принята декларация о ликвидации монархии и провозглашении Федеративной Республики Югославии (ФНРЮ), в которую на правах республики вошла Словения. По Конституции, принятой в начале 1946 г., все вступившие в федерацию народы получили равные права на свободное развитие своей национальной культуры [1. С. 547]. Культурная жизнь Республики Словении начала обновляться: открывались государственные издательства и типографии, создавались культурные центры и творческие организации – на новой основе в 1945 г. возобновило работу общество словенских писателей, в несколько раз увеличилось количество печатной продукции. Подавляющее большинство словенских литераторов приняли новую Югославию, веря в гуманистический характер и благие намерения новой власти. Они не ожидали, что в скором времени культурная политика начнет регламентироваться компартией, а в качестве основного художественного метода «сверху» начнет внедряться социалистический реализм ждановского типа, который, однако, не получит широкого распространения. Общая эйфория от победы над фашизмом сопровождалась презрением и ненавистью к предателям и коллаборационистам, нередко распространявшимся и на простых обывателей. В Словении, где борьба с фашистской экспансией была

Старикова Надежда Николаевна – д-р филол. наук, зав. отделом Института славяноведения РАН.

осложнена гражданской войной, эти настроения еще больше отдалили писателей, вынужденных в 1945 г. эмигрировать, от основной массы оставшихся. К концу 1946 г. существенно расширяется влияние концепции искусства, отдающей предпочтение одной традиции – революционной литературы межвоенного и военного периодов, прежде всего социального реализма, а также опыту советской литературы 1930–1940-х годов, центральной темой которой было изображение нового, героического человека и нового общества. Проводить в жизнь эту концепцию был призван Отдел агитации и пропаганды ЦК КПЮ (Агитпроп), созданный в 1945 г., в котором за идеологию отвечал словенский философ-марксист, один из апологетов социалистического реализма Б. Зихерл. На первый план были выдвинуты классовые искусство, требование героизации борцов с фашизмом и труженников социалистического строительства, необходимость бескомпромиссной борьбы с индивидуализмом. С 1946 г., как отмечает Ф. Задрavec, литературная жизнь Словении «подверглась вторжению теории социалистического реализма» [2. С. 207], – на словенский язык начали переводить и широко распространять фундаментальные произведения сталинско-ждановского курса¹. Тем самым было положено начало утверждению монопольного положения одного художественного метода, сопровождаемое агрессивным отрицанием всех иных литературных течений. Однако полной подмены художественных критериев идеологическими не произошло – вмешалась история, грянул 1948 год. Разрыв отношений с СССР и последовавшая за этим переориентация югославской внешней политики, отход от конфронтационного курса, который в первые послевоенные годы проводился вместе со всем «социалистическим лагерем» в отношениях с Западом, изменили и внутриполитические акценты. Диктатура Тито, стремящегося как можно меньше походить на своего в недавнем прошлом «старшего брата», оказалась во многом мягче сталинской, что чуть ли не в первую очередь отразилось на статусе культуры и литературы. Уже в 1949 г. в докладе партийного идеолога Э. Карделя (в тот период министра иностранных дел ФНРЮ) на всю страну прозвучал тезис об автономности художественного творчества в социалистическом обществе, что закрепляло за национальными литературами некоторую эстетическую независимость и право на художественный эксперимент при сохранении ограничения в выборе тем и в их трактовке. При этом противоречия были очевидны: декларируемая свобода творца была ограничена партийной цензурой, плюрализм мнений признавался в рамках только социалистической идеологии, поощрялась критика СССР, но не допускалось осуждение югославской действительности и политики партии. Художественные произведения, интерпретировавшие события недавнего прошлого – национально-освободительное антифашистское движение, и настоящего – социалистическое строительство, находились под бдительным идеологическим контролем. Малейшее отклонение от идейно-эстетической традиции партизанской литературы с ее революционной романтикой и отсутствием полутонов в трактовке «своих» и «чужих» строго каралось. Власть была склонна скорее смириться с подчеркнутой аполитичностью искусства, нежели с критическими замечаниями в адрес партизанского движения или социалистической действительности. Это в полной мере испытал на себе выдающийся поэт-экспрессионист Э. Коцбек (1904–1981), активный участник народно-освободительного движения, видный государственный деятель. В 1942–1946 гг. он был вице-председателем Исполкома Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ), министром по делам Словении в югославском правительстве, вице-председателем Президиума Скупщины НРСл. В художественных и документальных произведениях Коцбек первым в словенской литературе сделал попытку показать военную действительность глазами христианина и гуманиста. Книга его

¹ См. об этом подробнее [3].

партизанских дневников «Товарищество» (события мая 1942 – декабря 1943 г.), вышедшая в 1949 г., – одно из самых достоверных свидетельств о словенской национально-освободительной борьбе и ее руководителях. Соединив документальный материал с личными впечатлениями, философские рассуждения с лирическими отступлениями, автор показал всю трагическую для словенцев противоречивость военного противостояния, поднял вопрос о роли и месте национальной интеллигенции во Второй мировой войне. Проблема моральной ответственности человека за свои поступки, по какую бы сторону фронта он ни сражался, интерпретируется в его рассказах из сборника «Страх и мужество» (1951) с позиций христианского экзистенциализма. Страх, так же как и мужество, может быть одинаково присущ и героям-антифашистам, и врагам. Вера в Бога и абсолютный гуманизм – такова, по мысли Коцбека, нравственная основа поведения и выбора человека. Позднее он писал, что найти нужный ракурс, ему помогла правда о войне, увиденная в книге В. Некрасова «В окопах Сталинграда», переведенной на словенский язык в 1947 г. [4. С. 117]. К подобной терпимости была не готова не только партийная верхушка, но и само общество – рассказы Коцбека критики назвали «плевком» на идеалы освободительной борьбы, их публикация была признана ошибкой, а автор, обвиненный в искажении образа партизана и религиозном мистицизме, около десяти лет пробыл в политической и литературной изоляции.

В сборник «Страх и мужество» вошли четыре рассказа – «Темная сторона луны», «Блаженная вина»², «Огонь» и «Черная орхидея», в которых на первый план выдвигаются экзистенциальные и нравственные проблемы человека на войне – свобода, смерть, судьба, правда, вина. Авторский угол зрения заявлен и в самом названии сборника, а также в выборе в качестве эпиграфа цитаты из книги пророка Исаи о тьме и страхе. Герои рассказов – молодые антифашисты, с оружием в руках защищающие родину от захватчиков. Они образованны, изучали философию, литературу, музыку, интеллектуальный уровень и культура выделяют их среди других партизан. В отличие от последних, герои-интеллигенты способны сомневаться в безусловности исторической необходимости. Так, фельдшер Дамьян, которому поручено ликвидировать предателя Штефана, своего ровесника, волею случая этого избегает (новелла «Блаженная вина»); командир Грегор, подчинившись закону военного времени, без суда приводит в исполнение смертный приговор Катарине, девушке, подозреваемой в предательстве, которую успел полюбить (новелла «Черная орхидея»). Грегор жертвует любовью ради долга и при этом чувствует, что существует нечто высшее, трансцендентное, то, что сильнее долга, революционных задач и текущих обстоятельств. Впервые после войны получает резонанс и одна из больших тем недавнего военного прошлого – роль католической церкви в расколе словенского общества в период оккупации (новелла «Огонь»). Переживания, сомнения, напряженная мыслительная деятельность человека, оказавшегося перед лицом нравственного выбора, составляют основу повествования. Художник большой эрудиции и культуры, Коцбек через прямые упоминания, аллюзии, ассоциативный ряд, цитаты вводит в произведения не только национальный, но и широкий мировой историко-культурный и литературный контекст, в котором соседствуют Ф.М. Достоевский и Р.М. Рильке, Ф. Ницше и В.И. Ленин, И. Стравинский и М. Равель. Писатель, не побоявшийся «в период директивной политической и идеологической ограниченности выбрать свободу творчества» [5. С. 36], стал для молодых образцом нонконформизма, его этическая позиция во многом определила вектор развития словенской литературы второй половины XX в.

² Впервые рассказ был напечатан в коллективном сборнике «Народ восстал» в июле 1951 г. вместе с рассказами Ф. Бевка, Б. Пахора, Я. Градишника, А. Ребулы и В. Краля.

Одним из важных решений VI съезда КПЮ в Загребе (1952) стала отмена деятельности Агитпропа, преследованиям которого подвергались представители литературы и искусства. Отказ от социалистического реализма (доклад М. Крлежи на III съезде СПЮ в 1952 г. «О свободе культуры», жестко раскритиковавший советскую модель) сопровождался постепенным возрождением подвергнутой запрету в первые послевоенные годы эстетики модерна рубежа XIX–XX вв. и авангарда, что способствовало частичной смене тематических и художественных приоритетов. На этом съезде был принят новый Устав СПЮ, согласно которому национальные союзы и общества писателей получали полную самостоятельность. В свете новых партийных решений власти проявляли некоторую лояльность по отношению к культуре. В целом благосклонно были встречены дебюты молодых словенских авторов: поэтов Ц. Злобеца, Я. Менарта, Т. Павчека и К. Ковича – сборник «Стихи четырех» (1953) и прозаиков Л. Ковачича, А. Хинга и Ф. Боханеца – сборник «Новеллы» (1954), – в которых прослеживался некоторый отход от социалистической эстетики. История второй книги очень показательна. Первоначально в издание должны были быть включены рассказы четырех молодых прозаиков, и рабочим названием сборника было «Новеллы четырех», однако один из авторов, И. Шентюрц, эмигрировал, его прозу убрали, но, несмотря на это, книга все же вышла. Эти публикации, безусловно, способствовали изменению литературной атмосферы. Важную роль в этом процессе сыграли и пришедшие на смену пропартийным изданиям «Novi svet» (1946–1953) и «Mladinska revija» (1946–1951) литературно-критические журналы: «Beseda» (1952–1957), а после ее закрытия – «Revija 57» (1957–1958). Они объединили вольнодумную литературную молодежь: поэтов, писателей и критиков нового поколения, выступавших за духовную свободу, за возможность самостоятельного выбора тем и средств выражения, за открытость всем течениям современной эстетической мысли. Не случайно в первом номере «Beseda» была опубликована известная работа А. Камю «Творчество и свобода». В «Beseda» сотрудничали И. Минатти, А. Хинг, Я. Кос, Л. Ковачич, К. Кович, Я. Менарт, Т. Павчек, Д. Зайц, Ц. Злобец, П. Божич, Д. Смоле, Т. Кермаунер, П. Козак, в «Revija 57» к ним присоединились В. Тауфер, Г. Стрниша, И. Пучник. Сначала властям было выгодно закрывать глаза на молодых максималистов, демонстрируя тем самым терпимость и декларируемый либерализм. Однако малейшее «увеличение дозы» инакомыслия влекло за собой скорую расправу. В 1956 г. была создана специальная комиссия при ЦК Союза коммунистов Словении (СКС), возглавляемая Б. Зихерлом. В результате ее деятельности вышеназванные журналы были закрыты, снята с репертуара пьеса Й. Яворшека, отстранен от работы на философском факультете Люблянского университета видный славист профессор А. Слодняк. Формальным поводом к закрытию «Beseda» стала публикация рассказа Л. Ковачича «Золотой лейтенант» (1957), «порочающего» героический облик Югославской народной армии. «Revija 57» не простили статей видного философа Й. Пучника, в которых был высказан ряд критических замечаний по поводу обстановки в республике (в 1959 г. Пучника приговорили к девяти годам тюрьмы).

Несмотря на эти репрессивные меры со стороны коммунистической власти, реальностью общественной жизни становилось многообразие идей и мнений, в культурной среде все отчетливее проявлялось стремление ближе познакомиться с современными мировыми художественными тенденциями. Первыми лицом к Западу повернулись живопись и театральное искусство: в 1955 г. в Любляне открылась первая в социалистическом лагере международная выставка графики, впоследствии знаменитая Люблянская графическая биеннале. В том же году на Люблянском фестивале драмы югославская публика познакомилась с европейской экзистенциалистской драмой и драмой абсурда, что дало толчок к оживлению театральной жизни. В Любляне начали работать экспериментальные театры и студии: Экспериментальный театр (1955), Словенский молодежный театр

(1956), «Одер 57» (1957), «Ad Нос» (1958), на сценах которых ставились пьесы Э. Ионеско, С. Беккета, Ж.П. Сартра. Вступающее в литературу послевоенное поколение проникалось духом трагического гуманизма, присущего европейскому интеллектуальному театру. Отстраняясь от текущих проблем социалистического строительства, некоторые молодые авторы начали искать выход в экзистенциальных решениях, выражали себя с помощью искусства, отрицающего требования правдоподобия. Литературные журналы, театры, художественные выставки становились проводниками современного западноевропейского искусства, ранее запрещенных и новых философских и культурологических теорий. Широкой читательской аудитории стали доступны произведения Ф. Кафки, А. Камю, Ж.П. Сартра, У. Фолкнера, С. Кьеркегора. Эстетические рамки постепенно раздвигались, но жестко контролировалась «идейная» чистота искусства, под запретом оставались темы национальных отношений, репрессий в годы национально-освободительной борьбы (НОБ) и периода социалистического строительства, внутрипартийной борьбы, критика партийного и государственного руководства. В этих условиях литература была вынуждена искать новые пути в освещении проблем свободы и несвободы, положения человека в тоталитарном государстве и нашла их в обращении к мифологическим, абстрактно-символическим, параболическим формам. Индивидуальный тип сознания начал теснить коллективный, что повлекло за собой субъективизацию изображения. «Литература, – как отмечает Г.Я. Ильина, – завоевывала право на рефлексии, на сомнение, на трагическое восприятие жизни и ее пессимистическую оценку» [6. С. 359]. Эти настроения «подпитывались» получавшей широкое распространение философией экзистенциализма, которая оказала огромное влияние на умы словенской творческой интеллигенции. Поэтому наряду с романами писателей, придерживавшихся реалистического принципа изображения, – И. Потрча, Ц. Космача, Б. Зупанчича, М. Кранца, начали появляться произведения, в которых наметились нереалистические подходы и художественные решения (за ними закреплялось определение «модернистские»). Их авторы – А. Хинг, Д. Смоле, Л. Ковачич искали способы выйти за рамки единственного официально одобренного типа творчества.

После войны полностью раскрылся прозаический талант одного из основоположников социального реализма в Словении Ц. Космача (1910–1980). Сотрудник партизанской газеты «Slovenski poročevalec» в 1944–1946 гг., после войны он работал в газете «Tovarišč» (1949–1952) и на киностудии «Триглав фильм» (1952–1955), где по мотивам своей новеллы «Папаша Орел» (1946) написал сценарий для первого словенского полнометражного фильма «На своей земле» (1949). Послевоенные рассказы Космача составили сборник «Из моей долины» (1958). В автобиографическом романе «Весенний день» (1953) через ассоциативный ряд и воспоминания героя-рассказчика воссоздана атмосфера словенской жизни периода Первой и Второй мировых войн. Реалистическая направленность повествования дополняется ярко выраженным лиризмом и символической образностью. Теме войны посвящена «Баллада о трубе и облаке» (журнал «Naša sodobnost», 1956–1957, обновленный книжный вариант – 1964), произведение, сочетающее в себе особенности лиро-эпического жанра баллады (драматический сюжет, острая конфликтность) с фольклорной символикой. Основу произведения составляют три сюжетные линии: история подвига крестьянина Темникара и его жены, спасших раненых партизан, история предательства Чернилогара и столкновение творческой фантазии писателя Петера Майцена, пишущего о Темникаре, с реальностью.

Балладный строй у Космача сливается с современной структурой романа в романе. Майцен работает над романом о народном герое Темникаре. Прервав начатое повествование, он едет в места, где происходили описываемые им события. На глазах у читателя меняется первоначальный замысел, идет анализ увиденного, выяснение внутренней логики характеров и событий. Романтическая легенда о

подвиге взаимодействует с романым мышлением, исследующим психологию героизма и предательства. В духе фольклорной традиции природа и отдельные предметы наделяются способностью чувствовать и размышлять, с ними беседуют герои романа, сами словно из народной легенды. Звук военной трубы на фоне плывущего по небу облака заставляет писателя беспокойно бродить по окрестностям хутора, чтобы закончить задуманную повесть о простом крестьянине, пожертвовавшем собой и своей семьей ради спасения партизан. Крестьянин Чернилогар во время войны оказался в похожей ситуации, но не выдержал нравственного испытания. Угрызения совести после войны привели его к самоубийству. Произведение Космача имеет прямой выход в современность, в нем подчеркнуто значение нравственного опыта народно-освободительного движения для последующих поколений. Сопряжение прошлого и настоящего, особая система символов помогают соединить мир современного человека с исторической памятью народа. Эта переключка времен станет структурным принципом для многих произведений словенской прозы.

К актуальным проблемам современности и теме героической борьбы народа против фашизма обращается в произведениях и М. Кранец (1908–1983). Хроника социалистического преобразования села отражена в первых двух частях трилогии «Повести о власти» («Канцелярия», 1949; «Под звездой», 1950; «Земля движется вместе с нами», 1956). Затрагивая насущные политические и социальные проблемы современности, писатель постепенно углубляет критический анализ действительности, уделяет большое внимание сложному комплексу идеологических и психологических процессов в сознании разных общественных слоев: вторая и третья части «Повести о власти», романы «Утраченная вера» (1954), сборники рассказов «Хлеб – горькая вещь» (1959), «Украденная любовь» (1965). В романе «Лиственницы над долиной» (1957) он привлекает внимание к такому типичному для послевоенного времени явлению, как отток в города сельского населения Словении, ищущего благополучной жизни. Действие происходит в 1955 г., когда на смену тяготам войны и эйфории победы приходят суровые будни социалистического строительства, несущие новые трудности, когда меняется не только уклад жизни, но и сама психология людей. «Десять послевоенных лет, – говорит один из главных героев произведения, бывший партизан Алеш Луканц, – провели резкую границу между мечтами партизанских времен и действительностью». Картины современности сменяют реминисценции, обращенные к событиям военных лет, «порой страшно и неизгладимо изломавшие судьбы и души людей» [7. С. 172]. Через чудовищные испытания проходит юная партизанка Минка Яковчева, несмотря на трагедию своей семьи – четыре ее брата и сестра отдали жизнь за свободу родины, отец оказался предателем, и суд над ним свершила его жена, нашедшая силы жить дальше. Одним из первых среди писателей социалистической эпохи Кранец обращает внимание на роль приходского священника в послевоенной Словении. Образ Петера Заврха, местного батюшки, ведущего душевные беседы со своим «словенским» Богом, передает особенности и противоречия национального характера, сочетающего патриотизм и патриархальность, гуманность и консерватизм.

Прозу Б. Зупанчича (1925–1980) с социальными реалистами старшего поколения сближает вера в человека, в его доброту и самоотверженность, а также признание общественной детерминированности поведения людей. В центре его внимания – «маленький» человек с его «маленькой» историей, в которой отображаются и трагические эпизоды недавнего военного прошлого, и стремительные общественные изменения послевоенного времени. Слова повествователя в рассказе «Плакаты и любовь» (сборник рассказов о войне «Четверо молчаливых и другие истории», 1951) очень точно передают авторскую задачу: «Разрешите, я расскажу вам историю, в которой не будет никаких героев или великих людей» [8. С. 21]. Писатель озабочен обновлением повествовательной техники, что наглядно

прослеживается в другом рассказе этого сборника «Из записок специалиста по разведению мелких животных». Рассказ написан в форме дневника, имеющего точную датировку: с 26 декабря 1941 г. по 20 июня 1945 г., найденного автором в кипе старых бумаг. Желая подчеркнуть подлинность текста, он дает подробный комментарий к рукописи, обращая внимание на пропуски, приписки карандашом на полях, испорченные страницы, наконец, на большую кляксу, растекшуюся по недописанному абзацу на последнем листке. Дневниковые записи простого обывателя, до войны вполне довольного жизнью, – это хроника потерь, материальных (имущество, животные, сбережения) и духовных (дружба, семейные отношения, контакты с миром). Когда в конце войны вернувшийся с фронта сын приносит ему в подарок зверушку, герой уже не в силах возвратиться к своему прежнему, как ему когда-то казалось, имевшему смысл занятию.

Во втором сборнике новелл «Ветер и дорога» (1954), где в ряде произведений акцент сделан на столкновении старого и нового мира, усиливаются психологический и символический компоненты. В центре противостояния героинь (невестки и свекрови) в новелле «Похороны» – вопрос о том, как хоронить офицера: согласно гражданской процедуре, как того требует новая власть, или по католическому обряду. Верх одерживает мать, вековая религиозная традиция побеждает официальные предписания, что доказывает, сколь чужда пока новая социалистическая мораль простому человеку. В 1957 г. выходит самый известный роман Зупанчича «Поминки» (1957), переведенный на девять языков. Роман написан от первого лица в форме исповеди пятнадцатилетнего юноши Нико Кайфежа, это история его возмужания, внутреннего роста. Название произведения символично и имеет подтекст. С одной стороны, это поминовение погибшей молодежи, известных героев и безымянных подпольщиков. Второй смысл названия отражает другой пласт романа – это поминки по мещанству, образу жизни и психологии обывателей. Разрушение собственного дома, на порог которого герой бросает гранату, становится для него разрушением мира Кайфежей. Произведение Зупанчича показывает, что идеалы народно-освободительного движения стали нравственным критерием для части представителей словенского молодого поколения.

По-иному видит мир ровесник Зупанчича, прозаик и драматург А. Хинг (1925–2000). Его «Очерки о необычных характерах» (журнал «Mladina», 1949–1950), рассказы «Ножи» и «Цветок на той стороне поляны» (сборник «Новеллы», 1954) привлекли внимание своей близостью новейшим образцам модернистской литературы XX в. Молодой автор писал о необычных характерах и судьбах людей, не приемлющих окружающей реальности, травмированных ею, касался «неудобных» тем (семейное насилие, инцест, половые извращения). Его «визитная карточка» – камерность и психологизм, главным объектом которого становится подсознание. Фокусируя внимание на внутренней сущности своих героев вне социального контекста или через его трансформацию, Хинг затрагивает в произведениях темы фатальности судьбы, беспомощности человека перед ее невидимыми силами, держащими людей в своей власти, одиночества и невозможности обретения гармонии с миром: сборники «Роковая черта» (1957), «Плато» (1961). Война предстает здесь как чудовищное время убийств и предательств, страшную печать которого человек несет на себе и в мирные дни (рассказы «Смерть и ложь в кресле-качалке», «Укрытие от смерти», «Мариса»).

Художественное инакомыслие и расширение эстетического поля отличают Д. Смоле (1929–1992), одного из основоположников национальной экзистенциальной драмы и драмы абсурда. Как прозаик он получил известность благодаря роману «Черные дни и белый день», едва ли не первому произведению, полемизирующему с системой социалистических ценностей. Роман по частям публиковался в журналах «Beseda» и «Revija 57», в книжном варианте вышел в 1958 г. Он обращен к «камерным» на фоне грандиозных задач социалистического строитель-

ства проблемам творческой интеллигенции, представители которой, балансируя между иллюзией и реальностью, безуспешно пытаются преодолеть духовный кризис. Действие развивается вокруг взаимоотношений трех главных героев: художника, актрисы и ее суфлера. Художник мечтает о встрече с идеальной женщиной, которая подарит ему счастье любви и творческое вдохновение, а в реальной жизни несколько лет встречается с рыжеволосой Марушей, не слишком успешной театральной актрисой. Эти отношения начинают тяготить героя; понимая это, его возлюбленная расстается с ним и заводит отношения с давно влюбленным в нее суфлером театра. Кульминацией, разрушающей любовный треугольник, становится самоубийство женщины, которая не в силах смириться с тем, что любовь, талант и красота уходят безвозвратно. Смерть героини изменяет внутренний мир бывших соперников, но не дает им духовной свободы. Они лишены способности бороться, совершить поступок, не случайно автор оставляет художника и суфлера безымянными. Через ощущение метафизической драмы человека, всеобщей трагичности бытия раскрываются реальные проблемы людей, запутавшихся в экзистенциальных противоречиях.

Героико-патриотический пафос «официального» художественного слова был чужд и Л. Ковачичу (1928–2004), не случайно цикл его рассказов «Люблянские открытки» (впервые опубликован в журнале «Veseda» в 1953 г., затем вошел в коллективный сборник «Новеллы», 1954, и авторский сборник «Ключи от города», 1964) о «маленьких» людях «большого» города был за безыдейность и пессимизм подвергнут острой критике. В конце 1950-х годов Ковачич создает роман «Мальчик и смерть» (отдельные главы были напечатаны в журнале «Perspektive» в 1960–1961 гг., книга вышла лишь в 1968 г.), в центре которого оказывается тема смерти. Через монолог двенадцатилетнего ребенка, рассказывающего о смерти отца, автор показывает, каким герой видит окружающий мир, – это фантастическая, полная ужасов картина весьма далека от современной социалистической действительности. В основе сюжета – психологическая травма, вызванная потерей близкого человека, пережитая писателем в отрочестве. Действие происходит в Любляне – в доме мальчика, в трамвае и на кладбище в течение двух суток. Болезнь, агония, смерть, похороны, а также все, что этому сопутствует, – обряд исповеди и причащения, заказ гроба, прощание с покойным, ритуал погребения – показаны через призму детского сознания. Даже увидев уход отца своими глазами, ребенок не может в него поверить, оставшись на кладбище один, зовет умершего, хлещет могилу ветками, кидает в нее камни, рыдает. Автор передает всю гамму чувств героя – отчаяние, страх, злость, ощущение вины и отверженности. После испытанного потрясения окружающие предметы видятся им отстраненно, воспринимаются скорее через аллюзии: трамвай – это «комната, которая возит людей», могильщики – «черные люди». Принятие неизбежного становится для него в итоге актом инициации, шагом в иную, взрослую жизнь.

1950-е годы – один из важнейших периодов в истории словенской литературы XX в., когда был сделан первый шаг к освобождению художественного слова от бремени идеологии. Возможность открытой критики сталинизма после 1948 г. привела к тому, что принципы социалистического реализма советского образца в словенской литературе не пустили глубокие корни, большинство писателей старшего и среднего поколения продолжали ориентироваться на традиции социального реализма межвоенного периода и его более толерантное отношение к автономии творчества и художественному эксперименту. Постепенно они освобождались от «идеологических пут, однолинейности понимания героического и трагического, сакрализации образа революционера» [9. С. 426]. В то же время растущий интерес ряда молодых авторов к авангардным, нетрадиционным методам современного мирового искусства, их увлечение новейшими философско-эстетическими концепциями способствовали интеллектуализации и психологизации литературно-

го творчества. Использование ими средств модернистской поэтики дало толчок формированию новой эстетической системы – «литературного плюрализма», основанной на полифонии разных тенденций, что, в свою очередь, способствовало либерализации читательского сознания, а с ним и общества в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011.
2. *Zadravec F.* Vdor teorije socialističnega realizma (1946–1948) // Slovenska književnost 1945–1965. Ljubljana, 1967.
3. *Старикова Н.Н.* Рецепция советской литературы в Словении в период 1945–1950 гг. // Знакомый незнакомец: Социалистический реализм как историко-культурная проблема. М., 1995.
4. *Kocbek E.* Svoboda in nujnost. Ljubljana, 1974.
5. *Virk T.* Pomen zbirke *Strah in pogum* // *Kocbek E.* Strah in pogum. Ljubljana, 1996.
6. *Ильина Г.Я.* Литература Югославии // История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны. М., 1995. Т. I. 1945–1960 гг.
7. *Кранец М.* Лиственници под долиной. М., 1977.
8. *Zupančič B.* Štirje molčeči in druge zgodbe. Ljubljana, 1951.
9. Лексикон южнославянских литератур. М., 2012.

© 2015 г. З.И. КАРЦЕВА

«ПОЗДНИЙ СИНТЕТИЧЕСКИЙ ПОСТМОДЕРНИЗМ» (старое и новое в болгарском романе наших дней)

Статья посвящена феномену «возвращения» в последние несколько лет в болгарскую литературу постмодернизма – однако возвращения на новом, более «элитарном» уровне, уровне синтеза.

Recent three-four years became the time of «return» of Post-Modernism into Bulgarian literature, moreover, a return at a new, more «elitist» level – that one of synthesis.

Ключевые слова: роман, синтез, постмодернизм.

Keywords: novel, synthesis, Post-Modernism.

После довольно длительного затишья в болгарской критике, уже совсем, было, смирившейся с тем, что время постмодернизма в болгарской прозе прошло¹, что его следы просматриваются лишь в третьесортных, явно «пожелтевших» произведениях (на уровне отдельных постмодернистских «приемчиков»²), вдруг снова заговорили о его «возвращении» – причем на новом, более качественном, «элитарном» уровне – уровне *синтеза*.

Оптимизм критиков был вызван появлением ряда действительно интересных романов. Это, например, романы Милена Рускова «Карманная энциклопедия мистерий» (2008), «Возвышение» (2011); «Физика тоски» (2012) Георгия Господинова; «Собаки под копирку» (2013) Чавдара Ценова; последние романы Эмили Дворяновой «Концерт для слова» (2008) и «У входа в море» (2013); роман Алека Попова «Сестры Палавеевы» (2013); цикл романов Теодоры Димовой – «Матери» (2005), «Адриана» (2007), «Марма, Мариам» (2010), «Поезд на Эммаус» (2014); серия великолепных, загадочных романов Кераны Ангеловой «Эллада Пинё и время» (2003), «Внутренняя комната» (2006), «Улица бабочек» (2010), «Подсолнухи для Марии» (2013) и др.

А ведь еще совсем недавно все (и в Болгарии, и в России) уверенно говорили о закате постмодернизма, в течение нескольких десятилетий бывшего «хозяйном дискурса» [3] и заставлявшего поголовно всех авторов «присягать на библии постмодернистской теории» [4].

Пережив в 1970–1980-е годы *деструктивную* фазу, когда он пытался с высоты всепоглощающей иронии разрушить прежние литературные формы и жанры,

Карцева Зоя Ивановна – канд. филол. наук, доцент МГУ им. М.В. Ломоносова.

¹ Если, конечно, согласиться с тем, что оно все-таки было [1–2] – в отличие от поэзии, где проявления постмодернизма были довольно значительны не только в 1990-е годы (А. Илков, Г. Господинов, З. Златанов, А. Йосифов, Б. Пенчев), но и значительно раньше, в процессе его спонтанного самозарождения в 1960–1980-х годах (в поэзии К. Павлова, Н. Кынчева, Б. Иванова).

² Что стало результатом активизации имманентно присущей постмодернизму связи с массовой культурой.

позже постмодернизм во многом (и довольно часто) воспринимался как арена дешевых, «модных» клише – типа пустой эквилибристики цитатами, блоговой импровизации, разнузданной фрагментации, повышенного интереса к сентиментальному и поверхностному «женскому письму», прочно закрепившись в итоге в *массовом* сегменте литературы. Выполнив свою деструктивную задачу и отказавшись от любых попыток постижения человека и мира, с холодным равнодушием трансформируя неизбежную боль человека в *языковой конструкт*, классический постмодернизм явно зашел в тупик: исчезла грань между «высоким» и «низким» – «все хотят быть элитарными, но штампуют серятину» [5].

И вот сейчас, буквально на наших глазах, начинается какой-то новый этап, который некоторые исследователи, противопоставляя прежней функции разрушения, считают *конструктивной* фазой течения. Вполне вероятно, однако, как полагает Е. Водолазкин, что это – не фаза постмодернизма, а начало совершенно нового культурного цикла, «нового времени» [3].

Если говорить о терминах³, определяющих сущность этого нового литературного явления (в Болгарии и в России), то все они в той или иной степени подчеркивают *новизну* этого литературного феномена, более внимательного к боли человеческого опыта и более открытого по отношению к сферам межкультурного взаимодействия, сферам *синтеза*.

Говорят о постпостмодернизме [7], неонатурализме [8], гуманистическом постмодернизме, протомодернизме (цит. по [8]), гипер-, альтер-, анти-, метеомодернизме (всё отличие – в замене латинских приставок на греческие) и о постмодернизме «третьей волны» с его интересом к проблемам «инакости», «меньшинств», «гендера» [6]; «пост-хоть чего-нибудь», что непременно придет на смену старому течению [9]; о «позднем синтетическом постмодернизме» [5].

Именно последний термин, предложенный Михаилом Неделчевым, представляется нам наиболее адекватным сегодняшнему состоянию литературы и (естественно) романа, активно использующего *синтез*.

Строго говоря, синтетичность а priori присуща этому великому жанру, широкому как река в половодье, вбирающая в себя все на своем пути (целые миры, культуры, стили и языки) и создающая сложное переплетение разноплановых структур.

В теории литературы так и не сложилось четкого определения действующего канона романа как системы устойчивых жанровых признаков. Однако сочетание поразительной «пластичности» романа, с одной стороны, и неких константных черт, задающих прочность его жанровому каркасу, – с другой, все же позволяет говорить о существовании необходимой, оптимальной «внутренней меры» жанра, придающей ему «твердость», но не мешающей расти и изменяться.

Роман действительно изменчив по определению, и об этом свидетельствует вся история его развития от античности вплоть до XX в. – времени самых активных экспериментов и поразительных формальных открытий.

В наши дни «внутренняя мера» жанра подвергается массивной атаке разных идеологий, литературных течений, концепций и методов, зачастую включающих роман в иные культурные сферы, в сложную вязь разноплановых дискурсов – как *внутрилитературных*, так и *внелитературных*.

Если говорить о болгарском романе, то в его истории уже не раз отмечались периоды наиболее интенсивного экспериментаторства, внутрилитературного синтеза (внутрижанрового, межжанрового, междового), следствием которого в свое время были новые модификации, «странности» жанра (от романа-притчи, романа-анекдота, романа-жития до романа-поэмы, романа-хайку, романа-баллады).

³ Кстати, теоретик постмодернизма в архитектуре Чарльз Дженкс насчитал около 70 (!) различных случаев употребления термина – с 1970-х до конца 1990-х годов (см. [6]).

Как правило, интерес к синтезу возникает «на изломе», когда к писателю приходит ощущение неудобства, тесноты в старых одеждах канона, и он начинает экспериментировать в поисках новых форм.

Таким очередным временем повышенного интереса к синтезу в болгарском романе стали 1990-е годы, время приобщения к постмодернизму и время очередного «излома» – не только литературной традиции, а вообще – идеологии, экономики, истории и судеб миллионов людей.

И все чаще мы сталкиваемся с романом, проблемное поле которого «проступает», вырисовывается на наших глазах из пестрой мозаики непривычных, странных художественных элементов, рожденных «кросскультурными пересечениями» его (романа) с иными реальностями культуры (изобразительной, музыкальной, медийной, компьютерной, sms-ной), науки, мифологии и мистики, документа и пр.

Так что? – вновь этот «поздний» (запоздавший?) синтетический постмодернизм становится хозяином дискурса?

Разговоры о «возвращении» постмодернизма активизировались в Болгарии главным образом после выхода в свет двух удивительных романов – «Возвышение» (2011) М. Рускова и «Физика тоски» (2012) Г. Господинова, вызвавших в критике и горячие дискуссии о *национальной специфике* постмодернизма в болгарской литературе.

«Возвышение» – третье крупное произведение М. Рускова, которому предшествовала очаровательная, но довольно трудная для восприятия «Карманная энциклопедия мистерий» (2004), ироничная история некоторых этапов жизни писателя, заключенная в форму энциклопедии атрибутов Средневековья во всех страшных и смешных проявлениях этой все еще «теплой» культурной традиции, построенная на постмодернистской игре с «голосами» участников этой псевдонаучной истории достижений человеческого гения (алхимики, астрологи, гностики, мистики, розенкрейцеры, тамплиеры и пр.).

Весьма иронична и вторая книга молодого прозаика – роман «Заброшен в природу» (2008), забавный рассказ о пользе и вреде табака и о средневековом португальском лекаре докторе Монарди и его ассистенте, ведущем повествование героем да Сильва, «заброшенных» в Природу – «тупую, неразумную, бесконечно воспроизводящую себя Природу, которую надо бы ограничить» [10. С. 256], но грех и не использовать в меру сил. И оба лекаря увлеченно пользуются дарами этой Природы. С помощью табака (исключительно!) берутся лечить всех страждущих буквально от всего: от боли в суставах, от мозолей и глистов, плохого запаха изо рта невесты и головной боли, творческой лихорадки и любовных страданий. Апогей их увлечения табаколением – почти анекдотическая смерть самого доктора, явно перебравшего за свою долгую жизнь табака, превратившегося для него в конце концов в отраву.

«Возвышение» – житейская исповедь, поток сознания, роман-монолог в форме сказа (вернее даже устного, полного иронии рассказа) очень яркого, колоритного героя – бачо Гичо (Гавраила), участника Общего дела (революции, национально-освободительного движения Болгарии середины XIX в.), то ли революционера, то ли разбойника с большой дороги, блуждающего (как и его любимый герой поэмы Георгия Раковского «Лесной путник») по горам и лесам Котленского Балкана в поисках скрывающегося от турок легендарного революционера Василя Левского, которому бачо Гичо и его сподвижник, молодой парень Асенчо, должны передать секретное послание от гайдука-гарибальдийца Димитра Общего.

Бачо Гичо невероятно обаятелен и симпатичен: весьма образован (ученик известного культурного деятеля и педагога Саввы Доброплодного), начитан (к месту и не к месту на каждом шагу цитирует строки из поэмы Раковского и сочинений крупного писателя и ученого Петра Берона), хулиган, хохмач, поэт, философ, отчаянный матерщинник.

Наши герои, помимо безуспешных поисков постоянно ускользающего от всех Василя Левского, заняты и сбором средств на святое Общее дело – на революцию. При этом свою миссию понимают весьма своеобразно – грабят при случае богатых странников (скромно оставляя себе 1/3 часть добычи, а оставшиеся 2/3 отдавая на Дело). Центральное событие в романе – захват ими турецкого каравана с большими деньгами, которые они прячут до поры в потайном месте. За ними организована погоня. И Асенчо, юный товарищ бачо Гичо по скитаниям и сражениям, на этот раз не выдерживает искушения и в надежде поживиться сообщает туркам о месте, где спрятаны деньги, надеясь сохранить себе жизнь и получить свою долю богатства.

И вот турки окружают героев, убивают наивного предателя Асенчо, вышедшего им навстречу с белым флагом. Гичо остается один против множества аскеров, надеясь бежать с места боя под покровом ночи. Но смертельное ранение и (главное!) не отпускающие его сомнения⁴ в правильности избранного им пути революционного служения народу (невежественному, рабски покорному, равнодушному к свободе, к их, гайдуков, революционным порывам – «но ведь нельзя же возвысить народ насильно?») [11. С. 203]) заставляют его принять единственно возможное (для него) решение. И перед тем как выстрелить себе в грудь, Гавраил просит Бога помочь ему возвыситься, в одиночку совершив свое героическое духовное восхождение.

Итак, что же «старого», знакомого в этом ярком, колоритном романе, с его невообразимым языком-диалектом и подкупающим амбивалентным сочетанием «высокого» и «низкого» – героического пафоса «возвышенной» революционной борьбы за национальное освобождение и грустной иронии по поводу нерешительности и привычной безропотной слабости сломленного долгими веками рабства народа?

Произведение М. Рускова очень напоминает роман-пикареску с главным героем – отважным мужчиной, любителем приключений и опасностей (кстати, в романе нет ни одного женского образа). Этот герой, по сути, ведет свой дневник (тефтер), создавая таким образом «священный» для постмодерной мифологии образ *рукописи*. Все перипетии сюжета – бесконечная и захватывающая *игра* в «казаки-разбойники» (столкновения с турками, перестрелки, захват каравана) и «прятки». Героям никак не удается догнать Василя Левского, дабы вручить ему тайное послание Димитра Общего. Все время тот – на шаг впереди, а они лишь идут по его следам, заодно знакомя нас с прелестными уголками природы Балкана (горы, овраги, ручейки, рощицы – и все со своими названиями), любовно, поэтично описанными автором.

Наконец, откровенно постмодернистской представляется нам и захватывающе интересная стилистическая *игра* автора с *языком* романа, созданного на основе одного из болгарских диалектов описываемого времени (задолго до становления единого для всех литературного языка), усиливающего своеобразную этническую окрашенность стиля, но и создающего довольно неожиданный эффект «непонимания» и «непереводимости» даже для весьма подкованного современного читателя.

⁴ «– Зря я пошел их освобождать! Пустая башка!.. Вообще болгарин мне очень сомнителен. Турок по сравнению с ним – просто цветочек. Болгарин – слабая душа, слуга и завистник, чуждопоклонник.

– Но раз он такой, зачем мы его освобождаем? – спросил Асенчо.

– Этот вопрос дьявол тебе нашептал, – сказал я. – А вот так – насильно. Насильно освобождаем, вопреки его желанию. Его будут освобождать насильно!... такие, как Димитр Общий и другие – достойные, возвысившиеся. Они подхватят этот народ и помогут ему возвыситься. Сначала добром, а не захотят – так силой... Знаниями возвысятся ... Или возвысятся – или все псу под хвост... Но они ничего не хотят знать. Не хотят возвышаться. Как волы, безропотно ташат свой хомут... Какой там полет духа» [11. С. 205].

Данный структурный прием, пробивающий горизонты литературного порядка, представляется многим болгарским критикам движением *вглубь* и *внутрь* болгарского языка середины XIX в., *вглубь* и *внутрь* коллективной души, метафизическим, а не хронологическим возвращением к болгарскому возрождению – этому абсолютному канону, самому болгарскому, эталонному времени в истории страны [9]. Язык/диалект романа, эта глубинная вертикальная проекция языка – зонд в историю болгарского Возрождения, время самоопознания, самоутверждения и самоуважения болгарского этноса в его классическое «осевое время».

Отсюда и «новизна» романа Рускова – зрелый синтез его формулы-схемы (т.е. языка) с глубоко национальным объемом содержания, что дает основание критике говорить о «непреренно национальном» характере болгарского постмодернизма⁵, а также о том, что, «только оставаясь болгарским, постмодернизм в Болгарии может быть постмодернизмом вообще» [9].

Яркой формой синтеза представляется нам и пронзительный по своему внутреннему трагическому послы роман Г. Господинова «Физика тоски».

Правда, назвать данное произведение романом в классическом понимании жанра весьма затруднительно – перед нами пример яркой и остроумной метарефлексии автора, сознательной *литературной игры* в деконструкцию жанра: это и роман, и записки, и автобиография, и мемуары, и описание ментальных состояний автора разных лет, рассказы, зарисовки, списки, набор видовых открыток (отчет о его путешествиях по миру), репортажи, эссе. Все эти тексты и составляют в итоге развернутую во времени хронику жизни и интеллектуальной инициации автора, ведущего свой непростой, а порой и мучительный монолог о детстве, навсегда омраченном страхом быть оставленным, «брошенным» (синдром Минотавра, ребенком заключенного в подземный, темный лабиринт, духовное родство с которым болезненно ощущает автор); о школе, военной службе, годах студенчества; о путешествиях по городам и весям; о жизни в современной Болгарии, полной тоски от неуют, ненужности, всеобщей «брошенности» и массового желания «валить отсюда!».

Но везде и всегда – об одиночестве, своем ужасе перед близким уже Апокалипсисом, над которым он из последних сил пытается иронизировать, просто «воет тихо» («вою тихо, так тихо и вроде бы с такой тонкой иронией, что меня совсем и не слышно» [12. С. 236]).

Однако этот жанровый винегрет отнюдь не смущает автора («чистые жанры меня не слишком интересуют. Ведь роман – не ариец» [12. С. 9]). И он «упрямо усаживается мимо всех возможных жанровых стульев на собственной автономной дискурсивной кочке» [13. С. 195], в основании которой – физика тоски, квантовая физика литературы, реабилитировавшей случайность и неопределенность, всевозможные комбинации элементарных частиц прошлого, образующие причудливую структуру книги – таинственный и ностальгически грустный (тоскливый) *лабиринт*, по которому бродит автор, произвольно перемещаясь во времени и пространстве, «рифмуя» эпохи, из которых складывается его личная биография.

Действительно, в этой жанровой сумятице все же просматривается четкая автобиографическая линия – монолог об обретениях и утратах на жизненном пути автора, «контрабандно» [12. С. 27] проникающего в сознание своих предков – деда и отца, свободно ощущающего себя Минотавром, страдающим в лабиринте мрачного подземелья; лиловым осенним крокусом; кустом шиповника; июньским облаком; улиткой⁶; расцветшей не ко времени черешней, гибнущей под тяжестью

⁵ В этом, кстати, и главное отличие романа «Возвышение» от бесспорно постмодернистской «Карманной энциклопедии» Рускова с его забавной, но все же вторичной самоцельной игрой с исключительно европейскими реалиями, бескрайне далекими от национального бытия болгар.

⁶ Этим «живым лекарством» деда, страдающего язвой желудка, с ее кошмарными ощущениями, сопровождающими ее продвижение во рту, в пищеводе, в желудке деда [...] «все более медленном, медленном...» [12. С. 38].

внезапного апрельского снега; любимым из встретившихся ему по жизни людей, чем-то тронувших, ранивших его душу.

Это свойство (или болезнь) эмоциональной сопричастности, со-переживания, «вселения» в другого, которое в медицине называется синдромом патологической *эмпатии*, обычно сильно проявляется у детей 7–12 лет. Вспоминая свои детские годы, автор пишет об эмпатии как бремени чужой, непонятной тоски, которая увлекала его в «темные коридоры» чужой боли, чужой раны, чужой беды – «втягивала» его туда вплоть до реальной потери сознания (бабушка привычно-буднично констатировала это так: «Ну вот, опять его занесло») [12. С. 94].

С годами эта способность (или болезнь) покинула его, но желание сохранить за собой умение проникать в чужую душу заставило «постаревшего эмпата» обратиться к искусству *коллекционирования*. И он собирает чужие судьбы, истории, усердно заполняя ими свою «капсулу» (очень модный в 1970–1980-е годы способ обращения к потомкам), свой Ноев ковчег перед лицом страшной опасности наших дней – грядущего Апокалипсиса.

Тема «мировой осени», близкого Апокалипсиса, с известным примирением и грустной иронией развиваемая автором, – лейтмотивная, сквозная в творчестве Г. Господинова (особенно в последние годы – таков, в частности, сборник его не очень-то «фантастических» рассказов 2013 г. «И всё стало луной»). В романе он перечисляет тревожные симптомы близящегося конца: исчезают пчелы, летучие мыши, в городе Арканзас в 2011 г. с неба падали мертвые птицы, а на побережье Англии обнаружили десятки тысяч мертвых раков...

Он пишет о скорбях современного мира, обреченного на гибель, но и о тех, кто придет *после* Апокалипсиса (Бог или улитка?) – ведь именно ради них пишется его книга, составляется коллекция людских историй и заполняется новый Ноев ковчег, формируется капсула: не для вечного, прочного и монументального, а для всего того, что смертно, недолговечно, хрупко в этом мире, для всех «брошенных», «кто, всхлипывая от страха, зажигает спички в темноте» [12. С. 166].

Вне всяких сомнений, новая книга, «эти бесплодные опыты над элементарными частями прошлого» [12. С. 306] – яркий образец постмодернистской прозы, ностальгической и интеллигентной, это новая захватывающая игра писателя с «великими обломками» прежней культуры. И в этом «Физика тоски» ничуть не уступает его знаменитому «Естественному роману» (вышедшему в 1999 г. и уже переведенному на 20 с лишним языков), который в свое время критик Митко Новков торжественно провозгласил «Первым Болгарским Постмодернистским Романом» [14].

В новой книге писателя, кажется, есть абсолютно все, что положено иметь «приличному» постмодернистскому роману. Это тоже своего рода «практическое пособие по постмодернизму», своеобразная иллюстрация к расхожим представлениям о постмодернизме, об авторе, герое, сюжете и композиции (вернее, их отсутствии), о принципиальной множественности, непредсказуемости и случайности (как в физике элементарных частиц) всего – субъекта, стиля, языка.

На вопросы, волнующие автора, он отвечает с помощью *игры* на всех уровнях текста. Так, он «играет» с субъектами повествования. «Многоголосие», подвижность художественного субъекта, множественность «масок» – принципиальная позиция автора, посредством эмпатии перевоплощающегося в своих героев – в Минотавра, в куст шиповника... и с полным правом заявляющего: «Я – существуем».

Его по-прежнему привлекает интертекстуальная игра с цитатами из научных или художественных текстов – как прямыми, так и скрытыми, которые словно «теллуровые гвозди» Владимира Сорокина «откровенно способствуют наруше-

нию *адекватного* восприятия описываемой реальности», создавая «ощущение призрачности бытия, накрывшее сегодня человечество» [15. С. 197], с ужасом ожидающее конца.

Принципиальна для концепции романа и игра автора со временем и пространством: Я (дед, отец, сын) – в 1913, 1968, 1944, 2002 годах, в вечном времени детства; Я – на селе, в родном доме деда; в венгерском городке времен Первой мировой войны; в полуподвальной комнате 1940-х, за окном которой «брошенный» ушедшими по делам родителями маленький мальчик видит только ноги прохожих; в темном и страшном подземелье Минотавра; в бомбоубежище будущего постапокалиптического кошмара.

Причем все эти пространственно-временные осколки, обломки с помощью монтажа/коллажа объединены в лоскутном одеяле композиции-лабиринта, намеренно дезориентирующей читателя с помощью выставленных напоказ «швов».

Есть в романе и все остальное, что характерно для постмодернистского произведения: смысловая многозначность образной системы, отточенная техника языковой имитации, переосмысление «наработанных» литературных форм и техник, этическая перекодировка культурно-исторических реалий в условиях измененного контекста, смещение реальности и вымысла, стилевой эпатаж, аллегоричность, притчевость некоторых сюжетных линий, эссеистичность ряда глав философского плана и (уж конечно) самоирония («вою тихо»).

Автор этой книги (мрачной и в меру ироничной), описывая историю XX в. через индивидуальные судьбы людей, сумел показать *общие* знания человечества в *общих* чувствах людей – их тоске, грусти, меланхолии, ностальгии [5]. Но рисуя вроде бы настоящую жизнь, в общем-то безрадостную и пошлую, он вполне осознанно отказывает ей в достоверно-зеркальном правдоподобию, интерпретируя ее в разных комбинациях разноцветных камешков калейдоскопа, и при этом откровенно наслаждается своей игрой.

Но за этой ностальгически-ироничной игрой мы все время ощущаем личность писателя, его живую боль, одиночество, отчаяние и тоску.

Книга заканчивается просто и трагично: «Я помню, что я умер, я – голая улитка, куст шиповника, куропатка, июньское облако, черешня под апрельским снегом ... Я – были» [12. С. 332].

Открыто заявленный *автобиографизм* книги противоречит самой природе постмодернизма, отказавшегося в свое время от автора-героя как центра структуры произведения, превращая этот почти классический постмодернистский роман в синтетический жанр «каждый – сам себе роман» и реабилитируя образ мира и образ автора.

Новые возможности такого синтетического романа связаны у Г. Господинова и с использованием возможностей «соседних» сфер культуры – документа, философии, истории и (особенно) мифологии.

Вообще, мифологическое мышление, по наблюдению А. Василевского, «встроено в человека как программа в компьютер» [16. С. 234], и обращение к мифу становится насущным в «угрожающем контексте» – когда от невыносимого чувства растерянности и «брошенности», от бессилия перед лицом невнятности бытия возникают вечные человеческие вопросы, порождающие эту новую мифологию. Появляются сомнения, облакаемые в форму реально вычленяемых мотивов-мифологем («хаос», «порядок», «чудо», «инакость» и пр.), обладающих своим, новым «мифогенным потенциалом».

Центральный мотив романа Г. Господинова – мотив «брошенности» напрямую связан с мифом о Минотавре.

Детский страх ребенка, который боится остаться один, быть «оставленным»⁷, после знакомства с увлекательными «Мифами и легендами Древней Греции», поразившими его воображение и смутившими сердце душераздирающей историей маленького Минотавра⁸, превращается в мучительную фобию (синдром Минотавра, с которым он отождествляет себя), в навязчивую, необъяснимую боязнь быть преданным, «брошенным».

И этот миф о Минотавре становится идейным стержнем, определяющим лейтмотивом романа. Он своеобразно окрашивает все произведение, задавая особую эмоциональную атмосферу – нежного сочувствия, страха, одиночества и тоски в жизни автора и судьбе всего человечества, стоящего на пороге гибели, преданного современной цивилизацией и историей.

Особое отношение к мифу демонстрирует и Керана Ангелова, все романы которой – это мифологическая самоидентификация болгарки (в антропологическом и эстетическом смысле), неразрывно связанная с проблемой национальной идентичности и ее проявлениями во времени и пространстве мифического болгарского, «Балканского Лабиринта»⁹.

Главное достоинство, удивительная прелесть и свежесть романов К. Ангеловой – в поэтическом, страстном восхвалении Жизни, Природы и Любви. Именно *поэзия* – код, ключ, открывающий духовное пространство мысли, чувства и души писательницы.

«Какое это чудо – жизнь, – говорит главная героиня ее первого романа «Эллада Пиньо и время», столетняя богатая старуха, которая пишет дневник, вспоминая себя в юности – дикую, вольную, прекрасную и свободную дикарку, смакуя каждую минуту своей долгой жизни¹⁰. – Спасибо тебе, Господи, что дал мне столько муки, горя и страданий, которые я превратила в радость и счастье» [17. С. 42].

Основная концепция всех романов К. Ангеловой строится на *дихотомии*, оппозиции двух ключевых понятий: «внутри» и «наружу» («навътре» и «навън»), двух миров: мира свободы, счастья, любви, природы, высокого неба¹¹, и другого, параллельного мира обычных, озабоченных, «слепых» людей, массового человека, скрывающегося от реальной, свободной жизни в своем убежище – «внутренней комнате» без окон и «без икон» [18. С. 139].

Ангелова славит свой мир, мир свободы – магически радостный, открытый, первобытный, изначально явленный человеку.

Эти миры не очень совместимы, но между ними есть щели – капельки дождя, пламя свечи, чистая вода колодца, краски заката, которые иногда помогают человеческой душе очнуться и «вернуться» к своим истокам.

Миф «вечного возвращения» у Ангеловой – это безначальный и бесконечный поток во Вселенной, в котором все мы – пришельцы, «нездешние», люди с «золотыми глазами (а человеку так нужны эти «золотые глаза»! – лично пережитое им, выстраданное откровение), только на разных этапах своего пути [19. С. 148].

⁷ Как когда-то его дед, мальчиком сознательно брошенный матерью на мельнице – в надежде, что добрые люди не оставят ребенка и облегчат таким образом ее боль и мучительные усилия прокормить свою многочисленную семью.

⁸ Существа с телом человека и головой быка, которого царь Минос, пытаясь скрыть позор семьи и грех своей жены Пасифеи, навечно заточил в подземный лабиринт о. Крит.

⁹ Строго говоря, романы К. Ангеловой можно считать развитием мифологического дискурса в болгарской литературе, который ведет свое начало еще с первых десятилетий XX в. (П.Ю. Тодоров, Н. Райнов), а позже, в 1960–1980-е годы, был представлен в творчестве Й. Радичкова, Г. Алексиева, Г. Марковского, Й. Вылчева, В. Попова.

¹⁰ Она отправляется назад, сквозь время, в самое «начало» – к алой люльке с больной, плачущей малышкой, брошенной в горах ее матерью-беженкой в дни Преображенского восстания 1903 г., но чудом спасенной дикой козулей, вскормившей ее (и через многие годы Эллада помнила, ощущала тот ледяной холод «бесконечного космического одиночества»).

¹¹ Символ этого мира – бабочка (один из лейтмотивов всех романов), вырывающаяся из своего кокона к свету, к свободе.

Романы объединены и основной темой писательницы – ее интересует единство человека и природы как универсальный признак существования мира.

Используя, обрабатывая фольклорные («Эллада Пиньо и время»), языческие, христианские, родовые («Внутренняя комната») и литературные («Улица бабочек») мифы, автор воспринимает их все же как вторичные, создавая собственную мифологию, получающую и дополнительную эпическую энергию (см. [18. С. 126]).

И в рамках этой новой авторской мифологии по-новому воспринимаются в общем-то частные истории романа-саги «Внутренняя комната» о четырех поколениях одного рода, включенных в вечное природное и болгарское историческое время и пространство – свой дом, «внутреннюю комнату» без окон – мир уединения и свободы, когда-то построенную в самом сердце нового дома одним из представителей рода, индивидуальную вселенную, «капкан» судьбы каждого из героев; или рассказы жителей одной улицы (каждый – тоже в своей индивидуальной «внутренней комнате», на своем «собственном кресте»), но рвущихся «наружу» (как бабочки) – к освобождению, к свету, к счастью.

Ключевые слова романа «Улица бабочек» – «вечность», «красота», «нежность», акцентируя внимание на этих понятиях, напоминают и о том, что им противопоставит: подлость, зависть, злоба и предательство. Автор говорит о нежности, которую все так старательно скрывают, но тоскуют о ней в своих снах; о красоте, которая бесит, раздражает завистников и потому должна быть уничтожена. Именно они заставляют Викторию добровольно отказаться от своей поразительной красоты и зачем-то стреляют в удивительную бабочку «Александрин Птицекрыл», гордость коллекции местного энтомолога, пробивая страшную черную дыру в ее сияющем прозрачном крыле.

Любовь, нежности и красоте в нашей жизни угрожает грубый, пошлый, безжалостный мир, уверенный, что на земле можно прожить и без них. А потому, убеждает автор, «внешний», т.е. истинный, епифанически прекрасный, явленный нам в ощущениях мир нуждается в нашей защите.

Еще одно яркое «приобретение» современного романа синтеза – активное использование *христианских* мотивов, библейских легенд и евангельских притч.

В числе первых авторов, обратившихся к этому великому наследию нашей цивилизации, была Теодора Димова.

Реминисценции, цитаты и даже сюжеты из Библии в ее романах помогают осмыслить угнетающе безнадежный хаос теперешней жизни в свете библейского духовного опыта, в христианских категориях добра и зла, греха и праведности, гибели и спасения (см. [19]).

Последний роман писательницы «Поезд на Эммаус» (2014) – современное прочтение старой евангельской притчи «Дорога на Эммаус» (в 2010 г. экранизированной американским режиссером Стивом Боттчером) о двух странниках, последователях Иисуса. Потрясенные недавней гибелью своего Учителя, его казнью и загадочным исчезновением тела из пещеры, по дороге домой, в селение Эммаус, что в 60 стадиях (30 км) к западу («на закат») от Иерусалима, они на ходу обсуждают все эти непонятные и трагические события между собой, а позже – и с присоединившимся к ним незнакомым попутчиком, не признав в нем Иисуса. Он откроется им позже, вечером, на отдыхе. Но, переломив для них хлеб и благословив, Он стал невидимым. И лишь тогда странники прозреют. К ним вернется вера и надежда, ясной станет цель жизни и судьбы Иисуса, а их великая печаль сменится великой радостью (Ев. от Луки, гл. 24, 13–34).

Книга Т. Димовой – выстраданная боль глубоко верующего человека, обескураженного и возмущенного (яркие «публицистические» пассажи романа) современным состоянием церкви в Болгарии, ставшей формально-декоративной, ритуальной, помпезной, но «утратившей дух Христа». Это книга о Боге и вере в него:

нужно просто верить, и Он вернется к нам, как вернулся когда-то к эммаусским путникам.

Ночным поездом, на исходе лета, главный герой романа Мина, недавно потерявший в автокатастрофе взрослую любимую дочь и крайне болезненно переживающий свою утрату, боль и несуществующую вину перед нею, едет в переполненном вагоне куда-то на восток («к восходу»), на встречу с предназначенной ему Богом и судьбой женщиной. В этом душном и грязном поезде, убаюканные усыпляющим монотонным ритмом, рядом с ним едут самые обычные люди – добрые и не очень, молодые и старые, грязные, потные, больные, равнодушные, вороватые. Но после разговоров в заплыванном, неудобном коридоре вагона с Мина, личное горе которого сделало его необычайно восприимчивым к чужой беде и страданиям, они, в ответ на его участие, внимание, сочувствие и искреннее желание помочь, «оттаивают», оживают. Каким-то таинственным образом в них просыпается все самое лучшее, они становятся чище, добрее, доверчивее, открываясь перед этим совсем незнакомым человеком – как перед Ним. И неспешный ночной поезд беды и отчаяния становится для них «дорогой на Эммаус», когда-то вернувшей странникам надежду и веру.

Возможность гармонического, поистине экфрастического сочетания *литературы* и *музыки* демонстрирует в произведениях яркая современная писательница Эмилия Дворянова. Ее проза буквально пронизана музыкой, ставшей структуроопределяющим элементом поэтики ряда ее романов – как старых («Passion, или Смерть Алисы», 1995), так и совсем новых («Земные сады Богородицы», 2006, и «Концерт для слова: музыкально-эротические опыты», 2008).

Их музыкальность заметна прежде всего в повышенной эмоциональности текста, создаваемой в том числе и при помощи ритмической организации художественной речи (звукописи, множества звуковых повторов, аллитераций, ассонансов), инверсированного синтаксиса и графического оформления текста, фраз-рефренов и даже пауз.

Музыкальность проявляется и на уровне структуры ряда ее романов, соответствующей, например, законам фуги и использующей ритмообразующую технику контрапункта, когда основная тема в процессе ее интерпретации и варьирования раскрывается через контрапунктно звучащие «голоса», темы и мотивы («Passion, или Смерть Алисы»), или с помощью техники остинато («Концерт для слова») – полифонических вариаций на тему, в неизменном виде повторяющихся в басу и порождающих синтаксические конструкции, «ключевые» слова, в конечном итоге и организующие мотивную структуру произведения, с помощью которой и раскрывается проблемное поле романа.

Интересен и еще один пласт влияния музыки на прозу – появление ассоциативных «рифм», связей между отдельными компонентами произведения, объединяемых с помощью лейтмотивов (*жизнь/смерть, тело/душа, хаос/порядок, вера/безверие, грех/прощение, имитация/истинность*) – собственно мотивная структура текста, когда важен не только смысл слов, но и настроение, внушаемое этими словами, музыкальный рисунок, создаваемый с помощью особого темпа, ритма, тембра, диапазона и мелодики, взятыми из арсенала музыки.

Но есть у Дворяновой и еще один слой взаимопроникновения музыки и слова – когда она в романе «Концерт для слова» *пересказывает, «проговаривает»* звучащую музыку, осваивая новое для себя концептуальное пространство и помогая читателю «переживать трудно вербализуемые акустические и эмоциональные состояния» (см. [20. С. 162]). Это может быть перечень, констатация присутствия чисто технических приемов, «узнаваемых» по ходу исполнения, его «алгоритм», понятный главным образом лишь специалистам, какими (в той или иной мере) предстанут четверо из пяти героев этого небольшого, стильного и очень изящного романа, которые в реальном романном времени слушают в концертном зале

филармонии скрипичный концерт Мендельсона в исполнении заезжего скрипача-виртуоза, попутно размышляя в своих главах – «потоках сознания» (оформленных в романе в виде пяти «Концертов») о собственных проблемах, непростых отношениях с близкими и ожидая «на бис» исполнения Чаконы (знаменитой пьесы Баха в d-moll для скрипки или альтя). И, конечно же, этот алгоритм понятен и главной героине, некогда известной, а сейчас очень больной скрипачке Вирджинии, чья история-сон-воспоминание о недавних гастролях в Вене (центральная глава «Чакона») скрепляет все эти разрозненные фрагменты-«Концерты» в единое целое, повторяющее строгую, выверенную форму этой музыкальной пьесы – полифонических вариаций на основную тему: «[...] Литавры опоздали на долю секунды, но гобой почувствовал это и вступил вовремя [...], его пиццикато сорвались вниз, но вот уже снова карабкаются вверх ... и тут музыкальная волна как бы замирает [...] в этих каденциях музыка так неспешно набирает силу, расширяется до тремоло, после которого он все же успел дожидаться фразы – в невероятно выверенной паузе, чтобы подхватить ее [...], а сейчас уже все смягчилось, как будто воздух затих, и в этом продолжительном звуке его пальцы трепещут, едва прикасаясь к струнам в нежном вибрато, [...] оно отзвучит так безвозвратно и угаснет вместе с кларнетом в глубоком стоне ... но я знаю, что его разбудит флейта» [21. С. 12–13].

Или это разъяснение внутреннего содержания, глубинного смысла Чаконы, так долго не «дававшейся» Вирджинии и, наконец-то, с блеском исполненной ею при очень странных обстоятельствах в номере отеля, «в четыре руки» с незнакомцем-скрипачом, и это событие станет трагическим поворотным моментом в ее творчестве, женской судьбе и даже жизни: «Тогда, уже с первых аккордов, она почувствовала, что музыка освобождает ее от ее же собственного тела, преворачивая его до самого дна, провоцируя к акту, сексу, перверзии, которые скрываются где-то в глубине этой музыки, [...] вытекают из души скрипки, из музыкальной фразы, которая разыгрывается в тему, из темы, которая течет в своих неожиданных превращениях и модуляциях, заполняя все клетки ее тела [...] из этого уже невыносимого для нее такта танцевальной непосредственности Вены в три четверти [...], что ее душа захвачена так же естественно и в то же время так системно, как пульсирует ритм Чаконы в напористом *andante*, как сдерживает себя, чтобы потом заполнить собой все вокруг, ее победное d-moll» [21. С. 109].

Даже беглое знакомство с рядом болгарских романов последних лет дает нам основание согласиться с оптимистической оценкой этих произведений болгарской критикой, увидевшей в их появлении *новую фазу* постмодернизма, обогащенного в иных исторических условиях элементами внутрилитературного и внелитературного синтеза.

С одной стороны, авторы новых романов действительно актуализировали все старые фантомные боли этого ушедшего (как казалось еще совсем недавно) в небытие старого классического постмодернизма. Ведь, в сущности, за последние десять-пятнадцать лет никаких глобальных перемен в мироощущении людей не произошло – все тот же хаос, все та же постмодерная ситуация, еще более усилившаяся. По-прежнему литература безуспешно пытается найти в игре со смыслами, с «великими обломками» прошлого простые и ясные ответы на онтологические, экзистенциальные вопросы. Но – не находит.

Но с другой стороны, постмодернизм наших дней – иной. На наших глазах он достаточно успешно встраивается в интерактивный синтез искусств и культур, «в тотальную интерсемиотическую игру, при которой возможно все и все относительно, остается лишь констатировать “приемы”» [22. С. 175] новых «странных» жанров (роман-пазл, роман-лабиринт, роман-сага, роман-документальное кино, роман-причча, роман-пикареска...), появление которых привело к заметному разнообразию палитры художника, обогащению смысла и украшению языка и стиля этих новых романов.

Натиск на роман разноплановых культурных систем сейчас слишком велик, и, как ни пытаются порой авторы «трепетно оберегать литературные традиции от дурной компании нелитературных дискурсов» [23. С. 194], им это не всегда удается.

Правда, говорить о принципиальной «новизне» элементов поэтики нынешнего постмодернизма вряд ли стоит.

Взаимовлияние различных семиотических систем хорошо известно культуре XX в. – реалистической, модернистской, авангардной. Мы знаем (по крайней мере – слышали), в частности, о «плодах» взаимодействия *науки* с искусством: о «светомызыке» Александра Скрябина; «вычислительных каденциях» Игоря Стравинского; об открытии Павлом Флоренским «обратной перспективы» в иконописи древних мастеров; об историософской нумерологии Велимира Хлебникова.

Еще больше примеров взаимных контактов *литературы* с искусством XX в.

Так, давно говорят о благотворном влиянии на литературу *архитектуры* – этого источника новых композиционных решений; *фотографии*, подарившей ей авангардные ракурсы Александра Родченко и виртуозную возможность «остановить мгновение», вырвав из житейского хаоса «опорную деталь».

Неоценим вклад в поэтику романа прошлого века искусства *кино*, открывшего монтаж Гийома Аполлинера, «монтаж аттракционов» Сергея Эйзенштейна, «киноглаз» Дзиги Вертова и его авангардные эксперименты со зрительной перспективой, секреты сменяющихся планов и прочие «чудеса» визуализации культуры прошлого столетия, круто замешанной на словесности.

Самым удивительным образом в литературе проявились и особенности *живописи*: эксперименты раннего советского авангарда (абстрактные композиции Эль Лисицкого и Александра Дейнеки) или следы несомненного влияния на литературу художников-импрессионистов с их мозаичной композицией, фрагментарностью, множественностью точек зрения (типично «импрессионистических мазков»), а главное – с уникальным свойством их субъективного восприятия впечатления: мимолетного, сиюминутного, летучего.

Музыка (программная, ритмическая, декакофоническая, синестетическая) уже давно «звучит» в романе XX в. и проявляется не только в банальной «музыкальности» фразы, стиля. Она может стать и источником тематических аналогий (ассоциативных «рифм»), организующим принципом структуры и мощным концептуальным лейтмотивом.

Совсем иным, «разрушительным», стало влияние на роман новых «технологических» систем эпохи Интернета, заменившего собой эрудицию: TV с его «клиповой» тактикой изображения, пошлой фрагментарностью передач, разорванных всемогущей рекламой; интернет-литература графоманов всех мастей, «приблизительностью» знаний Википедии и безграмотной перепиской в соцсетях; sms-культуры новых мобильных систем и пр.

Но что же тогда «нового» в романах времени «позднего синтетического постмодернизма», если не полагать принципиально новым видоизменение, развитие, *усложнение* некоторых элементов поэтики прозы постмодернистского дискурса в наши дни?

Например, перехода «многоголосия», множественности «масок» автора (проявляющихся, в частности, во все более отчетливой фрагментаризации повествования)¹² к новым техникам-способам авторского высказывания (типа ready made

¹² Это, например, калейдоскоп из судеб героев романа Радостины Ангеловой «Имаго», пытающихся выбраться из жизненного тупика, найти свой путь, чтобы завершить свою мучительную метаморфозу в имаго (последнюю фазу своей духовной эволюции); потоки сознания героев пяти отдельных «конcertов» в романе Э. Дворянковой «Концерт для слова»; или монологи подростков из романа Теодоры Димовой «Матери», убивших свою обожаемую учительницу.

и verbatim) и рутинной работе с «чужими голосами», расшифровке аудиальных записей «со слов героев»¹³.

(К числу негативных примеров «усложнения» старой доброй постмодернистской иронии можно отнести и глумливый «партизанский» роман Алека Попова «Сестры Палавеевы» – постмодернистский микс, пародирующий прежние партийные клише.)

По-настоящему *новым* во всех упоминавшихся романах новой версии, новой фазы постмодернизма является *качество* этой талантливой литературы, заметно выделяющейся на общем сероватом фоне концептуального бессилия современной прозы, повышенная *ответственность* авторов за свое слово (и в эстетическом и в идеологическом смысле). И нежелание этой умной, искренней, честной (а порой и безжалостной) литературы идти на компромиссы, снижая высочайшую планку истинно «элитарной» прозы, следует воспринимать всерьез, «по гамбургскому счету».

И еще одно – может быть, самое главное: на общем литературном фоне печального скепсиса, в плену идеологии цинизма и разнузданных деструкций всего и вся новый роман вносит (как раз с помощью всех вышеперечисленных разнообразных, а потому и более действенных средств) элемент *конструктива*, *проблеск надежды*, *искорки позитива*.

Описывая хаос в истории и обществе, в судьбе человека и в его душе, авторы предлагают свои *способы его преодоления*: в национальной идее «возвышения» народа (актуальной во все времена); в обращении к мифу, «приручающему» хаос; к вере в будущего (даже и *постапокалиптического*) читателя – ну хотя бы Бога или улитки; к музыке, гармонизирующей хаос; к религии, утешающей человека и дарующей ему веру; к Природе и Любви – изначально и навечно явленных нам.

«Поздний синтетический постмодернизм» сейчас все более отдаляется от своего классического канона. Само наличие синтеза (во всех его вариантах) говорит, скорее, об *универсальности* этого течения и в наши дни, уже давно ставшего *синонимом творческого поиска*, источником неограниченных художественных исканий литературы вообще, в принципе.

Но тогда, может быть, это и не постмодернизм вовсе? Очень уж хочется согласиться с точкой зрения Л.Г. Андреева, еще в 2002 г. призывавшего в своей статье «Художественный синтез и постмодернизм» [24. С. 4] разграничивать *постмодернизм* (с его поистине безмерными притязаниями) и *художественный синтез*, открытый в литературе XX в. и вобравший в себя на протяжении всего столетия приемы самых разных направлений (от авангарда до постмодернизма) – синтез «на плечах реализма».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Симеонова-Конах Г. Постмодернизмът. Българският случай. София, 2011.
2. Карцева З.И. Постмодернизм и България // Постмодернизм в славянских странах. М., 2004.
3. Водолазкин Е. Постмодернизм кончился // Литературная газета. 2014. 23–29 VI. № 29 (6472).
4. Джумайло О. За границами игры в английском постмодернистском романе 1980–2000 // Вопросы литературы, 2007. № 5.
5. Неделчев М. Високата литература срещу подмяната // Литературен вестник. 2012. № 13.
6. Букова Я. Още нещо малко за думичката с «п», част 2 // Култура. 2014. 06 VI. Бр. 21.
7. Визель М. Пост сдал – пост принял // Эксперт. 2014. № 1–2.
8. Лукашёнков И. Главный стиль нашего времени // Топос. 2013. 13 X.
9. Антонов П. Постмодернизмът ни между «б» и «п» // Култура. 2014. 12 IX. Бр. 29.
10. Русков М. Захвърлен в природата. София, 2008.
11. Русков М. Възвишение. София, 2011.

¹³ Эти приемы, кстати, весьма успешно используются в современном русском романе – у С. Алексеевич в романах К. Букша «Завод “Свобода”», «Обращение в слух» А. Понизовского, «Тетя Мотя» М. Кучерской, «Разговоры» А. Векшиной и др.

12. *Господинов Г.* Физика на тъгата. София, 2012.
13. *Бавильский Д.* Теорема Мильштейна / Рец. на кн.: *Мильштейн А.* Параллельная акция // Новый мир. 2014. № 11.
14. *Новков М.* Литературните събития на 90-те // Литературен вестник. 1999. Бр. 22.
15. *Светлова И.* Постцинизм Сорокина // Новый мир. 2014. № 12.
16. *Василевский А.* Библиографические листки // Новый мир. 2008. № 11.
17. *Ангелова К.* Елада Пиньо и времето. София, 2003.
18. *Топалова Д.* Да си върнем сътворението. Бургас, 2010.
19. *Карцева З.И.* Между верой и безверием (библейские мотивы в новой болгарской прозе) // Studia polonoslavica. М., 2014.
20. *Бутов М.* Композиторы очень умные // Новый мир. 2014. № 12.
21. *Дворянова Е.* Концерт за изречение: опити върху музикално-еротическото. София, 2008.
22. *Котелевская В.* Нескончаемый модерн // Новый мир. 2013. № 12.
23. *Липовицкий М.* Дискусия «Филология – кризис идей?» // Знамя. 2005. № 1.
24. *Андреев Л.Г.* Художественный синтез и постмодернизм // Вопросы литературы. 2002. № 1.

© 2015 г. Б.А. ГАСАНОВ

«ЖИВОЕ СЕРЕБРО» В СЛАВЯНСКОЙ ТРАДИЦИИ

В работе рассмотрен этнографический материал, касающийся роли ртути («живого серебра») в качестве элемента славянской народной магии и медицины. Обнаруженные сведения позволяют сделать вывод как о своеобразии славянской традиции, так и о соотношении ее с практиками соседствующих народов.

The article considers ethnographic material related to the role of mercury («quicksilver») as an element of Slavic popular magic and medicine. Data collected let come to the conclusion about the authenticity of the Slavic tradition and its interrelations with the praxes of neighbouring people.

Ключевые слова: этнолингвистика, славянский фольклор, традиционная культура, народная медицина.

Keywords: ethnoinguistics, Slavic folklore, traditional culture, popular medicine.

Использование металлов не только в целях производственно-бытовых, но также в качестве материала для изготовления украшений, денежных знаков, оберегов, свидетельствует об их важнейшей культурной роли в жизни человека любой эпохи и национальности. Среди них особняком стоит самый необычный металл – ртуть. Здесь я хотел бы рассмотреть несколько характерных примеров использования ртути в народной магии славян, поскольку данной теме еще не уделялось сколько-нибудь пристального внимания.

Славянские названия ртути – «серебряной воды» – рус. *ртуть, артуть, иртуть, ортуть, ортють*, укр. *ртуть*, бел. *ртуць*, чеш. *rtut'*, словц. *ortut'*, польск. *rtęć* входят в число старых, праславянских названий семи основных металлов (золото, серебро, железо, медь, свинец, олово, ртуть), которые были известны праславянам [1. С. 5], и реконструируется как **rbtqtb*. Этимологию слова связывают с лит. *ritù, ritaù, risti* ‘катиться’, лтш. *ritu, rist* ‘катить(ся)’, д.-в.-нем. *ridan* ‘крутить’, а также цслав. *pytymu ся* ‘бросаться’ [2. С. 509–510]. Это позволяет сделать предположение, что праславянские племена открыли ртуть самостоятельно, а не в ходе контактов с другими народами (ср. «аргумент железа», предложенный О.Н. Трубачевым). Так, одно из крупных месторождений киновари (ртутного минерала) находится на Украине.

В народе этот едва ли не самый причудливый металл знали под названием «живое серебро» (рус. *живое серебро, живой серебро* (волгогр.), укр. *живе срібло, живосрібло*, бел. *жывое серабро/сярэбро*, серб. *живо сребро*, хорв. *živa*, болг. *живо сребро, живак*, макед. *жива*, чеш. *živé stříbro*, польск. *żywe srebro*, в.-луж. *žiwe slěbro*), отражавшим его метафорическое восприятие (по подобию, в сравне-

Гасанов Богумил Ашумович – независимый исследователь, г. Рязань.

нии). «Живое» – «живость», текучесть/подвижность металла¹, ставшая ключевым определением для латинского и славянских наименований ртути², «серебро» – его внешнее подобие сорок седьмому элементу таблицы Д.И. Менделеева. Фактически можно говорить о том, что «живое серебро» не считалось самостоятельным металлом, для крестьянина это была скорее некая разновидность серебра. Металл, не принимающий твердую форму, был полностью бесполезен в крестьянском быту (мы не говорим о профессиональных и специфических случаях, например о медицине, как народной, так и вполне официальной, активно использующей ртуть в рецептах, или же о ювелирном деле, применение в котором ртути (метод золочения) фиксируется у славян с VII в. [5. С. 81]). Однако ртуть оказалась задействована в сфере народной прикладной магии.

К сожалению, имеющиеся материалы не позволяют говорить о том, с какого времени ртуть входит в обиход народа (хотя праславянское название вносит коррективы), равно как и о том, каким образом ее можно было раздобыть простому землепашцу хотя бы сто лет назад. Вполне возможно, что речь идет об относительно новом явлении в традиции, появившемся не более двухсот-трехсот лет назад. В таком случае придется предположить, что носители традиционной культуры нашли новому ингредиенту применение, придав ему символическое значение и включив в ритуальные практики по аналогии (серебро – «живое серебро»).

Итак, обратимся к примерам, позволяющим оценить значение «живого серебра» в традиционной культуре славян.

Известно несколько примеров применения ртути в любовной магии. В 1968 г. сотрудниками Музея истории религии и атеизма в Омутнинском р-не Кировской обл. (п. Песковка) был приобретен «амулет – гусиное перо с находящейся в нем **ртутью**; зашитое в красную тряпочку, оно прикалывалось булавкой к нижнему белью женщины – чтобы удержать мужа» [6. С. 27]. Гуцульские девушки и женщины носили **«ртуть»** на груди; это был волшебный способ обеспечить пылкой взаимностью в любви» [7. С. 23].

Согласно ряду данных ртуть является оберегом в скотоводческой и строительной магии. В Архангельской обл. был записан заговор на оберег скота («Кругом меня [...] ограда, железная застава [...]»), который следовало трижды «проговорить **в битую ртуть**, ежели нету ртути, то в хлеб-соль, зашить в портянну маленькую сумочку скотине на рога, а человеку куда-нибудь зашить в платье» [8. № 302]. «Битая ртуть» расшифровывается довольно незамысловато – в XX в. основным источником ртути были обычные градусники, разбиваемые при необходимости³. В Полесье, на Карпатах и в районе Моравы ртуть «внедряли» в тело оберегаемого животного [11. С. 135]. В Белоруссии (Велижский уезд) «для того, чтобы ведьмы не отбирали молока у коров [...] заботливые хозяева пробуравливают у первотелок, молодых коров, телившихся в первый раз, дыру в одном из рогов, вливают в эту дыру **живого серебра – ртути** и залепливают дыру воском от громничной или страстной свечи. К такой корове ведьма не осмеливается приступить» [12. С. 180–181]; «Як каравя першы раз ацелицьсе, то треба ёй паспилоўываць крышкі абодва роги и паверцець дзирачкі: ў адзін (рог) ўпусьціць **живаго сьрэбра**, а ў другі левадреку (асафетіды) и пазатыкаць, то такой каровы ніхто ніколі ні ачаруе» [13. № 2014]; «Некоторые, чтобы навсегда застраховать своих коров от ведьм, делают маленьким буравчиком дырочки в рогах коровы и забивают туда

¹ «Ртуть – ета жывое сирібро, в бутылчакі так і бегае» (рус. [3. С. 223]), «Хлопець, як жывое сребро» (укр. [4. С. 98]); в коментарыях к сказам П. Бажова іспользуемый ім рэчывой абарот *артуть-дэвка* тлумчыцца як «подвижная, быстрая».

² Аналагічна і в другіх мовах: англ. *quicksilver*, нем. *Quecksilber*, чуваш. *чёркёмёл*, башк. *терекөмөш*, татар. *терекөмеш*. Ср. такжэ тур. *sim* ‘серебро’ – туркм. *симап*, кирг. *сымап* ‘ртуть’.

³ Ср. у беларусаў: «Як тэрмометр разбіўся, раскаціліся шарыкі – гэта жывое сярэбро» [9. С. 162]; «Во, дивись, ета жывое сьрэбро – бацька з бальніцы прынес» [10. С. 101].

частицы “живаго срибра” или “дэвэльдрэк” (асафетида)» [14. С. 266]; «В отверстия, просверленные в концах обоих рогов, вливают по капельке **ртути** и залепливают воском» [15. S. 218]; «Chcąc więc ułagodzić towarńich didków, oraz wiedźmy, odbierające mleko krowom, wydrążają w rogach ostatńich dziurki i nalewają do nich **rtęci**, na którą te pogańce bardzo łakome» [16. S. 62]. Вариант данного обычая встречается у белорусского населения Польши и в настоящее время: «живое серебро» зашивают в «паясницы» – ошейники из тесьмы, надеваемые молодым коровам [17. S. 203], и у белорусов Гомельской обл. (Кормянский р-н, д. Барсуки): корове «на шыю вярвачку вешалі, укладаюць туды **ад градусьніка серабром**. Ушываюць, каб уроку не баялася» [18. С. 970]. Известны и русские примеры, возможно связанные с культурой переселенцев из Белоруссии или Украины: «При падеже рогатого скота сверлят рога заболевшей скотины и, путив в отверстие **каплю ртути**, забивают его осиновым клинышком; потом весь скот прогоняют между двумя пылающими кострами» (саратов.) [19. Вып. 3. С. 1274]; «При порче коров обращались к бабкам, они говорили, что есть **живое серебро**, его надо пустить в рог корове, чтобы не было сглазу» (красноярск.) [20. № 617]. У соседствующих с белорусами латышей ртуть также использовалась в скотоводческой магии, но применялся иной способ «внедрения» волшебного средства в тело животного: «Чтоб у коров были хорошие и здоровые телята, хозяйка должна вечером накануне Рождества дать коровам **ртути** в куске хлеба, протыканном иголкой» [21. С. 201]. В Виленской губ. ртуть служила средством, способным разрушить негативную магию без контакта с животными: «Когда у кого-либо не ведется скот, что обычно приписывают чарам, нужно выкопать в коровнике рвы с угла на угол, накрест, и в том месте, где эти рвы сойдутся, налить “**живого серебра**”. Верят, что сила покидает колдовские чары, да так, что порой выворачивает стены» [22. № 318].

При постройке дома ртуть, как и многие другие магические ингредиенты, вмуровывалась в основу строения, чтобы распространить ее силу повсеместно и равномерно. Ключевой точкой для размещения их служил красный угол: «(1 инф.:) Как дом строили, тогда, где иконы стоят, так там копеек ложили и хлеба кусочек; да – и соли. (2 инф.:) И **живое серебро** (ртуть). Ну, градусник, допустим. Разбил градусник – и туда...» (русские в Литве) [23. № 336]. Такой же обычай известен латышам – при строительстве дома «в особом углублении в углу помещали ртуть» [24. С. 117]. В Новгородской губ. в сруб строящейся избы клали «**ртуть** – чтобы в доме велось чисто» [25. Т. 7. Ч. 1. С. 163]. Вероятно, о чистоте говорится в том смысле, что жилье будет чистым от всевозможных домашних насекомых (блох, клопов, тараканов). С другой стороны – чистота могла быть и иного рода, поскольку, как мы увидим далее, ртуть неоднократно связывается с представлениями об очищении в самых разных ситуациях – от избавления от сорняков (помещение ртути в емкость с семенами – Смоленская губ. [26. Т. II. С. 242]) до изгнания нечистой силы (замуровывание в фундамент дома головы жертвенного барашка, в рот которому помещали ртуть, – Македония [27. С. 9]).

В качестве апотропея ртуть «работала» при возведении других построек – хлебов и бань: «Против колдуний, “отнимающих” молоко у коров, употребляются **ртуть** или три стальных крестика. Следует эти предметы положить под порог того строения, где помещается рогатый скот, и тогда ни одна колдунья, ни даже сам чорт не посмеют перешагнуть порога» (мазуры, Польша [28. С. 133]); «Баню новую ставят, в порог положат **ртуть**, в мешочек зашьют или в свечу положат. Оберег такой» (Архангельская обл. [8. № 285]); «Кагда байню строят, то в парог кладут **живова серебра** для чистаты» (Псковская обл. [29. С. 70]). Аналогично поступали коми: «**Капли ртути** заделываются в порог бани, чтобы туда не могла зайти болезнь» [30. С. 192], и карелы: «В пороге нового дома (как и в пороге бани) высверливали небольшое отверстие, в которое заливали **ртуть**, “чтобы не было приходной болезни”» [31. С. 36]. С другой стороны, К.К. Логинов на карельских

(русских) материалах отмечает: «Тем не менее, баня без банных духов у многих водлозеров считалась как бы неполноценной. Поэтому ртуть в порог бани закладывали крайне редко (в этом случае строение, как считалось, остается незанятым духами-хозяевами)» [32. С. 247].

Объектом защиты мог быть и человек. Ртуть применяется также в качестве личного оберега от сглаза, порчи, от колдунов и нечистой силы: у русских в Эстонии «защитая в тряпочку **ртуть** (использовалась как оберег) против сглаза» [33. С. 256]; «По мнению устьцилемок, как и русских вообще, надежным оберегом была **ртуть**, которую, как и Воскресную молитву, зашивали и крепили к тесьме нательного креста; некоторые зашивали ее в косник (ленту)» [34. С. 169]; на Вологодчине и в настоящее время «**ртуть** заворачивают в тряпочку и на ниточке носят на груди вместе с крестом» как оберег [8. № 309], у белорусов от сглаза советовали «всегда носить при себе волчий клык на шее, привязанный на шнурке, либо кусочек “девалдрекка”/“ливандрекка” (*Asa foetida*) [...] либо “живое серебро”, зашитое в кусок сукна» [15. С. 213]; «Люди, боящиеся дурного глаза, носят в ладонке освященное живое серебро – **ртуть**» [12. С. 304]; «Каб не прысталі ніякія чары, у сарочку зашываюць і носяць заўжды пры сабе “**живое срэбра**” ў маленькуй бутэлечцы» [35. № 532]. Аналогичные поверья зафиксированы у южных славян: «**живое серебро** носить с собой – защита от колдовства (*czarów*)» [36. С. 272]. Собираясь на святочные посиделки, поморская девушка вплетала под косу ладанку, в которую было «зашиито три хлебных зерна, камушек из “мышинного гнезда”, щучий зуб и **ртуть**, закатанная в ствол пера» [37. С. 28]. Гуцулы «изготавливают полые крестики из древесины серебристого тополя и наполняют их **ртутью**; если носить такой крестик на груди, он прогоняет черта прочь» [7. С. 114].

Ртуть включали в состав свадебных оберегов: в Заонежье «иногда в опушку нижней юбки (невесты) зашивали **ртуть**, помещенную в маленький тряпичный узелок. Все это делалось со “словами”» [38. С. 229]; «Обереги могли быть и в карманах жениха: **ртуть** (в гусином пере или завернутая в тряпицу)» [38. С. 144]. Поморы «за три недели до свадьбы в целях оберега надевали на жениха и невесту пояс, начиненный **ртутью**» [39. С. 79]; в Тихвинском уезде Новгородской губ. «на грудь невесты (и жениху. – *Б.Г.*) кладут (если есть) **ртуть**, чтобы не пристало никакое колдовство» [40. С. 94]. В Нижегородской губ. «перед отправлением в церковь молодых зашпиливают со всех сторон противу сердца иглами и кладут за пазуху **ртути**, – чтобы не испортили колдуны» [19. Вып. 2. С. 744]. Аналогично поступали карелы – свадебный дружка под одежду жениха «привязывал пояс с магическими предметами, среди которых были змеиный зуб, **ртуть** и шкурка белки-летяги» [41. С. 181].

У поморов отмечено экстремальное, с точки зрения современного человека, применение ртути в свадебном ритуале. Со стороны жениха и со стороны невесты пекли два обрядовых хлеба, называемых «баенниками». Это «ржаной хлеб, в верхней корке которого делается круглое в 5–7 см в диаметре неглубокое отверстие для жита (ячменя) в зерне, чесноковицы, разрезанной пополам, и небольшого количества **ртути**, имеющих следующее значение: жито и чеснок – как средство, предохраняющее новобрачных от чирьев, дремоты и всяких домашних неурядиц в семейной жизни, а ртуть – как средство, предохраняющее от порчи колдуна. Заготовленный таким образом хлеб зашивается в ситец или платок обязательно белого цвета и направляется вместе с женихом и невестою в церковь к венчанию [...] После венчания баенники из церкви приносятся в дом новобрачных (мужа), где и хранятся на свадебном столе до трех суток. По истечении условного срока хлеба из оболочки расширяются и поедаются молодыми и их семейными» [42. С. 20].

Ртуть могла помочь в ходе родов – как текуча она сама, так споро должен был появиться на свет малыш: «Я, донька, мучила сі 3 дни при дитині тай аж мене

закликали, там дала троньки **живого срѣбла** напити сі и зготовилам вистрілену кулю и той води давалам пити тай обмилам – зараз мала дитину» (укр. [43. С. 96]). Карелы также включали ртуть в список магических средств, применяемых при родах: «Суоярвские повитухи, например, использовали **ртуть** (считалось, что ртуть облегчает роды), смолу, первую шерсть ягненка, серебряную монету» [44. С. 24]. После родов женщине (и малышу) устраивали баню для физического и ритуального очищения. В Заонежье воду для этой цели брали из трех разных колодцев или в месте слияния трех ручьев, при этом «иногда в воду клали **ртуть**, золото или целебные травы» [45. С. 53]. Близкий аналог находим в латышской послеродовой обрядности, связанной с омовением новорожденного: «В воду бросали серебряные деньги, которые были предназначены бабке-повитухе. Здесь же бросали в первую воду пепел, **ртуть**, чтобы ребенок был чистым, веточку ивы, чтобы ребенок был крепким, как это дерево» [46. С. 58].

Часто ртуть применялась как детский оберег: «Когда ребенок начинал ходить, ее (т.е. высушенную пуповину) зашивали в ладанку – специальную красную тряпочку вместе с серебром или с “детским” золотом и **ртутью**» (Заонежье [45. С. 43]); «Как только ребенок начинал ходить, ее (ладанку) извлекали из зыбки или сундука и подшивали к нательному крестик. Ладанку можно было заменить **ртутью** в гусином перышке, которое зашивалось в одежду младенца» [45. С. 80]; «Артуинец – костяной флакончик, косточка или перышко со **ртутью** внутри, в женском домашнем знахарстве использовался как оберег младенца в колыбели от полуночницы, уроков, чужого глаза и всякой порчи» [47. С. 176]. В Македонии (Скопье) «беременные женщины носят орех (лешник), наполненный **ртутью**, чтобы защитить детей, которые пока еще не родились. Когда же ребенок родится, ему такой орех зашивают в пеленки, чтобы он был защищен» от злых сил [48. С. 187]. Подобное обыкновение известно и финно-угорским народам – карелам [49. С. 26; 50. С. 29], эстонцам [51. С. 15], вымским и удорским коми [30. С. 129; 52. С. 303].

Можно также предположить, что применение ртути в качестве лекарственного средства, а возможно и как апотропея, было обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, переосмыслением ее названия: «живая» прочитывается не только как ‘подвижная’, но и как ‘связанная с понятием «жизни», «здоровья»’. Во-вторых, представлением о ее подобии серебру, с тем спорным преимуществом, что «живое серебро» можно принимать внутрь.

Ртуть использовалась для магической защиты от конкретных болезней или общих недугов: в Вологодской губ. «некоторые из женщин-крестьянок носят ладонки, состоящие из миниатюрного костяного кувшинчика, наполненного **ртутью**. Это предохраняет от болезней» [25. Т. 5. Ч. 3. С. 85], там же как оберег от болезней «у некоторых встречается привязанным около шейного креста кусочек сулемы или **ртути**, травы-ладонки и проч.» [25. Т. 5. Ч. 4. С. 159]. В Архангельской губ. крестьянин «носит на шее святой крест, и вместе с ним на той же ленточке узелок с **ртутью**, травами и разными своедельными словами, записанными на бумаге, и этим узелкам приписывает силу, отклоняющую и прекращающую всякую болезнь и всякое другое бедствие» [53. С. 191]. Русские Краснодарского края для защиты от золотухи носили **живое серебро** (ртуть) в скорлупе ореха на шее [54. С. 169; 55. С. 32]. На Украине детям в возрасте от полутора до двух лет вешали «на грудь, под рубашку, ладонку со **ртутью**, которая помещается в гусином пере или в “свистуне” (лесном орехе со свищем). Народ верит, что ртуть [...] предупреждает трудное прорезывание зубов» [56. С. 145], гуцулы в качестве оберега от болезней носили полые крестики со ртутью внутри [7. С. 127]. В Сербии, чтобы прогнать «живака», демона одноименной болезни, «просверливают грецкий или лесной орех, наполняют его **ртутью**, затем вываливают в воск и в черной шерсти, после чего заболевший носит это с собой» [57. С. 129]. У болгар

отмечен сходный метод – больному в пояс прячут орех, в который влили ртуть, при этом приговаривая: «Во лешнико живо серебро, на больнио здравье добро (В орехе живое серебро – на доброе здоровье больному)» [58. С. 407].

Видимо, апотропейные свойства ртути легли в основу ее использования в народной медицине, поскольку только физическим воздействием на организм человека включение ее в состав снадобий объяснить сложно: «При золотушных язвах применяется иногда мазь, состоящая из коровьего масла, ртути и крепкой водки, причем на одну чайную чашку коровьего масла берется ложка крепкой водки и **1 золотник ртути**» [59. С. 315]; «При костоеде, в соединении с сильной ломотой, употребляется иногда мазь из 1 фунта сала и **5 золотн. ртути**» [59. С. 318]. В Костромской губ. «при чесотке у детей втирают **ртуть** с свежим маслом» [60. С. 431]; среди лекарств знахарей Псковской губ. числились «сулема, ярь, гримза, **ртуть или живое серебро**, вострая вотпа или серная кислота и купоросное масло» [25. Т. 6. С. 281]; в Кадниковском уезде Вологодской губ. коросты на голове смазывали «ртутной мазью, которую готовят сами **из ртути**, свежего сала и масла» [61. С. 203].

Сифилис лечили глотанием ртути и ее соединений, окуриванием киноварью и ртутью: «Население Ярославского уезда от венерических болезней [...] лечится больше у знахарок, которые назначают окуривания киноварью, сулему в героических дозах и крепкую водку, а именно: 1 золотник сулемы, столько же нашатырю и острой водки на 1/2 штофа простой водки столовыми ложками» [60. С. 359]; «В Чистопольском уезде простолюдины лечат сифилис ртутью в различных видах. Наиболее употребительная форма – раствор сулемы в водке, причем правильной дозировки не существует: стараются положить сулемы побольше, чтобы лекарство было “попаче”, т.е. покрепче, а стало быть, и подействительнее» [60. С. 361]; гуцулы же «от сифилиса используют обкуривание **ртутью**» [7. С. 129].

В болгарской народной дерматологии ртуть применяли для лечения педикулеза, растирая ртуть в свином жире и намазывая вшивых [58. С. 237].

Помимо этого «медикаментозным» был подход к применению ртути в качестве abortивного средства, что совершенно определенно указывает на известность ее токсических свойств: «из внутренних средств (для произведения выкидыша. – Б.Г.) наиболее распространенным является питье пороха, селитры, керосина, фосфорных спичек, спорыньи, сулемы, киновари, мышьяку, крепкой водки и глотание “**живой ртути**”» [59. С. 327]; «Для предотвращения беременности глотают **ртуть**, пьют разведенный в воде порох» [62. С. 139]; «Роют ямку, кладут в нее раскаленный камень, садятся над этим камнем на корточки и закрываются шубой; на раскаленный камень бросается **ртуть**. По словам казаков, от действия паров ртути женщина выкидывает» [63. С. 49].

Ртуть использовалась не только в качестве апотропея и лекарства, но и для наведения строительной порчи. Конфликтую с заказчиком, строители могли снабдить дом вредоносной закладкой: «Один каменщик (пишет корреспондент из Сарапула) из крестьян села Мостового передавал следующее: “когда трубу кладем, так **артути** в перышко гусиное линешь, плотный-то конец оставишь на волю, а другой замажешь. Как затопят после того печку – она и застонет, а хозяева боятся”» [64. С. 159]; «Под печь **ртуть** закладываешь в свинце, чтобы не ушла. Она накаливается, начинает ухать [...] Если хозяин не напоит, то и делали» [65. С. 339]. Впрочем, ртуть могли поместить в дом и в любое другое время, имея целью навредить живущим в нем куда сильнее, чем создание изводящего звукового фона. Сербская знахарка объясняет крестьянам, что у них на старом месте, где стоял дом, закопан «**живак**», поэтому у них околела буйволица, и дом нес убытки и оскудел, и дети их много болели [66. С. 149]. Стоит отметить общую черту двух традиций – русской и южнославянской, в обоих случаях ртуть связывается с образом некоего духа,

непоседливой кикиморы или же злокозненного, разрушающего человека изнутри, демона-«живака».

Среди польских материалов обнаруживаем такой способ замысловатой порчи: если кто закопает в поле голову свиньи и **живое серебро**, то в этом месте появится топь (*paryje*) [67. S. 133]. Русские свидетельства приписывают ртути силу разрушать мельничные плотины⁴: «Если **ртути** положить в мосол и бросить повыше плотины, то ничем не помочь, всю плотину разнесет. Даже если бросить и в простой лог, то и там весной вымоет громадную курбатину (бочаг)» (Костромская губ. [25. Т. 1. С. 138]); «Если хотят испортить плотину у мельницы, то к плотине в воду выливают небольшую бутылочку **ртути**. Ртуть непременно разроет плотину» (Новгородская губ. [25. Т. 7. Ч. 2. С. 260]); в Пошехонье для того же использовали «овечью мостолыжку» – полную косточку, наполненную ртутью и закупоренную: «**Ртуть**, видно, какую-то имеет силу, и идет, и начинает размывать, размывать – и пошла вода из пруда. Всё размоет» [68. С. 19]; в Чернском уезде Тульской губ. вместо кости использовали череп животного: «**Живое серебро**, вроде ртути, кладут в лошадиную голову, – и пускают на озеро; голова подходит к плотине и прорывает ее» [69. С. 79]. В Кировской обл. действие сопровождалось заклинанием: «В этом деле делаешь что, мне мельник рассказывал. Чтоб обмыло, – говорил, – положить мыло, свиное рыло и **ртуть** с приговором: Мыло, мой, рыло, рой, а **ртуть**, все унеси» [70. № 1368]. Данный пример позволяет понять магический смысл головы свиньи в польском ритуале – животное, роющее землю в поисках еды, должно символически приложить свою силу и разрыть обреченное поле.

Аналогичные данные известны по украинским и чешским материалам: «Коли хто копає криницю, а не може відразу трафити на жерело, нехай у викопану яму пустить троха **живого срібла**. Воно піде по під землю, а копаючи за его слідом чоловік швидко докопає ся до норі» [71. С. 165]; если бросить в водоем **живого серебра**, вода прорвется и пруд или родник опустеет (Моравия [72. S. 324]). В Свентокшиских горах (Польша) считали, что **живое серебро**, помещенное в сваи плотины, лучше «отражает» воду от берегов [73. S. 161]. Ср. также народные толки: «А еще говорили: в Бело озеро давно еще **ртуть** бросили. Бросили ртуть и выжгли глаз водиньку. Он кривой стал. Дак он рассердился и прорвал гору – теперь там ручей в Синее озеро» (Русский Север [74. С. 224]).

Текучесть и тяжесть металла (литр ртути весит больше ведра воды) породили представление о том, что ртуть как бы «стремится вниз», «опускается» и ищет или даже проделывает выход в рыхлой поверхности: «Она обладает свойством пробуравливать землю, а потому **ртуть** иногда льют в вырытый колодец, чтобы на дне колодца она прорыла ход для воды и пустила воду в колодец» (Череповецкий у. [25. Т. 7. Ч. 2. С. 260]).

В свою очередь, эта текучесть элемента породила техническую проблему транспортировки и хранения ртути при использовании ее в качестве оберега. Металлу необходим подходящий миниатюрный «контейнер», каким может быть костяной кувшинчик, «бутылочка», мешочек, тряпица, орех, свеча, рог, кость или полость птичьего пера, либо же углубление в плотном материале (древесине сруба, пороговой доске). Всё достаточно небольшое по объему, поскольку и ртути использовалось (да и доставалось) не так много – не случайно в народных рецептах единицей для отмеривания ртути указан золотник, соответствующий в современной системе мер 4,26 грамма. Герметично закупоренная ртуть, судя по известным примерам, не считалась способной повредить человеку.

Возвращаясь к вопросу об использовании ртути во вредоносной магии, следует обратить внимание на следующие нюансы. В Великую пятницу, как полагали

⁴ «Уверяют, что к этому способу прибегают недобрые люди из мести к мельнику, к владельцу пруда или к строителю плотины» [26. Т. IV. С. 339].

келецкие крестьяне, в полях по межам бегали колдуньи, собирая в бутылки росу с травы – то самое «живое серебро», которое они использовали в своих снадобях [75. S. 102]. В свою очередь ртуть сама обладала определенной «порождающей силой». Южные славяне полагали что ртуть (*живак*), над которой колдун прочел заклинание, превращается в одноименного демона «живака». Его можно наслать на человека, например, вылив зачарованную ртуть перед порогом дома, где живет неприятель, со словами проклятия, и «живак», в образе светящегося червячка, через питье попадет внутрь жертвы, обезображивая его лицо, поражая внутренние органы и доводя до смерти [76. С. 154]. Помогает от него, как уже указывалось, оберег из ореха с заключенной внутри ртутью.

Сила ртути, разрушающей все на своем пути – чужие чары, земляные завалы – была достаточной и для того, чтобы совладать с разнообразной нечистью. Согласно полесской быличке (Гомель), с ее помощью можно уничтожить ходячего покойника: «Радила ў нас калісь яўрэйка дитя да памерла [...] Хадила да яго, давала цыцкы. Мужык ўзяў **жывум срэбром** зарадыў стрэльбу [...] бухнуў ён з туй стрэльбы – ўжэ больш не хадила» [11. С. 101]. Латыши предполагали применять это средство против другого вида (полу)демонических существ: «Спигайню (рахану, лауму) можно убить; но для этого надо зарядить ружье **ртутью** и подстеречь, когда она в скотном дворе занимается порчею скотины» [21. С. 203]. Очевидно, что «живое серебро» здесь выступает аналогом серебра, пули из которого способны убить нечистую силу.

Приведенные в обзоре материалы далеко не полны, но на основании представленной подборки можно сделать некоторые предварительные выводы. Примеры использования ртути достаточно редки в этнографическом материале, что может ввести в заблуждение относительно традиционности знаний об этом металле. Однако такое мнение не соответствует действительности – «живое серебро» хорошо знали и находили ему должное применение. Согласно обнаруженным записям, география использования ртути восточнославянскими народами широка – от Русского Севера до европейских границ Российской Империи, включая ее бывшие южные и северо-западные земли. Известны также польские, чешские, сербские и болгарские фиксации данной практики. На основании этих сведений можно говорить о том, что «живое серебро» нашло свое основное применение в локальном направлении народной традиции – в магической практике и народной медицине, хотя это вещество, будучи редким и определенно не дешевым, не получило широкого распространения в качестве магического агента, оставаясь чем-то вроде крайнего средства. При этом мы видим его не в качестве элитного ингредиента, как можно было бы предположить, но вполне доступного простому народу вещества (все записи сделаны среди крестьян). Это позволяет говорить о ртути как «жидкости», включенной в материальный ряд славянской духовной культуры и занявшей в ней свое место, вероятно, в ряде случаев, заменившей какие-то другие магические средства⁵.

Обращает на себя внимание несомненная близость русских, с одной стороны, и балтийских и финно-угорских, с другой, магических обрядов, связанных с ртутью. Магические практики легко переходят от этноса к этносу, особенно на смежных территориях и при непосредственном контакте. Но было бы некорректно утверждать о заимствовании или однонаправленном влиянии одного народа на другой. Скорее следовало бы говорить о диффузных зонах, в которых происходило смешение обычаев, этнографических реалий, диалектов. Магические практики, как

⁵ Так, к обычаю внедрять ртуть в рога домашнего скота можно привести чешскую параллель, возможно отражающую «дортутную» фазу обычая: «Рогатый скот от чар и колдовства лучше всего защитить, если в каждом роге просверлишь отверстие и в него положишь семя растения клокочки (*Staphylea pinnata* L.), икрепишь его, чтобы не выпало» [77. S. 43]. Аналогичный прием отмечен у словаков [78. S. 389].

это ни парадоксально, более всего лишены этнической специфики, поскольку в кризисных ситуациях человек прибегает к максимально возможной помощи со стороны любых сил и средств. При этом действует стереотип, что чужое является более мощным и действенным, чем свое (в том числе чужие колдуны, чужая магия более могущественны, чем свои).

Однозначно решить вопрос о том, что в славянских обрядах с применением руги «свое», а что «чужое», не представляется возможным, поскольку любое привнесенное извне «усваивается» традицией и с какого-то момента перестает быть «чужим». Выявленные примеры позволяют говорить о том, что «живому серебру» нашлось собственное, весьма четко выделенное, место в культуре славян – и как символу, и как предмету специфического назначения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Трубачев О.Н. Языкознание и этногенез славян. VI // Вопросы языкознания. 1985. № 5.
2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М., 1987. Т. III.
3. Псковский областной словарь с историческими данными. СПб., 1992. Вып. 10.
4. Галицкий приповедки и загадки зобрании Григорим Илькэвичом. Ведынь, 1841.
5. Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.
6. Бутинова М.С. Проблемы происхождения и ранних форм религии в музейных экспозициях // Советская этнография. 1973. № 5.
7. Кайндль Р.Ф. Гуцули: їх життя, звичаї та народні перекази. Чернівці, 2000.
8. Традиционная русская магия в записях конца XX в. СПб., 1993.
9. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. В 5 т. Минск, 1980. Т. 2.
10. Расторгуев П.А. Словарь народных говоров западной Брянщины (Материалы для истории словарного состава говоров). Минск, 1973.
11. Левкиевская Е.Е. Славянский оберег. Семантика и структура. М., 2002.
12. Романов Е.Р. Белорусский сборник. Вильна, 1912. Вып. 8. Быт белоруса.
13. Federowski M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Krakow, 1897. Т. I.
14. Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1902. Т. III.
15. Werekno F. Przyczynek do lecznictwa ludowego // Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne. Kraków, 1896. Т. I.
16. Büttner W. Zabytki pogaństwa na Polesiu // Kłosy. Czasopismo illustrowane tygodnowe. № 1282. Warszawa, 1890. Tom L.
17. Buzsko P. Uroki. O szkodliwym spojrzaniu w okolicach Dziewieniszek // Etnografia lokalnych znaczeń: monografia społeczności lokalnej okolic Dziewieniszek na Wileńszczyźnie. Warszawa, 2005.
18. Традиційная мастацкая культура беларусаў. У 6 т. Минск, 2013. Т. 6. Гомельскае Палессе і Надняпроўе. Кн. 2.
19. Зеленін Д.К. Описание рукописей ученого архива Императорского русского географического общества. Пг., 1915, 1916. Вып. 2, 3.
20. Мифологическая проза славянского населения Красноярского края: хрестоматия в двух томах. Красноярск, 2011. Т. 1.
21. Материалы по этнографии латышского племени / Под ред. Ф.Я. Трейланд // Труды этнографического отдела. М., 1881. Кн. VI.
22. Szukiewicz W. Wierzenia i praktyki ludowe w gub. Wileńskiej // Wisła. 1903. Т. XVII. Zesz. 4.
23. По заветам старины. Мифологические сказания, заговоры, поверья, бытовая магия старообрядцев Литвы. СПб., 2005.
24. Цайне А.В. Рига под Ригой. Рассказ археолога об исчезнувших постройках древней Риги. Рига, 1989.
25. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. СПб., 2004. Т. 1. Костромская и Тверская губернии; 2007. Т. 5. Ч. 3. Вологодская губерния. Никольский и Сольвычегодский уезды; 2008. Т. 5. Ч. 4. Вологодская губерния. Тотемский, Устьысольский, Устюгский и Яренский уезды; 2008. Т. 6. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии; 2011. Т. 7. Ч. 1. Новгородская губерния, Белозерский, Боровичский, Демянский, Кирилловский и Новгородский уезды. 2009. Т. 7. Ч. 2. Новгородская губерния, Череповецкий уезд, 2009.
26. Ермолов А.С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. СПб., 1905. Т. II, IV.
27. Узеньва Е.С. Магия строительства в славянской традиции // Живая старина. 2000. № 2.

28. *Гецевич В.* Мазуры // Русская мысль. Журнал научный, литературный и поэтический. М., 1883. Год. 4. Кн. VII.
29. Словарь псковских пословиц и поговорок. СПб., 2001.
30. *Сидоров А.С.* Знахарство, колдовство и порча у народа коми. Материалы по психологии колдовства. М., 1997.
31. *Конкка А.П., Эйно С.К.* Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. Т. 2.
32. *Логинов К.К.* Этнолокальная группа русских Водлозерья. М., 2006.
33. *Рихтер Е.В.* Русское население западного Причудья (Очерки истории, материальной и духовной культуры). Таллин, 1976.
34. *Дронова Т.И.* Русские староверы-беспоповцы Усть-Цильмы: конфессиональные традиции в обрядах жизненного цикла (конец XIX – XX в.). Сыктывкар, 2002.
35. *Васілевіч У.* Зямная дарога ў вырай. Беларуская народныя прыкметы і павер'і. Минск, 1999. Кн. 3.
36. *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. Poznań, 2001. Т. 59. Materiały do etnografii Słowian zachodnich i południowych. Cz. III. Słowiańszczyzna południowa.
37. *Линевский А.* Беломорье. Петрозаводск, 1968. Т. 1.
38. *Кузнецова В.П., Логинов К.К.* Русская свадьба Заонежья: Конец XIX – начало XX в. Петрозаводск, 2001.
39. *Лавонен П.А.* О древних магических оберегах (по данным карельского фольклора) // Фольклор и этнография: Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977.
40. *Мыльникова К., Цициус В.* Северно-великорусская свадьба // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926.
41. *Конкка У.С.* Поэзия печали: карельские обрядовые плачи. Петрозаводск, 1992.
42. *Дуров И.М.* Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск, 2011.
43. *Онищук А.* З народного життя гуцулів // Матеріяли до української етнології. Львів, 1912. Т. XV.
44. *Сурхаско Ю.Ю.* Семейные обряды и верования карел: конец XIX – начало XX в. Л., 1985.
45. *Логинов К.К.* Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск, 1993.
46. *Устинова М.Я.* Семейные обряды латышского городского населения в XX в.: по материалам городов Латгале и Курземе. М., 1980.
47. *Щепанская Т.Б.* Пронимальная символика // Сборник Музея антропологии и этнографии. СПб., 1999. Вып. LVII. Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы.
48. *Бођевић Т.Р.* Зле очи у веровању јужних словена // Српски етнографски зборник. Београд, 1938. Књ. LIII.
49. *Лесков Н.* Отчет о поездке к олонечким корелам летом 1893 г. // Живая старина. 1894. Вып. 1.
50. *Клементьев Е.И.* Карелы: Этнографический очерк. Петрозаводск, 1991.
51. *Кребель Р.М.* Народная медицина и народные средства различных племен Русского царства против разных болезней. М., 1868.
52. *Шаратов В.Э.* Нателный крест в традиционном мировоззрении коми // Ставропигальный сборник. М., 2001. Кн. 1.
53. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П.С. Ефименко. М., 1877. Ч. I.
54. Народные средства для лечения болезней. Собрал учитель Ейского Александровского училища Павел Горбанев // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1893. Вып. XVI.
55. *Харламов М.* Суеверия, поверья, приметы, заговоры, собранные в гор. Ейске // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1901. Вып. XXIX.
56. *Высоцкий Н.Ф.* Очерки нашей народной медицины // Записки Московского археологического института. М., 1911. Т. XI.
57. *Раденкович Л.* Символика цвета в славянских заговорах // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. М., 1989.
58. Энциклопедия болгарска народна медицина. София, 1999.
59. *Попов Г.И.* Русская народно-бытовая медицина // *Торэн М.Д.* Русская народная медицина и психотерапия. СПб., 1996.
60. *Демич В.Ф.* Сифилис, венерические и кожные болезни и их лечение у русского народа // Русский архив патологии, клинической медицины и бактериологии. СПб., 1901. Т. XI.
61. *Шустиков А.А.* Простонародное лечение болезней в Кадниковском уезде // Живая старина. 1902. Вып. 2.
62. Быт великорусских крестьян-землепашцев: описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. СПб., 1993.
63. *Руденко С.И.* Очерк быта северо-восточных казаков // Казаки. Казакстанской экспедиции АН СССР. Исследование 1927 г. Материалы Комиссии экспедиционных исследований. Л., 1930. Вып. 15.
64. *Макимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1994.
65. Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1987.

66. *Борђевић Д.М.* Живот и обичаји народни у Лесковачком крају. Лесковац, 1985.
67. *Saloni A.* Lud rzeszowski. Materiały etnograficzne // Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne. Kraków, 1908. T. X.
68. *Щепанская Т.Б.* Мужская магия и статус специалиста (по материалам русской деревни конца XIX – XX в.) // Мужской сборник. М., Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре. 2001.
69. *Пономарев С.* Очерки народного права. Особенности его // Северный вестник. 1890. № 5.
70. Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. М., 1998.
71. Людові вірування на Підгір'ю, зібрав др. Іван Франко // Етнографічний збірник. Львів, 1898. Т. V.
72. *Bartoš F.* Moravský lid. V Telči, 1892.
73. *Maślioski M.* Tradycyjne techniki obróbki drewna na północnym pograniczu Łysogór // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego: Prace etnograficzne. 1963. Zs. 1.
74. Традиционный уклад Лекшмозерья. М., 1994. Ч. II.
75. *Mielicka H.* Kultura obyczajowa mieszkańców wsi kieleckiej XIX i XX wieku. Kielce, 1995.
76. *Захариев Й.* Кюстендилско крайще // Сборник за народни умотворения и народопис. София, 1918. Кн. XXXII.
77. *Skutečský J.* O divotvorném klokočku // Český lid. 1930. T. XXX.
78. L'udove zvyky a povery v B. Čabe // Slovenscé Pohl'ady. 1902. R. XXII.

© 2015 г. М.М. КОНДРАТЕНКО

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НАРОДНОЙ ХРОНОНИМИИ В СЛАВЯНСКИХ И НЕМЕЦКИХ ГОВОРАХ

В статье исследуются особенности обозначения времени в некоторых славянских говорах и говорах одного региона Южной Германии; в центре внимания – специфика диалектной сегментации данной сферы жизни и семантической мотивации наименований; на основе анализа материала, представляемого региональными словарями диалектных микрозон, сделаны выводы о наличии как семантических параллелей, так и определенных различий в данных идиомах.

The article examines the features of the designation of time in Slavic dialects and in one region of southern Germany. In the spotlight, it puts the specifics of dialect segmentation of this sphere of life and semantic motivation types. Basing on the analysis of the material submitted by the regional dictionaries of dialectal micro-watersheds, the author comes to the conclusions about the presence of semantic parallels and some differences in these idioms.

Ключевые слова: понятие «время» в диалекте, диалектология, славяно-германские семантические параллели.

Keywords: concept of «time» in a dialect, dialectology, Slavic-Germanic semantic parallels.

В последние десятилетия в исследованиях, посвященных взаимодействию генетически различных языков проявилась значимая роль анализа семантической стороны номинативных единиц. Явления изосемии хорошо изучены в языках Балканского языкового союза [1–2]. Выявляются они и для языков других контактных зон, в частности, балто-славянской. Примером подобных параллелей может служить семантическое заимствование *iš kalno* «заранее, заблаговременно» в литовском из польского *z góry* [3. С. 129].

На этом фоне большой интерес вызывает изучение славяно-германских семантических параллелей, что находит отражение в ряде работ, посвященных, в частности, сопоставлению внутренней формы немецкого и славянских языков [4]. Исследование случаев изосемии для большей достоверности и системности результатов целесообразно проводить на материале, представляемом отдельными диалектными микрозонами, каковыми являются группы говоров, а не макросистемами совокупности диалектов языка. Не менее важен контактный аспект лингвистического пространства. В перспективе анализа славяно-германских семантических взаимосвязей большую ценность представляет южнонемецкий диалектный материал, например, средневосточнофранконские говоры, распространенные в зонах древних славяно-германских контактов (регион Нюрнберг – Байройт – Вюрцбург). На эти контакты указывают следы славянских наименований в

Кондратенко Михаил Михайлович – канд. филол. наук, доцент Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского.

местной гидронимии (названия рек Регниц, Пегниц и т.п.). В ряде случаев имеет смысл привлекать и средненемецкие говоры, в частности, силезские, противопоставленные вместе с южнонемецкими севернемецким. Славянский диалектный материал в настоящей статье представлен двумя периферийными диалектными зонами, южной и северо-восточной, а именно: болгарскими родопскими говорами и говорами Ярославской области. Выбор периферийных говоров обусловлен наличием в их лексике большого количества архаичных языковых явлений, в том числе и семантических.

Часто славяно-германские параллели объясняются заимствованиями из одного языка в другой, например, немецкое *cajt* в словенских терских говорах для названия времени как родового понятия [5. С. 163]. Однако славянский и немецкий диалектный материал демонстрирует на семантическом уровне различные виды сходства, не сводимые однозначно к заимствованиям. Разнообразные параллели выявляются, в частности, в лексике народной метеорологии: *Schneefresse* [пожирание снега] «таяние снега» в немецких силезских говорах [6. С. 1230] и *snegoed* «теплый южный ветер, вызывающий таяние снега» в рупских говорах Болгарии; сюда же можно отнести наименования снега, покрывающего ветви деревьев, с указанием на характерный, «нависающий» способ проявления – *navesъ* в ярославских [7. Т. 6. С. 85], *navisъ* в полесских белорусских и украинских, *Anhang* в немецких силезских говорах [6. С. 39].

Иногда подобные совпадения позволяют получить представление о распространении определенной мотивационной темы на диалектной карте Европы. Так, в нижнелужицком языке отмечены следующие наименования разновидностей снега: *burski sněg* [крестьянский снег] «плотный снег» и *kněžski sněg* [господский снег] «мягкий, пушистый снег» [8. Т. 2. С. 473], представляющие собой, с точки зрения семантической мотивации, достаточно необычное для славянских говоров явление. Наличие подобной мотивации в соседних немецких говорах Силезии свидетельствует о возможном семантическом заимствовании: *Burschnie* [крестьянский снег] «плотный, слежавшийся снег» [6. С. 172], *Armeleuteschnee* [снег для бедняков] «легкий снегопад» [6. С. 51]. В обозначениях природных явлений на славянской диалектной территории подобная мотивация, кроме указанных выше нижнелужицких примеров, не отмечена, но в наименованиях других реалий она может быть представлена: *крестьянская выгода* «кустарник, неудобное для выпаса место, где крестьяне пасли свой скот» [7. Т. 5. С. 89] и *барская выгода* «луга, леса, благоприятные для выпаса скота места» [7. Т. 1. С. 38] в говорах ярославско-левобережья Волги.

Немало совпадений отмечено также в сельскохозяйственной лексике южнонемецких и северо-восточных славянских диалектов, например, обозначение племенного быка по выполняемой им функции организации стада – *стадовик* [7. Т. 9. С. 70] и *Herdochse* (Herde – стадо, Ochse – бык) [9. С. 89]; обозначение курицы по функции согревания – *парунья* [7. Т. 7. С. 82] и *Glut* (пыл, зной, жар) [9. С. 78]; обозначение старой лошади по особенностям ее внешнего вида – *кожевина* [7. Т. 5. С. 44] и *Häuter* (Haut – кожа) [9. С. 87] и др.

Это ставит задачу последовательного изучения семантических совпадений и на другом лексическом материале, обладающем огромной значимостью для традиционной культуры, в частности, в сфере диалектных обозначений периодов и интервалов времени (месяцев, частей суток и т.п.), где подобные параллели также встречаются: рассвет как становление дня может быть одинаково представлен в ярославских и южнонемецких говорах – *ободневать* «рассветать» [7. Т. 7. С. 16] и *tagern, Tag werden* [8. С. 165] (производное от Tag – день).

Обозначения времени нередко, с одной стороны, восходят к индоевропейскому пласту лексики и к индоевропейским диалектам, а с другой – репрезентируют культурные диалекты. Таким образом, исследование этой группы языковых еди-

ниц позволяет в дальнейшем сделать выводы о членении и развитии традиционной культуры, представить особый характер мировосприятия носителей определенного диалекта как специфический вариант развития архетипа.

Изучение семантических особенностей, характеризующих достаточно удаленные генетически диалекты, на мой взгляд, целесообразно проводить в двух следующих направлениях.

1. Специфика языковой сегментации тех или иных фрагментов внеязыковой действительности, проявляющаяся в структуре семантических полей исследуемого идиома. Например, семемы «время работы на пашне после полудня» *вечерня* [7. Т. 3. С. 13] или «время косыбы вечером» *подросок* [7. Т. 8. С. 34] представлены в ярославских говорах и отсутствуют в немецких; и, наоборот, семема «праздник в рабочий день, на неделе, не в воскресенье» *blinder Sonntag* [слепое воскресенье] [9. С. 48] в противоположность как празднику в воскресенье, так и буднему, рабочему дню не представлена в говорах Славии.

2. Своеобразие семантической мотивации наименований одной и той же реалии. Здесь большой интерес вызывают образы предметов или процессов, формирующие соответствующие понятия, и ареалы их распространения на изучаемой территории. Так, лексическая манифестация одной и той же семемы «наступление рассвета» может быть мотивирована в диалектной номинации то белым, то серым цветом: «рассвет, раннее утро» – *бело* сущ. (*перед самым белом уснул*) [7. Т. 1. С. 49] в ярославских говорах и «рассветать» – *grauen* (буквально: становиться серым) в средневосточнофранконских [9. С. 80].

Исходя из имеющегося лексического материала, можно заключить, что семантическая структура обозначений времени как в славянских, так и в немецких говорах содержит его интерпретацию, во-первых, как средства стратификации событий жизненного цикла человека или бытия окружающей его действительности по степени удаленности в прошлое или будущее от момента речи (другими словами, как обладающего определенной протяженностью), во-вторых, как объемной, но достаточно замкнутой сферы, включающей в себя сменяющие друг друга и неизменно повторяющиеся сегменты: периоды хозяйственных работ, интервалы в рамках суток, даты народного календаря и т.п.

Опорным элементом исследуемого семантического пространства является родовое понятие «время». В родопских говорах болгарского языка, например, оно отличается сложным характером. Его содержание во многом проясняется благодаря анализу полисемичности лексем, передающих это значение. Можно отметить такие наименования, как *мейдан* «время» и «возможность» [10. С. 206], *ава* «время» и «обстоятельство», «настроение» [10. С. 121]. На связь временных и пространственных параметров указывают в этих говорах значения лексемы *лѣто*: «лето» и «расстояние на стебле между листьями, по которым измеряют возраст растения» [10. С. 199]. Лексемы с временным значением могут отражать связь с другими системами измерения – *ѣус* «период в 100 дней от дня св. Димитрия до 16 февраля» и «старая мера веса» [10. С. 177].

Примечателен и тот факт, что диалектные наименования периодов и интервалов времени, в свою очередь, сами становятся источником семантической мотивации для обозначений различных реалий. К ним можно отнести родопское *безвремче* «преждевременно оплодотворенный скот» [11. С. 155], мотивированное лексемой *време*.

В лексике немецких средневосточнофранконских говоров в значении «время» зафиксирована лексема *Derweil* [9. С. 58] с корневой морфемой *Weil*, восходящей предположительно к и.-е. **kueie* «находиться в состоянии покоя» [13. С. 980]. Образ «неподвижности, отсутствия изменений» лежит в основе других семантических производных: *dereweile* «в это время», *Sitzweil* «вечер» [сидячее время]; *weilens* «позже»; *allweil* «всегда», «ныне, в настоящее время». В этом отношении обращает на себя внимание сходная семантическая мотивация наименования

праздничного дня в южнонемецких говорах – *Dult*, связанная с понятием покоя: готск. **dwel*-а «прекращать движение, застывать» [13. С. 220].

Среди характерных периодов и интервалов времени, связанных с фиксированной в настоящем точкой отсчета, в северо-восточных русских говорах Ярославской области можно отметить такие, которые стратифицируются в прошлом (в дальнейшем данные по этим говорам приводятся по [7]): «три года назад» – *в третьем годе*; «в позапрошлом году» – *позалетось*; «позапрошлым летом» – *по тот год*; «прошлой, минувшей весной» – *вёснуйсь*; «прошлым летом» – *лони*; «прошлой осенью» – *осенесь*; «прошлой зимой» – *зимуйсь*; «недавно» – *бывалошни*. Кроме того, это периоды времени в текущем году (т.е. совпадающие с точкой отсчета): «в этом году, нынче» – *сегод(а), сегодня*; *сегодня годом*; «этим летом» – *сегодня летом*; периоды времени, стратифицируемые в будущем (т.е., после точки отсчета): «будущий, следующий год» – *с ленной год*; *с ин(ный) год (на ин год останется)*; «в следующем году» – *напрок (напрок в школу пойдем)*. К этой же группе наименований можно отнести отрезки времени в рамках нескольких дней по отношению к моменту речи: «на днях, недавно» – *ободнясь*; «прошлой ночью» – *с по ту ночь*; «вчера вечером» – *вечера, вечере*; «некоторое время тому назад (в пределах дня)» – *даве*; «утром текущего дня» – *утре*; «вечером того же дня» – *уджо*.

Лексика южнославянских родопских говоров дает в целом аналогичную картину языковой сегментации. Однако более дифференцировано, чем в ярославских говорах, представлены периоды времени в прошлом: здесь различаются семемы «несколько лет назад» – *тришполани* [14. С. 83], «два-три года назад» – *полане* [14. С. 79], «позапрошлый год» – *поланската година* [14. С. 79], «прошлый год» – *лани* [14. С. 74].

В некоторых случаях актуализируется удаленность события от момента речи, а не направленность в прошлое или будущее: так, лексема *другуч* в родопских говорах манифестирует одновременно семемы «в другой раз» и «когда-то, раньше» [11. С. 167].

В средневосточнофранконских говорах немецкого языка (согласно Атласу Средней Франконии [12]) представлена семантическая структура, подобная славянской: «прошлый год» – *fern, fert, letztes, voriges Jahr* [удаленный, последний, предшествующий год]; «этот год» – *heuer, heuriges Jahr, das Jahr, in den Jahr*; «следующий год» – *aufs Jahr* [через год]; «раньше, прежде» – *balder, früher*; «прошедший (о годе, месяце, неделе)» – *ferndig* [удаленный]; «после, спустя долгое время» – *endlich* [в конце концов]; «позже, потом» – *nach, nachertnach, nachet, nachher, nachther*; «сейчас, в данный момент времени» – *dada, itzet, itzo, jetzet, jetzinst, jetzundlein*; «вчера вечером» – *nacht* [в литературном немецком языке *Nacht* – «ночь»]; «сегодня вечером» – *auf den Abend, heute Abend, heute abends, heute auf die Nacht; heute nacht, heute bis Abend*; «сегодня утром» – *heute früh* [сегодня рано], *heute in der Früh, heute morgen, zu Frühe*.

Среди наименований, относящихся к циклическому времени, особое место занимают номинативные единицы, отражающие связь этой системы измерения с производственными и фенологическими сезонами. Их изучение дает ценный языковой материал для воссоздания целостной картины восприятия славянами и немцами времени и интерпретации хозяйственных циклических процессов как одного из способов реализации его модели.

Роль и значимость понятия «время работы в поле» в говорах Ярославской области подчеркивается наличием лексем и словосочетаний разной степени устойчивости, манифестирующих опорную семему «один период (прием) работы» и некоторые дополнительные семы. К ним относятся, в частности: «время работы от отдыха до отдыха» – *залога, уповод, упряг, упряжка*; «половина рабочего дня» – *полуденник*; «перерыв в работе в течение дня для отдыха» – *позалога*. В семантическом микрополе, представляющем различные интервалы времени в рамках ра-

бочего дня выделяются следующие семемы: «рабочее время утром, пока не спадет роса» – \diamond *за росу*; «часть рабочего дня до завтрака» – \diamond *до чаю*, \diamond *первый уповод*, *утренник*, *роса*; «часть рабочего дня до обеда» – \diamond *средний уповод*; «поздно вечером, после возвращения скота с пастбища» – \diamond *после скотины* и др. Собранный материал позволяет говорить о запечатленном в народной лексике восприятии календарного года как последовательности различных периодов времени, соответствующих определенным видам сельскохозяйственных работ: «окончание уборки картофеля с полей и праздник по этому поводу» – *доконки*; «время, когда рубят капусту» – *капустница*.

В лексике ярославских говоров можно выделить названия некоторых дат народного календаря, отражающие актуальные для хозяйственной жизни славян циклы. Это 17 апреля, день, когда выставляют ульи из помещения – \diamond *Зосима-пчельник*; 1 мая, день, когда обычно начинают пахоту – *Еремей-запрягальник*; 4 мая, день посадки лука – *Пелагея-луковница* и др.

Значимую часть родопских хрононимов также составляют обозначения производственного времени. Это, в частности, *купени дене* «наиболее ценное время для урожая» [11. С. 183], *песъкът* «первые три дня поста, когда моют и чистят посуду» [11. С. 196], *кратун* «месяц, когда ферментируется вино» [10. С. 193], *говедарско време* «два часа после рассвета, время выгона скота» [10. С. 145], *д'ол'* «период, когда ягнятся овцы» [10. С. 153]. Отмечены в болгарских говорах и наименования месяцев года, производные от названий хозяйственных работ: сентябрь – *гроздар*, *гроздобер* (месяц сбора винограда) [14. С. 67] и др. Среди наименований с производственной мотивацией зафиксировано, кроме того, обозначение для времени ужина – *попаска* (от глагола *со* значением «пасти») [14. С. 80].

В лексике ярославских говоров происходящие события могут стратифицироваться в рамках определенного фенологического сезона, времени года или определенного месяца: «осенью, до выпадения снега» – \diamond *по голу*; «начало зимы» – *зализмье* (доп. сема – «первый снег, первые морозы»); «период времени зимой, когда стоят сильные морозы» – *трещанка*; «первая зима, прожитая на новом месте или в новом доме» – *первозимье*; «май» – *росеник*; «июль» – *сенозорник*; «октябрь» – *грязник*. Фенологическими явлениями могут быть мотивированы и некоторые праздники: 13 мая, праздник св. Лукерьи, время, когда появляются комары – \diamond *Лукерья-комарница*.

В средненемецких говорах также представлены наименования периодов времени по их хозяйственной или фенологической значимости. Это названия апреля *Hafermonat* (*Hafer* – бич, кнут; таким образом указывается на начало выгона скота) [6. С. 474], месяцев с мая по июль *Krebsmonate* (*krebsen* «заниматься тяжелым трудом»; данный период – время наиболее напряженной работы в поле) или *Heumonate* (Heu «сено») [6. С. 536], сырой ранней весны *Bauernferien* (буквально: каникулы крестьян).

Среди фенологических наименований сезонов в немецких говорах Средней Франконии можно выделить следующие: весна – *Aushinwärts*, (*N*)*auswärts* (буквально: выход, движение наружу), *Frühjahr* [ранний период года]; осень – *Einwärts* (буквально: вход, движение внутрь); ранняя зима, когда снег выпадает уже в октябре – *ein früher*, *ein balder Winter* [ранняя зима], *der Winter hat verkaltet* [зима застудила]; поздняя зима, когда начинает морозить только после Рождества – *ein später*, *ein langer Winter* [поздняя, длинная зима], *spät kalt* [поздние холода] [12]; в средненемецких силезских говорах – это обобщенное название зимних месяцев *Härtmoonda* (буквально: жесткие месяцы) [6. С. 490], января *Schneemonat* [6. С. 1231], *Frostmonat* (соответственно: снежный и морозный месяц), апреля *Grasmond* (травяной месяц) [6. С. 446], августа *Fliegenmond*, *Hitzemonat* (месяц мух и жаркий месяц) [6. С. 548], месяцев с мая по июль *Grünzeit* (время зелени), ноября *Nebelmonat* (месяц туманов, мороси).

Среди других постоянно повторяющихся интервалов и периодов времени в лексике ярославских говоров выделяются части суток: «до рассвета» – *добела*; \diamond *в петухи (в петухи приехал уж)*; «позднее утро» – \diamond *большое утро*; \diamond «начало вечера» *скупые сумерки*; «вечер» – *ужо, ужотка (подожди ужотки, ужса; дай денег до ужса)*; «до позднего вечера» – \diamond *до потух*; «время, когда ложатся спать» – *лягомо (гуляли до самого лягома)*.

На исследуемой болгарской диалектной территории объектом номинации часто становится определенное время рабочего дня около 15–16 часов пополудни, совпадающее с перерывом в дневной работе или окончанием ее. Этот интервал может обозначаться как *къораво пладне* (слепой полдень) [14. С. 74], *кривняк* [14. С. 74] или аналогичное заимствование из турецкого – *шашкѝн пладне* (шашкѝн – «кривой, косоглазый») [14. С. 85].

В южнонемецкой диалектной зоне объектом номинации чаще становится утреннее или вечернее время: «утро» – *Frühe* [раннее время]; «время перед восходом солнца» – *vortags* [перед днем]; «сумерки» – *Finsterliche, Zwischenlichten*; «смеркаться, темнеть» – *manteln, nächteln, nachten, Nacht werden* [превращаться в ночь]; «рассветать» – *grauen* [становиться серым], *tagern, Tag werden* [превращаться в день] [12].

Собранный материал создает основу для сопоставительного анализа лексико-семантического уровня выбранных групп говоров и выявления их специфических черт как на уровне языковой сегментации, так и семантической мотивации наименований.

К числу общих славяно-германских семантических диалектных явлений можно отнести сходство основных элементов структуры семантической сферы «время»: в частности, наличие в лексике этих говоров «производственного» и «фенологического» времени, одинаковой сегментации календарного года и суток и некоторые другие.

В славянской и немецкой диалектной лексике представлено деление праздников на «большие, старые (обычные)» и «малые, молодые (спустя неделю после обычного)»: *Kleinneujahr* (буквально: малый Новый год) «день поклонения волхвов» через неделю после Нового года в говорах Средней Франконии [9. С. 103] и *male jatsŭ* (малая Пасха) «следующее воскресенье после Пасхи» [8. Т. 1. С. 536] в нижнелужицких, *малката чорква* «праздник Малая Богородица в сентябре» [14. С. 75] при наличии «большой» Богородицы» (Успения) в августе [14. С. 67; 10. С. 146] в родопских говорах болгарского языка; также в болгарских говорах *малѝк сечко* «февраль» [14. С. 75] при *голям сечко* «январь» [14. С. 66].

Бинарной оппозиции «ранняя зима»/«поздняя зима», отмечаемой в лексике разных групп славянских диалектов, в средневосточнофранконских говорах соответствует оппозиция «погода, когда снег выпадает уже в октябре»/«погода, когда начинает морозить только после Рождества» или же «погода, когда в марте еще холодно» (в первом случае это собственно поздняя – *šbede*, в другом – длинная, продолжительная – *longe* – зима) [12].

Некоторые семантические явления отмечены на собранном материале только для славянских говоров. В родопских говорах хрононимы передают одно из главных противопоставлений традиционной народной культуры – оппозицию мужского и женского. Это проявляется в наличии «мужских» и «женских» праздников: *боже майка* «день 15 февраля, обрядовая сторона которого направлена на рождение детей», и *боже ѝуме* «день 18 февраля, посвященный здоровью и долголетию мужчин» [11. С. 157]. В немецком диалектном материале подобное семантическое явление не удалось обнаружить.

Особым для говоров Средней Франконии представляется на славянско-немецком сопоставительном фоне обозначение понятия времени как такового и реализуемая в разных номинативных единицах семантическая актуальность части

суток между днем и ночью, то есть вечера. Для восточнославянских ярославских говоров в этом отношении характерна более детальная диалектная сегментация различных интервалов времени утром, а для южнославянских болгарских – в полдень.

Характерной чертой южнонемецких говоров является особая роль обозначений периодов и праздников осенне-зимнего периода по сравнению с весенне-летним. Это находит выражение, прежде всего, в большом количестве праздничных дат адвентного и рождественского циклов (*Adventssonntag*, *Adventszeit*, *Weihnachtsheiligabend* [воскресенье адвента, время адвента, вечер святого Рождества] и др.).

Кроме того, можно говорить о специфической языковой сегментации такого особенного понятия, как «праздник в рабочий день, на неделе» – *blinder, falscher Sonntag* (и принципа его семантической мотивации в диалекте [слепое, неправильное воскресенье]).

В области мотивации также можно отметить наличие параллелей. Лексика славянских и южнонемецких говоров передает взаимовлияние и взаимопроникновение двух календарных систем – народной и церковной. Одна из характерных особенностей обозначений месяцев проявляется в том, что главным мотивационным признаком для наименования в диалекте оказывается праздник, приходящийся на этот месяц – *еленски месец* «май» [14. С. 68] (♦ *Елена-царица* – день, с которого начинался сев, в ярославских говорах), *костадинскът* «июнь» [11. С. 170], *кръстовденскът* «сентябрь» [11. С. 183] в родопских говорах. В средненемецких говорах подобным образом февраль может отмечаться как месяц «праздника свецей» (Сретение) – *Lichtmonda* [б. С. 811].

Среди различий можно отметить, во-первых, обозначение в южнонемецких говорах прошедшего года как удаленного и последнего: *fern, fert, letztes Jahr* (хотя атрибут *letzt* (последний), возможно, восходит к и.-е. **l̥ēi* – «оставлять, отпускать», то есть прошедший год – «оставленный»); во-вторых, наименование периода времени, предшествующего временной точке отсчета («раньше, прежде») как отдельного, особого – *sonst* (и в сохранившейся средненемецкой форме – *sust*); как раздельного, остающегося в стороне – *selbeinmal*– (и.-е. **se* – «раздельно, в стороне»). Выделяется южнонемецкий хрононим *dada* «сейчас, в данный момент времени», одновременно интегрирующий указание на пространство и время – «вовремя» и «в этом месте».

Семантическая мотивация, отличная от обычной славянской, отмечается также в названиях весны и осени – *Hinauswärts*, и *Einwärts* (при возведении *wärts* к и.-е. **цег* – поворачивать, сгибать), то есть в обозначении весны как выхода и осени как входа, открытия года.

Одной из важнейших особенностей концептосферы времени носителей говоров Средней Франконии, получающей лексическое выражение, можно считать особую роль вечера (*Abend*) в семантической мотивации диалектных хрононимов. Это проявляется не только в запечатленном в диалекте взгляде на осень как на своеобразный вечер года, но и в тенденции обозначать различные праздники через наименование их кануна: *Altjahrsabend*, *Andreasheligabend*, *Hexenabend*, *Walpurgisabend* (соответственно: вечер старого года, вечер святого Андрея, вечер ведьм, Вальпургиева ночь) [12].

Для исследуемых немецких говоров характерны разнообразные номинации праздников и памятных дней, включающие в свой состав морфему -tag (день) или -nacht (ночь): *Barbaratag*, *Hasentag*, *Hundstag*, *Zunfitag* и др. [день св. Варвары, заячий день, собачий день, цеховой день], *Klöpfnächte* («три последних четверга адвента, когда ходят Klöpfer – персонажи народной мифологии») [12]. В ярославских аналогичных наименованиях формальное указание на день, как правило, отсутствует, временное значение присутствует имплицитно: «4 декабря, день св.

Варвары» – *Варюха*, (ср. *Barbaratag* в немецких говорах); «религиозный праздник св. Николая, празднуемый в декабре» – \diamond *Никола зимний*; «12 декабря, старинный религиозный праздник в честь св. Спиридона, епископа Тримифийского» – *Спиридон*, *Спиридон-поворот*. Лексема *день* может включаться в состав наименования лишь в отдельных случаях: «праздник Рождества Богородицы 8 сентября по ст. ст., время уборки лука» – \diamond *Луков день*; «день великомученика Никиты, 15 сентября по ст. ст.» (в этот день срезавают репу) – \diamond *Репорезов день*.

В научной литературе тема времени характеризуется как неисчерпаемая, причем особая актуальность придается «антропологическому» аспекту времени (его восприятию и категоризации, аксиологии, «использованию» времени человеком), подчеркивается важность различения видов времени: физического (природного), жизненного [15. С. 150–153]. Собранный материал подтверждает вывод о том, что время как в славянских, так и в немецких говорах, с точки зрения его интерпретации в лексике, – это одна из важнейших категорий, синтезирующая различные фрагменты жизни человека в единую, целостную картину, содержащую в себе систему ориентации в виде маркированных элементов.

Таким образом, можно говорить о том, что данные семантического уровня диалекта имеет смысл изучать в сопоставлении с аналогичными данными другого диалекта даже в том случае, если они манифестируются генетически разными лексемами. Различия в структуре соответствующих семантических полей связаны, главным образом, с некоторыми периферийными семемами и с мотивацией наименований.

Отмеченные совпадения могут быть обусловлены независимыми друг от друга языковыми процессами, протекавшими параллельно в исследуемых диалектах. В каких-то случаях, вероятно, речь идет об общем индоевропейском наследии с теми или иными особенностями развития на уровне отдельных диалектов. Нельзя исключать также и отдельных возможностей семантических заимствований, относящихся к древнейшему периоду.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Семчинский С.В. Лексико-семантические интерференции славянского происхождения в дакороманском ареале // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. М., 1977.
2. Соболев А.Н. Балканская лексика в ареальном и ареально-типологическом освещении // Вопросы языкознания. 2001. № 2.
3. Kregždys R. Charakterystyka słownika polonizmów w języku litewskim // LingVaria 2012 nr. 14. Kraków.
4. Зубов Н.И. Славяно-немецкие межъязыковые параллели: из наблюдений над лексико-семантической типологией германизмов. Доклад к XV Международному съезду славистов. (Минск, 20–27 августа 2013 г.). Киев, 2013.
5. Бодуэн-де-Куртенэ И.А. Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии. II. Образцы языка на говорах терских славян в северо-восточной Италии. СПб., 1904.
6. Mitzka W. Schlesisches Wörterbuch. Berlin, 1963–1965. B. 1–3.
7. Ярославский областной словарь. Ярославль, 1981–1991.
8. Miika A. Słownik dolnosrebskeje rěcy a jeje narěcow. Budyšin, 1966. T. 1–2.
9. Wörterbuch von Mittelfranken. Eine Bestandsaufnahme aus den Erhebungen des Sprachatlas von Mittelfranken. Würzburg, 2000.
10. Стойчев Т. Родопски речник // Българска диалектология. Проучвания и материали. София, 1965. Кн. 2.
11. Стойчев Т. Родопски речник // Българска диалектология. Проучвания и материали. София, 1970. Кн. 5.
12. Archiv von schriftlichen Belegen zum Wortschatz der Mundarten Bayerisch-Frankens. Bayerische Akademie der Wissenschaften. Fürth.
13. Kluge F. Ethymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 24. Auflage. Berlin; New York, 2002.
14. Koseska V. Bułgarskie słownictwo meteorologiczne na tle gólnosłowiańskim. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1972.
15. Толстая С.М. Семантические категории языка культуры. Очерки по славянской этнолингвистике. М., 2010.

© 2015 г. М.М. ВАЛЕНЦОВА

СЛАВЯНСКОЕ **MOR'E* – НЕ МОРЕ?

Простое на первый взгляд и однозначно трактуемое слово *more* оказывается не столь однозначным при ближайшем рассмотрении. Лингвистические и этнолингвистические, в том числе фольклорные, данные славянских традиций дают возможность трактовать слово *more* в славянских языках и диалектах как воду вообще, в том числе, как название обширных водных пространств, независимо от солености, проточности, величины и др. свойств воды. Такая же семантика свойственна многим, если не всем, индоевропейским словам, а также ряду неиндоевропейских.

Simple and clear at the first glance word *sea* on a closer examination turned out to be not so clear. Linguistic and ethno-linguistic, including folklore, data of Slavic traditions make it possible to interpret the word *sea* in Slavic languages and dialects in the sense of water in general, and especially – the vast expanse of water – regardless of salinity, flowage, size and other properties of water. Moreover, the same semantics are characteristic of many, if not all, Indo-European denominations of the sea, and many words of not-Indo-European languages as well.

Ключевые слова: этнолингвистика, славянские языки, славянская традиционная культура, концепт море, индоевропейские параллели.

Keywords: ethnolinguistics, Slavic languages, Slavic traditional culture, concept sea, indoeuropean parallels.

Этнолингвистические исследования предполагают изучение соотношения и взаимодействия языка с мышлением, культурой, вообще с картиной мира народа. В центре внимания, тем не менее, остается язык во всех его аспектах – диалектологическом, этимологическом, семасиологическом, историческом и т.д. Поэтому сначала следует посмотреть на семантику слова *more* в разных славянских языках и диалектах, а также на другие лексемы, имеющее значение (одно из значений) ‘море’.

Анализ включает как собственно лексическую семантику, так и «коннотативную семантику, т.е. область “надстраивающихся” над лексической семантикой прагматических, символических, культурных, энциклопедических и т.п. “созначений”, актуализирующихся в особых периферийных, вторичных, поэтических, метафорических и др. “непрямых” употреблениях слова» [1. С. 248]. Такой подход подразумевает изучение фрагмента «языковой картины мира», внутренних связей между всеми уровнями значения, характеристику «“образа”, который закреплен за словом в сознании носителей языка» [1. С. 249], для чего необходимо также обращение к традиционной культуре славян и сохранившимся в ней контекстам употребления рассматриваемого слова.

Валенцова Марина Михайловна – канд. филол. наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Для удобства восприятия лексемы с корнем *мор-* и их производные (а также ряд других, имеющих значение ‘море’) представлены в виде таблицы:

язык, диалект	лексемы / фраземы	значение
ст.-слав.	<i>морѣ</i>	‘ море ’ [2. С. 227]
др.-рус.	<i>море</i>	‘ море, озеро ’, перен. ‘водоворот жизни’, ‘большое количество чего-л, многое вмещающее в себя’ [2. С. 228, 229]
др.-рус.	<i>Море Чудское</i>	‘Чудское озеро’ [2. С. 229; 3. С. 654]
рус.	<i>море</i>	‘ море ’, ‘большое количество чего-н.’, ‘обширное пространство’ [2. С. 228]
рус. диал.	<i>морцо</i>	‘озеро, образуемое расширением рукавов в устье реки’ [2. С. 229]; ‘большое соленое озеро, отдельное, либо ковшом, с проливом, протоком в море; залив, отделенный пересыпью, наносом’ (астрахан. – [4. С. 353])
диал. олон.	<i>море</i>	‘Онежское озеро’, ‘ море ’ [2. С. 228]
рус. диал.	<i>море</i>	‘место с чистой водой в заросших камышом <u>озерах</u> ’ (урал.), ‘о луже на полу’ (пск., твер.), ‘детская игра’ [2. С. 228], ‘озеро’ [3. С. 654]
рус. фольк.	<i>окиян-море, морие</i>	название Ледовитого океана в былинах (беломор.) [5. С. 261; 2. С. 228]; ‘ море ’ [2. С. 228]
ст.-укр.	<i>море</i>	‘ море ’ [2. С. 228]
укр.	<i>море</i>	‘ море ’, ‘очень большой искусственный водоем’, перен. ‘поросшее, покрытое чем-н. огромное пространство; большое количество чего-н.’ [2. С. 228]
ст.-бел.	<i>море</i>	‘ море ’ [2. С. 228]
бел.	<i>мора</i>	‘ море ’ [2. С. 228], прям. и перен. (<i>мора тианіцы</i>)
бел. диал.	<i>морэ</i>	‘ море ’, ‘множество’ [6. С. 67; 7. С. 92; 2. С. 228] ‘залитый водой луг’ [2. С. 228]
бел. диал. могилев.	<i>Бабина мора</i> (микротопоним)	‘озеро, заросшее травой’ (раньше женщины стирали тут белье) [8. С. 19]
бел. диал. могилев.	<i>Гіцалева мора</i> (микротопоним)	‘озеро’ (выкопал человек по прозвищу Гіцаль) [8. С. 19]
бел. диал. могилев.	<i>дзіцячае мора</i>	‘сенокос, место около источника, где купаются дети’ [8. С. 19]
полаб.	<i>moráy, (no)mǎrai</i>	‘ море ’, ‘на море’ [2. С. 227, 228]
ст.-пол.	<i>morze</i>	‘ море; озеро ’ [2. С. 228]
пол.	<i>morze</i>	‘ море ’, ‘большое количество чего-то’ [2. С. 228]
пол. диал.	<i>moře</i>	‘большой водоем’ [2. С. 228]
пол. диал.	<i>m^ho^lže</i>	‘большой закрытый водоем’ [2. С. 228]
пол. краков.	<i>morskie oko</i>	‘горное озеро’ [9. S. 4; 10. S. 390]
кашуб.	<i>mořulko</i>	в детском яз. ‘ море ’, ‘большое озеро’ [11. S. 115]
кашуб.	<i>mære</i>	‘ море ’ [12. S. 106; 2. С. 228]
кашуб.	<i>moras¹</i>	‘болото’ [11. S. 107]
кашуб.	<i>morzkula / morzkulica</i>	‘болото, торфяник’ [10. S. 382]
кашуб.	<i>mořinc</i>	‘большая лужа из помоев’ [11. S. 115]
кашуб.	<i>Mořěčë</i>	‘название маленького <u>озера</u> между Линией и Закшевом’ [11. S. 115]
кашуб.	<i>Mořnica</i>	‘название <u>озера</u> под Пшеточным’ [11. S. 115]
кашуб.	<i>Morzycz, Morzycze</i>	название <u>озера</u> в повяте Вейхеровском [13. S. 67]
кашуб.	<i>Córka Mořa</i>	1. ‘Жарновецкое <u>озеро</u> ’; 2. ‘Гданьский <u>залив</u> ’ [11. S. 112]

¹ Однако пол. *maras* ‘болото’ признается германским заимствованием [17. С. 130].

язык, диалект	лексемы / фраземы	значение
кашуб.	<i>Màlè Moře</i> <i>Mèlè mæře</i>	‘Гданьский залив’, ‘Пуцкий залив’ [11. S. 113; 10. S. 385] ‘Пуцкий залив’ [12. S. 106]
кашуб.	<i>Pucke moře</i>	‘Пуцкий залив’ [11. S. 113]
кашуб.	<i>V’elge (Wielkie) moře,</i> <i>Vjelzè mæře</i>	‘Балтийское море’ [11. S. 113; 10. S. 385]; ‘неспокойное, бурное море’ [11. S. 113] ‘Балтийское море’ [12. S. 106]
кашуб.	<i>Długie Morze</i>	‘Балтийское море’ [10. S. 385]
пол. стар. диал.	<i>dunaj</i>	‘далекая незнакомя река’; ‘море’ [14. С. 156]
словин.	<i>m^oře</i>	‘море, большое озеро’ [2. С. 228]
словин.	<i>moře</i>	‘море; множество, масса’ [2. С. 228]
ст.-чеш.	<i>moře</i>	‘море’ [2. С. 227]
чеш.	<i>moře</i>	‘море’, ‘множество, масса’ [2. С. 227]
словац.	<i>more</i>	‘море’, ‘множество чего-либо’, ‘неисчислимое количество, много’ [2. С. 227]
словац. диал.	<i>morie, mor(i)o, moro</i>	‘море’, ‘большое множество’ [2. С. 227; 15. S. 189]
словац. диал.	<i>morské oko</i>	‘небольшое горное озеро’ (ледникового происхождения) [2. С. 229]; ‘топкое, влажное место, болото или колодец вблизи источника’; ‘горное озеро’ [15. С. 591]
в.-луж.	<i>morjo</i>	‘море’, ‘бесчисленное множество’ [2. С. 227]
в.-луж. диал.	<i>morje</i>	‘море’, ‘много, уйма’ [16. S. 951]
ст.-в.-луж.	<i>w czerwem moaru</i> <i>morò, morio, mohrjo</i>	‘в Красном море’ [16. S. 951] ‘mare, pontus, salum, aequor’ [16. S. 951]
н.-луж.	<i>móře, móro</i>	‘море’ [2. С. 227]
н.-луж.	<i>morjo</i>	‘море’ [16. S. 951]
ст.-н.-луж.	<i>mórje</i> D.sg. <i>mhuru (mórju),</i> <i>mohrjo, more</i>	‘море’ [16. S. 951]
ст.-словен.	<i>morje, mare, morie</i>	‘море’ [2. С. 227]
словен.	<i>morjè</i>	‘море’ [2. С. 227]
словен. диал.	<i>mórje, mǎrje, mǎrje</i>	‘море, океан’ [2. С. 227]
словен.	<i>veliko morjè</i>	‘мировой океан’ [2. С. 227]
ст.-сербохорв.	<i>more, morje</i>	‘море’ [2. С. 227]
серб.-хорв.	<i>mòre, mòre</i>	‘море’, ‘морская вода’, перен. ‘множество, большое количество; большое пространство; далеко, на чужбине (за морем)’ [18. С. 423].
серб.-хорв. кайкав.	<i>mòre</i> <i>morje</i>	‘море’, диал. ‘морская вода’ [2. С. 227] ‘море’, диал. ‘морская вода’ [2. С. 227]
серб. диал.	<i>mòro</i>	‘озеро’ [2. С. 227];
болг.	<i>морé</i>	‘море’; перен. ‘большое пространство, необъятная ширь; большое количество чего-л.’ [2. С. 227]
болг. диал.	<i>мóре, мурé (мóри),</i> <i>мурйé, мóрийе</i>	‘море’ [2. С. 227]
болг. родоп. фольк.	<i>бару́га</i>	‘море’ (букв. «локва, небольшое озеро, лужа») [19. С. 13]
болг. устар. смолян.	<i>денис</i>	‘море’ (< тур. <i>deniz</i> ‘море’) [19. С. 65]
макед.	<i>more</i>	‘море’, ‘большое количество чего-л.’ [2. С. 227]

Как видно из примеров, кроме значения ‘море’, метафорического количественного ‘большое количество, много’, и количественно-пространственного ‘ширь, большое пространство’, заметно распространена в славянских языках и диалектах также семантика ‘озеро, водоем (с пресной водой)’, представленная также в паремиях, например: рус. *На то и щука в море, чтобы карась не дремал* (речь идет об озере, поскольку щука и карась – пресноводные рыбы [2. С. 229]). Наличие семантики пресноводного водоема, или, скорее, неревантность различения водоемов по признаку солености, отразилось в некоторых контекстах, где речь идет собственно о море: кашуб. *Moře zis żab'ęco mędla narob'ilo* [море сегодня жабьего мыла нанесло] [11. S. 110] – говорили при виде морской пены на берегу после бури на море, осознавая при этом, что жабы в море не живут.

К семантической сфере ‘пресная вода’ принадлежат и специальные контексты употребления лемсмы *mоре*, такие как приветствие женщине, доящей корову, и означающее пожелание больших удоев, обилия молока: рус. диал. *мо́ре под кормилицу (под кормилицей)* (екатеринб., перм., свердл.), *Мо́ре под корову (коровушку, под коровушкой)* (новгор., волог., онеж., яросл., перм, ср.-урал., сиб., иркут.), *Мо́ре под матуху* (свердл.) [5. С. 261], рус. вятск. *море молока* и *море под корову* [20. С. 75]. Кроме того, что молоко является веществом «пресным» (болг. *прясно мляко*), или «сладким» (словац. *sladké mlieko*), можно вспомнить также о том, что в славянской культуре оно символически связано с дождем и росой (см.: [21. С. 284–288]).

Синонимию моря и озера в фольклоре отражают сюжеты легенды о затонувшем городе, затонувших колоколах и кладах и т.п.: на севере Кашубии предание повествует о старом городе Геле, и действие разворачивается на море [11. S. 112], в то время как у восточных славян – города погружаются в озера (ср. рус. град Китеж, погрузившийся в озеро Светлояр).

Этимологи возводят слав. **mor-je* к и.-е. корню **mōri / *mari-*, основывая свои выводы на сходном корпусе индоевропейских соответствий (иногда с привлечением также неиндоевропейских коррелятов). Все же в этимологических словарях отдельных славянских языков есть и различия, которые касаются предлагаемых этимонов реконструированного индоевропейского слова, широты охвата иноязычных параллелей, трактовки первичной семантики слова. Ниже приводятся выбранные данные из разных этимологических словарей, прежде всего данные, которые в словарях различаются – чтобы составить наиболее полную картину разных взглядов на этимологию славянского слова **more*.

В «Этимологическом словаре славянских языков» (ЭССЯ) праслав. **mor'e* возводится к и.-е. *mōri*, **mōri* ‘море’ (герм. ‘стоячая вода’). Родственно лит. **mārios*, *mārės* ‘Куршский залив’, жем. также ‘море, Балтийское море’. Др.-прус. *mary* ‘залив’, латыш. *mare*, *marā* ‘то же’, гот. *marei* ‘море’, др.-в.-нем. *meri* ‘море’, ирл. *muir* ‘то же’, лат. *mare*, возм., также др.-инд. *maryādā* ‘берег моря’, см. еще с др. ступенью чередования гласного: др.-в.-нем. *tuor* ‘лужа, болото’, англос. *mór*. Далее приводится гипотеза А.В. Исаченко, который, ссылаясь на предположения С. Файста и Х. Краэ, считал, что слово **mari-*, **mōra* обозначало раньше в германских языках не ‘море’, а ‘стоячую (пресную) воду, болото, болотистое место’, что подтверждается и славянским материалом; далее отсюда делается вывод о том, что и.-е. слово (и его соответствия по языкам) возникло еще до периода великих миграций, т.е. до знакомства наших предков с открытым морем. В то же время ЭССЯ признает обе возможности: и семантический переход значения ‘болото, стоячая вода, озеро’, в значение ‘море’ (предлагаемого Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым), и своего рода деградацию первоначальной семемы ‘море’ (точка зрения О.Н. Трубочева) [2. С. 229].

«Этимологический словарь русского языка» отмечает диалектное значение ‘озеро’, дает параллели из и.-е. языков (лит. *mārios*, *mārės* ‘Куршский залив’, жем.

‘море, Балтийское море’, др.-прусс. *mary* ‘залив’, латыш. *mare, mara* ‘залив’, гот. *marei* ‘то же’, др.-в.-нем. *meri* ‘то же’, ирл. *muir*, лат. *mare*, др.-инд. *maryādā*, др.-в.-нем. *muor* ‘лужа, болото’, англос. *mór*) и утверждает, что древним значением слова было ‘болото’. Отмечаются также «любопытные» значения рус. диал. *more* ‘озеро’ (олонец., онеж.), др.-рус. *more Чудское* ‘Чудское озеро’ [3. С. 654–655].

«Этимологический словарь украинского языка» к слову *more* ‘большой водный простор’ приводит производные с корнем *мор-*, соответствия в славянских и и.-е. языках (лит. *mārios (mārè)* ‘море, залив’, латыш. *mare* ‘залив’, гот. *marei* ‘море’, др.-в.-нем. *mari* ‘море’, *muor* ‘лужа, болото’, др.-англ. *mere* ‘море’, *mōr* ‘лужа’, н.-в.-нем. *Meer* ‘море’, *Moor* ‘болото’, др.-ирл. *muir* ‘море’, лат. *mare* ‘море’) и возводит праслав. *morje* ‘водный простор; море’ к и.-е. корню *mōri* ‘море, болото’ [22. С. 513].

В «Этимологическом словаре белорусского языка» указывается на два значения слова *more* – ‘море’ и ‘большое количество’. Праслав. *morje* ‘море’. И.-е. соответствия: лит. *mārios, mārès* ‘Куршский залив’, жемайт. ‘море’, ‘Балтийское море’, латыш. *mare, mara* ‘залив’, гот. *marei* ‘море’, ирл. *muir*, лат. *mare* ‘то же’, ст.-фриз. *mār* ‘ров, пруд’: н.-в.-нем. *Marsch* ‘заболоченная низина’, хет. *ma(r)-, marra* ‘болото’ (Фасмер). Реконструируется и.-е. **mari* ‘море, стоячая вода’, которое на славянской почве было распространено суффиксом *-o-*, как в *ezero, pleso* (Махек), приводится точка зрения Ф. Шпехта, который выводил и.-е. праформу **mor-(u)-* ‘темный цвет’, ср. др.-греч. *μόρυχος* ‘грязный, темный’, кавказ. *mere, merede, merevi* ‘вода, глубина, озеро’, монг. *mörö* ‘великая река’ [6. С. 67–68].

«Этимологический словарь польского языка» лаконично приводит несколько и.-е. параллелей к слову *morze*, отмечает фиксацию корня у всех славян, но не предлагает никакой трактовки семантики или этимологии слова [23. С. 344].

В «Этимологическом словаре чешского языка» отмечается общеславянский характер слова *moře*, приводятся лит., гот., ст.-ирл. и лат. соответствия, реконструируется и.-е. вид лексемы **mari*, «одно из редких сущ. ср. р. на *-i*», которое рифмовалось со ст.-инд. *vāri* ‘вода’. Слав. слово распространено гласным *-o* (**morj-o* > *moře*), скорее всего, под влиянием слов типа *jezero, pleso*. «По мнению Т. Милевского, это слово субстратное, потому что праиндоевропейцы моря не знали» [24. С. 374].

«Историко-этимологический словарь верхне- и нижнелужицкого языков» сообщает ряд малоизвестных серболужицких слов, зафиксированных в старых документах, возводит все славянские слова к праслав. **more* ‘море’, ‘внутреннее озеро’ (‘озеро’ – в рус. диал., ст.-в.-луж.), приводит и.-е. соответствия, в том числе германские, продолжающиеся в англос. *mōr*, ст.-в.-нем. *muor* ‘болото, грязь; море’, *salz-muorra* ‘Salzsumpf (соленое болото, грязь)’. Соотносится далее с корнем цветообозначения и.-е. **mor- (mer-)* ‘dunkler Fleck (темное пятно)’, ср. в.-луж. *marac, mórac* ‘пачкать’, *móra* ‘Грязнуля, Пеструха (кличка коровы)’, н.-луж. *morg* ‘пятно, полосатость’ – или, точнее, с и.-е. **mer-* ‘сверкать, пестрить, рябить, мигать’ (др.-инд. *mārici-, marici* ‘сияние, мираж’, ср. в.-луж. *mara, mary*). Корень сравнивается также с названиями реки и страны: чеш. *Morava*, рус. *Моравия*, ст.-рус. *Морава*, пол. *Morawa*, с.-х. *Morava*) [16. С. 951].

«Этимологический словарь словенского языка» к лексеме *môrje* ‘mare’, более старое *morjê*, предлагает производные, реконструирует праслав. **moře*. Считает слово родственным лит. *mārios, mārès* (pl.) ‘Куршский залив’, жем. также ‘море’, латыш. *marā, mare* ‘Куршский залив’, ст.-прусс. *mary* ‘то же’; лат. *mare*, ирл. *muir*, гот. *meri* (f.) ‘moгje’; с вероятностью сюда же отнесено ст.-инд. *maryādā* ‘морской берег’. Возводится к и.-е. *mōri-* ‘море, стоячая вода’. Поддерживается гипотеза Ф. Шпехта, который слова для обозначения моря выводил к и.-е. **mor-(u)-* ‘темный цвет’, гр. *μόρυχος* ‘темный’, лит. *morai* (pl.) ‘плесень’, далее сравнивается с кавк. *mere, merede, morevi* ‘вода, глубина, озеро’, монг. *mörö* ‘большая река’ [25. С. 195].

«Сербско-хорватский этимологический словарь» предполагает: «весьма вероятно, что и и.-е. *marī*, и праслав. *morje* относилось к Балтийскому морю, на котором формировались поморяне». Отмечается, что из других индоевропейцев это слово есть у германцев (гот. *marei*), итальянцев (лат. *mare*), кельтов (ир. *muir*, гал. *mor*), тогда как остальные имеют совершенно другие слова (напр., греки). «Это могло бы означать, что за время своих первых миграций дорийцы на западе и индоарийцы на востоке не унаследовали из и.-е. прародины единое слово для этого понятия, а позаимствовали его от народов, к которым они пришли на новую родину. Итальянцы, кельты, германцы и славяне, напротив, пронесли за время своих миграций название Балтийского моря (у Парфирогенетов – темное море) и перенесли его на новое море, которое узнали. Поэтому и Ядран называется только *more*. Среди неиндоевропейских параллелей – кавказ. *mere*, *merede*, *morevi* ‘вода, озеро’ и под., монг. *mörö* ‘большая река’ [26. С. 454–456].

«Этимологический словарь болгарского языка» приводит большое количество производных и фразеологизмов с корнем *mor-*, реконструирует праслав. форму **marje*, родственную балтийским (лит., латыш., прус.) формам, восходящим к и.-е. **moryo-*. Среди соответствий также ст.-в.-нем. *marī*, *merī*, др.-англ. *mere* ‘море, озеро’, гот. *marei*, ст.-ирл. *muir*, бретон. *mor* ‘море’, восходящие к и.-е. **morī*, и германские производные с удлинненным корневым гласным (< и.-е. *mōrā*: ст.-в.-нем. *muor* ‘локва, болото’, англос. *mór*). В родстве с этими словами, очевидно, и хет. *marmarra-* ‘болото’. Утверждается, что обычно реконструируемая праформа **marī* или **māri-* на основе лат. *mare* ‘море’ ошибочна, поскольку лат. *mare*, вероятно, заимствование [27. С. 240–241].

Таким образом, нет единого мнения о форме и первичном значении слова *more* не только в индоевропейском, но даже и праславянском. Дискутируется и направление его семантического развития: было ли первичным значение ‘море’, расширившееся до обозначения любой большой водной поверхности, включая ‘озеро, пресный водоем’, или наоборот, первоначальным было значение для пресных вод, суженное затем только до называния соленых морей. Несомненно, этот вопрос связан и с вопросом об ареалах формирования и первичного расселения славян и индоевропейцев в целом, а также путях их миграций.

Более глубокому и адекватному пониманию языковой семантики, которая самым непосредственным образом связана с «языковой картиной мира» [1. С. 250] способствует обращение к духовной культуре славян, сохранившей в том числе архаичные представления народа о мире. Из понятия (образа, концепта) моря в славянской культуре дедуктивно выводятся и языковые формы его выражения (ср. [28.]).

В настоящее время во многом облегчает работу в этом направлении пятитомный этнолингвистический словарь «Славянские древности» (1995–2012) под общей редакцией Н.И. Толстого. В словаре представлены практически все значимые концепты традиционной народной славянской культуры, а также праздники, обряды, обычаи, семантические оппозиции и т.п.

Отдельная статья в словаре посвящена *морю*, которое описывается отчасти как реальный, но более как нереальный, мифический локус. Это и изначальная субстанция, откуда произошла жизнь, откуда вытекают реки и куда они же впадают, куда отлетают птицы на зимовку, откуда аисты «вылавливают» детей, куда отсылают болезни и демонов, где спасается от преследований черт, и т.п.: «Море – в мифопоэтической традиции славян первичная и вечная природная стихия; символ безграничного пространства, отдаленного от людей края земли; мифологизированный водный источник («отец» всех рек, озер и ручьев); чужой, опасный мир, граница между «тем» и этим светом» [29. С. 299].

Образ моря значим в народных этимологических легендах о происхождении мира, в заговорах, где оно предстает то как божественный локус, откуда происхо-

дит исцеление, то как «пустое» пространство, куда отсылаются болезни; в сказках, где море является границей между миром людей и «тем светом», где живут Кощей Бессмертный, Змей Горыныч и др. чудища заморские; в поверьях, где море – место пребывания духов, «хозяина моря», хтонических животных.

По народным верованиям море и небо «образуют единое космическое пространство», в море Солнце опускается каждый день и из-за моря показывается. Это символ необычного, чудесного мира, где живут колдуны и странные народы.

В фольклорных текстах (в свадебных, лирических, заговорных) «синонимом моря часто выступают большие реки» (Дунай, Днестр, Висла); озера, болота [29. С. 299–301].

Материалы из польского «Словаря народных стереотипов и символов» под ред. Е. Бартминьского дополняют и конкретизируют эти данные польскими материалами (в разделе *Morze* «Море» без малого 40 страниц, s. 381–417): «Море взаимодействует с озером и *дунаем*. Это большая вода, в которой плавает земля и в которой купается солнце [10. С. 381]. Название *morze* родственно *moras* ‘болото’, *morzkula / morzkulica* ‘болото, торфяник’, *morzyńc* ‘большая лужа помоев’, именам собственным озер *Morzница, Morzëczë, Morzyca, Morno, Morąg* [10. С. 382]. В космогоническом порядке море трактуется как существовавшее всегда: «До сотворения мира не было ничего, только небо и море», отсюда берет начало сочетание *вечное море*. Согласно восточнославянским мифам (известным также и другим народам) Бог сотворил землю из земли / песка, которые черт достал со дна моря (по библейскому рассказу сначала Бог создал море). Море считается отцом рек; все реки мира вытекают и впадают в море. В Кашубии Жарновецкое озеро называется также «Дочерью Моря» (*Córka Morza*) [10. С. 384].

Земля плавает на поверхности моря: «И появилась земля, как лепешка, плавающая по воде, берега которой окружало *вечное море* (*wieczne morze*). Люди поэтому знают, что где бы ни начали рыть колодец, везде найдут воду. Кроме того, на земле есть бездонные озера – «морские очи» (*morskie oka*) (краков.) [10. С. 390; 9. С. 4].

Термин *morské oko* как обозначение высокогорного озера известен также словацкому языку [15. С. 591, 191]. Согласно словацким быличкам «морские очи» в горах связаны подземными реками с морем, поэтому в озерах этих находят останки морских рыб и животных, а мифологические *водяные* и *вилы*, живущие в них, ходят друг к другу в гости из одного озера в другое или бьются между собой [30. С.117].

В сказках за морем находится конец света, а само море разделяет миры, реальный и потусторонний. Например, в словацких сказках преследующая героев Баба Яга лишается сил, не может преодолеть море и вынуждена вернуться домой: *Ježibabu vláda pri mori nechala, musela sa vrátiť s hanbou* [31. С. 25]; за морем колдун *strigôň* уже не имеет силы: *Ale na šťastie doleteli k jednému moru, a strigôňova moc už nešla ďalej* [Но к счастью, они долетели до моря, и власть колдуна дальше уже не распространялась] [32. С. 430].

Синонимами *моря* в песнях и в народных текстах является *озеро, пруд, река, дунай / Дунай, висла / Висла*, «что также объясняется пониманием моря как любой большой воды, а не только воды, обтекающей сушу» [10. С. 383]. С одной стороны, в кашубской песне море называется водой: *bursztynowa woda* «янтарная вода» – по признаку наличия янтаря [10. С. 383], хорваты вместо *more* говорят *voda* (*voda kalaje* ‘отлив’ [kàlat, kalàvat ‘опускаться, отступать’], *voda krešije* [krešjēnta ‘прилив’, из ит. *crescendo*], *visoka voda*) [33. С. 138], с другой стороны в песнях море – *быстрое*, как река, в загадках – *нестрое* (т.е. сверкающее, подвижное, меняющее цвет), ясное [10. С. 383]. Здесь уместно вспомнить одну из этимологий славянского **mor*’e от корня цветообозначения в связи с греческим μαρμαίρω ‘сверкаю’, далее к и.-е. **mar-* ‘блестеть’ [2. С. 229; 16. С. 951].

Не только море, но и Дунай, Висла как конкретные реки тоже обозначают в диалектах и фольклоре любую большую реку и большую воду вообще, в том числе море; при этом имя реки переходит в разряд апеллятивов (пишется с маленькой буквы, становится возможным множественное число: *Na svätěgo Ğregořa jize zěma ... jize V'isla ... jido vistě do mořa* [На святого Григория идет зима... идет Висла... идут вислы в море] [11. S. 112]. Сюда же: стар. пол. диал. *dunaj*, m 'далекая незнакомая река; море'; рус. диал. киров. *дунай* 'ручеек из-под земли'; укр. *дунай* 'разлив воды, вообще большое скопление воды', 'река Дунай' [14. С. 156]. Надо отметить, что этимологически названия больших рек, протекающих на славянских территориях – *Днепр, Днестр, Дон, Дунай* – восходят к иранскому корню *dan-* 'река, вода' (с тем же нерасчлененным названием воды).

Море – это большое, открытое пространство, поэтому нередко в текстах выступает в сопоставлении с небом, полем, дубравой [10. S. 384]. Оно настолько широкое, что встречается с небом.

Поэтическая метафора *поле – море* основана не только на широте, но и на волнообразном движении поверхности того и другого, сходства моря и вспаханного поля. У кашубов, например, при множестве глаголов описывающих движение моря (*morze faluje* [волнуется], *sq kozelkuje* [кувыркается], *kolibie sq* [качается], *dolěwa* [приливает], *nadxādā* [приходит], *daje sa częc* [течет], *tańcėje* [танцует], *rosce* [растет], *jurzi sq*, *juszi sq*, *jutrzi sq* [ярытся], *wali* [валит] и др. – 11. S. 110), есть и глаголы *grabelkuje*, *grablinguje* 'слегка волнуется', покрывается барашками волн [34. S. 109] (< *grable* 'сельскохозяйственное орудие для сгребания сена, зерна...' [34. S. 350]), *moře oře al. ořeje* 'колышется' [11. S. 110] (ср.: *orac*, *ore* 1. 'пахать'. 3. рыбац. 'колышаться' (Hel), также *orovac* 'волноваться, колышаться', в том числе 'работать в море до поздней ночи' [11. S. 333, 335]); море *ubronováně ... pograb'one ... jakbě čo xto boronamě přejaxāl* [боронованное, «граблями причесанное»... как будто его кто с бороной проехал] [11. S. 110]. Ср. в этой связи русскую поговорку: *Море наше поле* (о морском промысле) [4. С. 353].

И наоборот о волнующемся злаковом поле кашубы говорят: *To zbožě tak morzėje* – от пол. *morzować* 'волноваться' [10. S. 382], а в одной польской сказке дураки принимают колышущееся поле гречки за море.

Много архаической лексики и архаических представлений о мире сохранилось в заговорах и других магических текстах. Согласно «Указателю заговорных текстов восточных и южных славян» [35], понятие и слово *море* употребляется в заговорах довольно часто.

На море (море/лукоморье/океане) стоит остров/дуб/камень ... там происходит действие заговора. За море отсылаются болезни, в море они пропадают. Значение лексемы *море* в этом случае – нечто обширное, далекое и ирреальное, чужое, находящееся вне человеческого мира. Море означает также другой мир, «тот» свет («...девять мужчин... берут у человека боль, заносят ее за моря, в "пустое место"» [35. С. 53]. «На море дуб, под ним сидят три девицы. Одна варит вино, другая снимает болезнь, третья отправляет ее на море» [35. С. 50] и др.

Море в заговорах синонимично реке, водоему, болоту («Болезнь уплывает в море, в Дунай, под камень» [35. С. 61], в заговорном море живут *щука, лягушка/жаба* («Щука гуляет по морю, пускает яд» [35. С. 39]), «На море остров, на острове камень, на нем лягушка» [35. С. 40]. Реки вытекают из моря («Водица-царица вытекает с моря и др...»), «Вода выходит с моря, из-под камня» [35. С. 65, 67]. Иными словами, рисуется некое единое водное пространство или, скорее, стихия воды: «На море, на реке ракета...» [35. С. 28]. Болезни передаются «старшему черту, чтобы он унес за болота, в "пустое место"» [35. С. 50]. Отражен в заговорах и семантический параллелизм моря и Дуная, отмеченный выше: «Она приходит и забирает с человека болезни, несет их за "Дунай-море"» [35. С. 51].

Море оказывается изофункциональным также полно – в некоторых контекстах они равноценны, благодаря сближению по значению ‘некое широкое, безмерное пространство’: «На море, на берегу реки сидит дед. Он ходит по полю и морю...», «В поле, на море стоит дуб...», «В поле, на море куст, в нем три змеи» [35. С. 43, 35, 25]. «*Заг[оваривающий]* встает благословясь, выходит в поле, на море» [35. С. 58], *Заг[оваривающий]* встает благословясь, выходит/идет на море / в поле / на гору [35. С. 51, 60, 61]; болезни «уносятся с человека за море и поле» [35. С. 47].

Материалов о *море* в славянских диалектах, поверьях и разных жанрах фольклора значительно больше, но и перечисленных выше достаточно, чтобы сделать некоторые выводы. На основании данных славянской диалектной лексики, этимологических разысканий и фольклорных представлений о земной влаге, можно заключить, что слово *море*, а также его производные в славянских языках отражает синкретический концепт воды, влаги, водного источника вообще. В этот концепт включены в качестве частных значений: ‘море’, ‘океан’, ‘река’, ‘озеро’, ‘залив’, ‘болото’, ‘лужа’, а также метафорические: ‘поле’, ‘луг’, ‘большое пространство’, ‘бесчисленное множество’. Такая полисемия отражает архаические славянские представления о том, что море – *единая, первичная, вездесущая, вечная вода* – независимо от ее вкуса, цвета, течения, объема – вода, которая омывает сушу, протекает по ней реками, проступает озерами-глазами, просачивается родниками и болотами; все эти воды соединены друг с другом и суть одно и то же *вечное море*.

Наверное, поэтому у этимологов нет единой точки зрения на этимон для и.-е. корня **mar-/mor-/mer-* и на направление дальнейшей мотивации при номинации других водных объектов. Учитывая синкретический образ *моря* в славянских языках и культуре, видимо, остается признать, что для этого корня (с альтернативами) основное и древнее значение – ‘вода’, а семантические модификации (конкретизация) лексемы в каждом славянском языке или диалекте отражают свойства разных источников воды (моря, реки, озера и т.п.), встречаемых на территории расселения конкретных племен. Вместе с тем, на основании мифологических представлений, магических текстов и этиологических легенд, сохранившихся в традиционной духовной культуре славянских народов следует признать раннее знакомство славян с морем как бескрайним водным пространством, омывающим сушу (‘океан, море’) – ср. значения ‘(очень) большой водоем; большое пространство; большое множество’, а также кашубские обозначения озер и залива как «маленьких» морей: *Ćórka Mořa* ‘дочь моря’ – ‘Жарновецкое озеро’, ‘Гданьский залив’ [11. S. 112], *Mâlè Moře, Mèlè mæře* ‘малое море’ – ‘Гданьский залив’, ‘Пуцкий залив’ [11. S. 113; 10. S. 385], ‘Пуцкий залив’ [12. S. 106], *Pucke moře* ‘Пуцкий залив’ [11. S. 113] или карпатские названия горных озер как «морских очей» (пол. *morskie oko* – [9. S. 4], словац. *Morské oko* – [15. S. 591, 191] – при болг. *Okoto* ‘озеро в группе Бендерских озер в Риле’ [27. С. 844].

Привлечение к анализу слов, обозначающих море, в других индоевропейских языках, возможно, даст дополнительный материал для суждений о месте праславянских диалектов в семье индоевропейских языков и предположительном ареале формирования праславянского этноса. Судя по материалам «Словаря избранных синонимов в основных индоевропейских языках», в романских, германских, славянских и балтийских языках представлены или были в прошлом представлены лексемы с корнем **mar-/mer-/mor-*, в том числе наряду с другими корнями (лат. *mare*, фр. *mer*, исп. *mar*, рум. *mare*: ирл. *muir*, *fairrge*, *ler*, уэльс. *mor*, бретон. *mor*, гот. *marei*, ср.-сев. (исланд.) *haf*, *sær* (*marr*), ст.-англ. *sæ* (*mere*, *hæf*), ст.-в.-нем. *mari*, *sēo*, ср.-в.-нем. *mer*, *sē*, н.-в.-нем. *meer*, *see* (f), слав. **more*, лит. *jūra* (*marės*)). Иные лексемы представлены в греческом – *θάλασσα*, (*ἄλς*, *πόντος*, *πέλαγος*), новогреческом – *θάλασσα*, *πέλαγος*, санскрите – *sāgara-*, *samudra-*, авестийском – *zrayah-*, ст.-перс. – *drayah-* [36. S. 36].

При этом в большинстве европейских языков наблюдается колебание значений между 'море' и 'озеро', 'река'. Например, в ст.-англ. *mere* чаще обозначало 'озеро', лишь редко – 'море' [36. S. 36]. Помимо корня **mor-* для обозначения моря в германских языках использовались и другие корни, например: гот. *saiws* 'озеро', ср.-сев. *sær* (*sjār, sjōr*) 'море' (дат. *sø*, швед. *sjö* – обычно 'озеро', но также 'море' в фраземах), ср.-в.-нем. *sē* 'море' или 'озеро', н.-в.-нем. *see, f* 'море', *see, m* – 'озеро' [36. S. 37]. Семантические колебания свойственны также новоперс. *daryā* – 'море' или 'большая река', санскр. (ведич.) *jrayas-* 'плоская поверхность' [36. S. 37], сравнимые с греч. *πέλαγος*, лат. *aequor* 'уровень, поверхность' [36. S. 36].

Все это заставляет авторов словаря трактовать значение слова *more* как «большой объем воды», отмечая, что «между 'морем' и 'озером' нет четких различий (ни по размерам, ни по солености/пресности воды), и одно и то же слово или группа родственных слов может служить для обозначения моря или озера в отдельности или обоих понятий одновременно, или изменять основное значение в соответствии с физическими условиями» [36. S. 36]. Важнейшие для понятия «море» семы, согласно мнению авторов словаря, это: 'глубокий', 'уровень', 'путь', 'сверкающий', 'соленый', или просто 'вода'². Такая трактовка совпадает с семантикой моря в славянских языках и славянской культуре.

Закономерно и лексемы, обозначающие в избранных и.-е. языках понятие 'озеро', показывают общность романских и германских языков, в которых представлена реализация одного и.-е. корня: лат. *lacus*, ит. *lago*, фр. *lac*, исп. *lago*, рум. *lac*, ирл. *loch* (*lind, linn*), вал. *llyn*, брет. *lenn, loc'h, lagenn*, ср.-англ. *lac*, н.-англ. *lake*; особые лексемы для греческого (*λίμνη*), санскритского (*saras-, hrada-*) и авестийского (*vairi-*), а также особый корень для балтийских и славянских (прус. *assarān*, лит. *ežeras*, латыш. *ezers*, слав. *ezero, ozero* и т.п.), этимология которых авторами признается неясной. В германских языках для обозначения озера употребляются наименования, использованные, в том числе, для понятия 'море': гот. *saiws, mari-saiws*, дат. *sø, indsø*, швед. *sjö, insjö*, др.-англ. *mere, sē*, голланд. *meer* [36. S. 37, 38].

Данные «Словаря избранных синонимов индоевропейских языков», несмотря на ограниченный состав включенных языков, указывают на наличие диалектных образований в праиндоевропейском, например, группы, объединяющей предков славянских, балтийских, германских и романских языков, диалектное единство которых подтверждают и другие исследования.

Вопрос об этимологии «темных» славянских и балтийских слов для обозначения 'озера' проясняет ЭССЯ, который реконструирует праслав. **ezero* < и.-е. **eǵhero-* или **aǵhero-*, и предполагает соотношение с праслав. **ězъ* 'дамба, запруда'; этот же корень есть в греч. *Ἀχέρων* и в названиях ряда др. рек [37. С. 34, 59]. Последнее замечание – об использовании в гидронимии одного корня для названия озера и рек вновь возвращает к архаической идее нерасчлененного понятия воды, благодаря которой в современных и.-е. языках сохранились взаимозаменяемые обозначения разных водных источников.

Такая «водная» полисемия характерна для упоминавшегося выше слав. *дунай* ('далекая незнакомая река; море'; 'ручеек'; 'разлив воды', 'Дунай' [14. С. 156]). Еще больше значений зафиксировано у слова *бара* в болгарском и македонском: 1. ручей, арык; 2. лужа; 3. диал. болото; 4. диал. трясина, топкое место; 5. грязь; 6. родничок; 7. место под водопадом, где стирали белье; 8. *барѹга* – фолькл. диал.

² 'Sea' is understood here as covering the most general terms applied to large bodies of water and used in such a phrase as 'by land and sea'. But between 'sea' and 'lake' there is no rigid demarcation (either by size, or as salt vs fresh water), and the same word or related group may serve for either or both, or shift its prevailing application with changed physical conditions. This is notably the case in the Gmc. languages, with the divergent distribution of the groups represented by NE [new-English – M.B.] sea and NHG [new-high-Germanic – M.B.] meer. [...] The words for 'sea' reflect such notions as 'deep', 'level', 'way', 'glistening'(?), 'salt', or simply 'water' [36. S. 36].

море (родоп.); 9. русло пересохшего ручья [19. С. 12–13]. Тенденции к подобной полисемии характерны и для заимствованных в славянский слов, например, болг. и макед. *гьол* (*г'ол*, *г'оа*), а также для самого языка-донора (турецкого): 1. лужа (разг. или архаич. диал.); 2. диал. большая лужа; 3. диал. большая лужа со стоячей водой; [...] 6. болото (макед., разг. или архаич. диал.); 7. болотце; 8. стоячая вода (разг. или архаич. диал.); 9. диал. озеро (разг. или архаич. диал.); 10. озерко; 11. пруд; 12. диал. глубокое место на реке; 13. диал. небольшой пруд; 14. диал. глубокий пруд... < тур. *göl* 'озеро; большое поле; водопад' [19. С. 62]. Отметим соответствие значений 'озеро' – 'поле' в турецком, как и в славянских языках.

К возможности семантических переходов в наименованиях водных источников примыкает и вопрос об этимологии названия *Балтийское море*: лит. *Baltijos jūra*, латыш. *Baltijas jūra*, *Baltā jūra*, *Baltikas jūra* [38. S. 103], кашуб. *Baltyk* 'Балтийское море, белое море' [13. S. 4], прус., курон., лит. *Balta Jura* [39. S. 1]. Для прусского языка «вероятна реконструкция прус. *balt-* 'болото', а в литовском тот же корень связан с обозначением белого [40. С. 189]. В названии Балтийского моря содержится корень **balt-* 'белый', родственный слав. **bolto* 'болото', которое само соотносимо с корнем цветообозначения, аргументы см. в [41. С. 180]. Там же приводятся близкие словообразовательные и семантические параллели к праслав. **bolto*: алб. *baltë* 'тина, болото, глина, земля', восходящее, как предполагается, к иллирийскому (так же как и рум. *baltă*, молд. *балтэ*, укр. диал. *балта* 'болото', которые являются заимствованиями из румынского), а также субстратные диалектные слова: с.-итал. *palta*, далм. *balta* 'болотистое озеро' и др., в связи с чем делается вывод: «Г.о. вырисовывается, при всей своей географической сложности и субстратной пестроте, ареал и.е. названий болота, водоема, стоячей воды с праформой **bhol(ə)to-m*, **bhol(ə)ta*» [41. С. 181]. Учитывая эти значения, можно определить семантику названия *Балтийское море* как 'белое море', или – 'болотистое море'.

В контексте темы *море* обращает на себя внимание принцип цветообозначения при номинации водных объектов вообще и моря в частности: отмеченная выше этимологическая связь слав. **bolto* с лит. *baltas* (слав. форма считается субстантивированным прилагательным ср. р.) и и.е. слов на основе праформ **mor-(u)-* 'темный цвет' (др.-греч. *μόρϋχος* 'грязный, темный' – б. С. 67–68; 25. S. 195], **mor-(mer-)* 'темное пятно' – с и.е. **mer-* 'сверкать, пестрить, рябить, мигать' [16. S. 951] в связи с греческим *μαρμαίρω* 'сверкаю', далее к и.е. **mar-* 'блестеть' [2. С. 229])³. Представления о *мерцании*, *сверкании* моря сохранились у кашубов: «море меняется разноцветными красками», «море золотится под солнцем и под луной», *moře sq skřěvi* [море блестит], *smeje sq* [смеется], когда на него светит солнце, и т.п. [11. S. 111]. В той же мотивационной парадигме цветообозначения стоят современные названия морей: *Черное*, *Белое*, *Красное*, *Желтое*, возможно, *Мраморное* и болгарское название Эгейского моря – *Бяло море*.

Мотивацию названий водных объектов по цветообозначению, вероятно, надо считать наиболее древней индоевропейской этимологией (ср. еще название озера *Балатон*, с тем же корнем, что в слав. *болото*, польское название болота *Biale Błoto* [41. С. 180], лит. *Baltóji upė*, латыш. *Baltais ezers* – 40. С. 189] и др.

То, что реконструируемые для индоевропейского названия водных объектов имели синкретическую семантику, то есть называли любой источник с водой, кос-

³ Ср. также семантический параллелизм 'белый' и 'пестрый, рябой, мерцающий' в литовском фольклоре, в таком архаическом жанре как загадка: *Balta višta tvoron įkišta (langas)* 'Белая курица в забор засунута (окно)'; *Marga kiaulė tvoroj inkimšta (lungas)* 'Пестрая свинья в забор засунута (окно)'; *Balta kalaitė juodoj tvoroj įstrigus (langas pirkioje)* 'Белая сука в черном заборе застряла (окно)'; *Ant sienų margos kates laipioje (langai)* 'По стенам пестрые кошки лазают (окна)' [42. С. 36] (там документация примеров). Говоря о семантических связях лит. *margas* 'пестрый', Л.Г. Невская отмечала, что в балто-славянском фольклорном пространстве балтийскому 'пестрый' нередко соответствует славянское 'черный' (см. [43. С. 131]).

венно подтверждает и вывод, сделанный Л.В. Куркиной на основе тщательного изучения славянских названий болот: «В целом едва ли можно говорить о глубокой праславянской древности болотной терминологии. Само значение ‘болото’ для подавляющего большинства рассмотренной лексики является общей семантической инновацией. [...] Самостоятельными географическими терминами, пожалуй, можно признать лишь **bolto*, **běľь*, **bagъno*, **merča*/**morky*, **timěno*. Лишенные семантической мотивированности на праславянском уровне, они обнаруживают параллели, правда, не всегда достаточно точные, в балтийских и германских языках». При этом неясным признается происхождение западно- и восточнославянской основы **timěno*, авторы этимологических словарей связывают его с *tina*, *tajaty*, сближая с греч. *tílos* ‘жидкие испражнения’, англос. *dinan* ‘намочать и др’ [17. С. 141]. Если для **bolto* и **běľь* на и.-е. уровне восстанавливается семантика ‘белый, светлый’, то для **timěno* сообразительно было бы видеть этимон с семантикой ‘темный’ (ср. еще название реки Тимок на Балканах, правого притока Дуная), однако этот вопрос требует специального исследования.

За рамками и.-е. языков корень **mor-/mar-/mer* обнаруживается с тем же нерасчлененным понятием ‘вода, влага’, в ностратических языках⁴. Корень № 294, по Иллич-Свитычу, реконструируется как *mār’ā* ‘влага, влажный’ представлен в семито-хамитских языках: *mr* ‘влажный; дождь, водоем’, картвельских: **mar-(ei)* ‘озеро, влажная почва; облако’ (← ‘влажный’); индо-европейских: *mor-* ‘болото, водоем’; дравидских [*maṛ-ai*] ‘дождь’; алтайских: *mōRä-/müRä-* ‘море, река; вода’ [44. С. 60].

Для «ностратических» народных традиций, видимо так же, как и для славянских, существовала культурно-мифологическая база, подтверждавшая и подпитывавшая семантику слов и семантические переходы между словами. По крайней мере, у мордвы по представлениям, дожившим до наших дней, считалось, что перед началом творения весь мир был покрыт водой: «Вода в мордовской мифологии выступает как исходное состояние всего сущего, являющееся основой, зародышем мира. Неслучайно она обозначается терминами *Иневедь* (буквально “Великая вода”), *Покиведь* (буквально “Большая вода”). И.Н. Смирнов трактовал ее в качестве ‘первичной материи’, а Л.С. Кавтаськин – как ‘первоначальный субстрат’» [45. С. 74].

Отвечая на вопрос, вынесенный в название статьи, можно сказать, что славянское *море* – это не только море, но и любая «большая вода»; эта же семантика свойственна большинству индоевропейских и ряду ностратических языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Толстая С.М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008.
2. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1992. Вып. 19.
3. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В четырех томах / Перевод с немецкого и дополнения чл.-корр. АН СССР Олега Николаевича Трубачева. Изд. второе, стереотипное. М., 1986. Т. II.
4. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2. С.-Петербург; М., 1881. Т. 2. И–О.
5. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин. Л., 1982. Вып. 18. Масленичк – Мутарсливий.
6. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1991. Т. 7. Мгла – Немарасць.
7. Тураўскі слоўнік. У 5 тамах / Складальнікі А.А. Крывіцкі, Г.А. Цыхун, І.Я. Яшкін. Мінск, 1984. Т. 3. Л–О.

⁴ От лат. *nostrās*, род. п. *nostrātis* «наш», «нашего круга», «здешний» – гипотетическая макросемья языков, объединяющая несколько языковых семей и языков Европы, Азии и Африки, в том числе алтайские, картвельские, дравидские, индоевропейские, уральские, иногда также афразийские и эскимосско-алеутские языки, восходящие к единому ностратическому праязыку.

8. Слоўнік мікратапонімаў Магілёўшчыны / Складальнікі: С.В. Клімуць, В.І. Параўцоў, С.У. Шакура, А.М. Шубадзёрава. Магюлёў, 2004.
9. *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. Kraków, 1874. T. 7. Krakowskie. Część III.
10. Słownik stereotypów i symboli ludowych. Lublin, 1999. T. I. Kosmos. Ziemia, woda, podziemie. Koncepcja całości i redakcja: J. Bartmiński.
11. *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1969. T. III. Ł–O.
12. Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego. Zebrał a opracował *S. Ramułt*. Kraków, 1893.
13. *Berka A.* Słownik kaszubski porównawczy. Warszawa, 1891.
14. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1978. Вып. 5.
15. Słownik slovenských nářečí. Bratislava, 2006. D. 2. L–P(ovzchádzat’).
16. *Šuster-Ševc H.* Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. Bautzen, 1984. 13. mjetlo – njedara.
17. *Куркина Л.В.* Названия болот в славянских языках // Этимология 1967. Материалы международного симпозиума «Проблемы славянских этимологических исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии». 24–31 января 1967 г. М., 1969.
18. Речник српскохрватскога књижевног језика. Нови Сад; Загреб, 1969. Књ. 3. Друго фототипско издање. 2000.
19. *Григорян Э.А.* Словарь местных географических терминов болгарского и македонского языков. Ереван, 1975.
20. Областной словарь вятских говоров. Киров, 2011. Вып. 6. М–Н.
21. *Толстая С.М.* Молоко // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н.И. Толстого. В 5 томах. М., 2004. Т. 3.
22. Етимологічний словник української мови. Київ, 1989. Т. 3. Кора–М.
23. *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa: Wiedza powszechna, 1985.
24. *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. 2. dopln. vyd. Praha, 1968.
25. *Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Ljubljana, 1982. Druga knjiga. K–O.
26. *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika / Suradivao V. Putanec. Zagreb, 1972. Knj. druga. K–Poni.
27. Български етимологичен речник. София, 1995. Т. IV. Минго²–Падам.
28. *Толстой Н.И.* Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // Славянское языкознание: VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968 г.): Доклады советской делегации. М., 1968.
29. *Белова О.В., Виноградова Л.Н.* Море // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н.И. Толстого. В 5 томах. М., 2004. Т. 3.
30. *Dobšinský P.* Prostonárodní obyčaje, povery a hry slovenské. Turč. Sv. Martin: Tlačou knihtlač. účastinár. spolku, 1880.
31. *Dobšinský P.* Slovenské národné povesti. Bratislava, 1995.
32. Slovenské povesti, sobrané od Augustína H. Škultetyho a Pavla Dobšinského. Vydáva K.Salva. Ružomberok, 1896.
33. *Vinja V.* Jadranske etimologije. Jadranske dopune Skokovu etimologijskom rječniku. Knj. 1 Zagreb: Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti, Školska knjiga, 1998.
34. *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1967. T. I. A–G.
35. *Кляус В.Л.* Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. М., 1997.
36. A dictionary of selected synonyms in the principal indo-european languages. A contribution to the History of ideas by C.D. Buck. With the co-operation of colleagues and assistants. Chicago & London, 1949.
37. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1979. Вып. 6.
38. *Karulis K.* Latviešu etimoloģijas vārdnīca divos sējumos. Rīga, 1992. I. A – O.
39. *Poblocki X.G.* Słownik kaszubski z dodatkiem idyotyzmów chełmińskich i kociewskich. Chełmno, 1887.
40. *Топоров В.Н.* Прусский язык. Словарь. А – D. М., 1975.
41. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1975. Вып. 2.
42. *Завьялова М.В.* Литовские загадки о доме как о животном // Tautosakos darbai XLVI, 2013.
43. *Невская Л.Г.* Лит. *marginas* (семантические связи постоянного эпитета) // Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984.
44. *Иллич-Свитыч В.М.* Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидский, алтайский). Сравнительный словарь (1 – 3). Указатели. М., 1976.
45. *Мастина М.А.* Дисс. канд. культурологии «Мифологическое мышление в традиционной обрядности мордвы». Саранск, 2014.

ИНТЕРНЕТ И СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: PRO ET CONTRA

9 декабря 2014 г. в Институте славяноведения РАН состоялся «круглый стол» на тему «Интернет и современный литературный процесс в странах ЦЮВЕ: pro et contra», организованный отделом современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы. Его целью было попытаться рассмотреть основные тенденции воздействия Интернета на литературы стран региона, определить наличие или отсутствие «конфликта интересов» литературы и Интернета, проследить, как новые средства коммуникации и медиа-технологии влияют на литературный быт и художественный текст. Представляем три сообщения участников, посвященные различным аспектам проблематики «круглого стола».

© 2015 г. *Н.А. ЛУНЬКОВА*

ПРОБЛЕМА ВИРТУАЛЬНОСТИ В РОМАНЕ «*.LOG» РАЙНЫ МАРКОВОЙ

В статье анализируется проблема разграничения виртуального и реального в пространстве художественного текста (на примере романа «*.log» болгарской писательницы Р. Марковой). Основное внимание уделяется философскому осмыслению феномена виртуализации.

The article analyses the problem of separation between virtual and real in the space of a literary text (on the example of the novel «*.log» by the Bulgarian writer Raina Markova). The main attention is paid to the philosophic interpretation of the phenomenon virtualization.

Ключевые слова: болгарская литература, постструктурализм, виртуальность, симулякр.

Keywords: Bulgarian literature, Poststructuralism, virtuality, simulacrum.

Лунькова Наталья Александровна – младший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

*Сумев отгородиться от людей,
я от себя хочу отгородиться.
Не изгородь из тесаных жердей,
а зеркало тут больше пригодится.
И. Бродский*

Проблема виртуальности – это феномен, являющийся одной из неотъемлемых черт культуры информационного общества. Симулякр, симуляция, виртуализация, компьютеризация, дигитальность и другие термины постоянно применяются для характеристики современной культуры. Наступило время, когда виртуальными становятся труд, деньги, отношения, а вся деятельность человека сводится к бесконечному многообразию виртуальных операций с виртуальными же объектами. Процесс виртуализации, будучи неотъемлемой частью современных социокультурных отношений, является чуть не главным для системы социальных институтов и различных видов коммуникации. В исследовании проблемы виртуальности намечены две основные тенденции: существуют сторонники противопоставления «реальности» и «виртуальности», усматривающие в последней губительное воздействие на первую, и приверженцы понимания виртуальности как одного из факторов эволюции и существования «реальной виртуальности» (подробнее см. [1]).

Несмотря на то, что сам термин «virtual» все чаще используется в исследованиях конца XX в., его корни уходят еще в античную традицию. Уже в те времена в философии появилась мысль о невозможности существования вещи без знака, при этом существование знака без вещи лишено смысла – такова в целом модель теории репрезентации. В гносеологическом аспекте ее наиболее ярко представил Парменид Элейский, противопоставивший «непоколебимому сердцу легко убеждающей истины» «мнения смертных, в которых нет очевидной достоверности» [2. С. 286]. Онтологический же аспект данной модели выделил Платон, для которого вещь не существует сама по себе, но подражает образцу (парадигме) или идее, которая и есть подлинная действительность. Другими словами, только идея обладает бытием, а вещь, состоящая из материи (небытия), является бытием лишь постольку, поскольку причастна своей идее. Символы (образы искусства), репрезентирующие вещи, становятся «теньями теней», ибо представляют уже не саму действительность (мир идей), а ее отражение. Такова весьма краткая история появления оппозиции «означающее – означаемое», ставшей ключевой в философии структуралистов. Однако в постмодернизме эта оппозиция переходит в оппозицию «означающее – означаемое». Для обозначения данной ситуации возможно использование и термина «симуляция», являющегося одним из главных в философии Ж. Бодрийяра. Согласно мысли Бодрийяра, симулякр соотносим лишь со своей собственной реальностью. Анализируя симулякр в социальном аспекте, философ связывал его появление с исчезновением реальности. Означающее скрыто от нас, оно трансцендентно познанию, и каждое означающее отсылает не к означаемому, а к другому означаемому. Эту мысль развивает Ж. Деррида, характеризуя предложенный им проект деконструкции, смысл которой он «видит в том, чтобы вообще уничтожить все бинарные оппозиции, характерные для классической философии (голос – письмо; бытие – небытие; сознание – бессознательное; наличие – отсутствие и т.д.)» [3. С. 145]. Деррида полагает, что «означающее [...] всегда уже функционирует как означающее [...] Нет ни одного такого означаемого, которое бы ускользнуло от той игры означающих отсылок, которая образует язык» [4. С. 120].

Такая постмодернистская трактовка мира как текстуального коллажа, наполненного различными интерпретациями, представлена в романе «*.log» (2006) болгарской писательницы Райны Марковой. *.log – файл регистрации, создаваемый компьютерной программой в системе, протоколирование этой системой своей ра-

боты и отслеживание внешних событий. Эта книга представлена читателю в виде «файла», состоящего из пяти разделов (2001, 2002, 2003, 2004, «Ширпотреб») и содержащего записи о событиях из жизни главной героини, размещенные в хронологическом порядке. Первые четыре раздела представляют собой фрагменты блога пользователя, периодически появляющегося под ником *rain_a_markova*, названия статей, фрагменты текстов песен, чаты с другими пользователями, хаотично размещенные изображения кота, который на протяжении книги может превращаться в бабочек, пауков, голубей и др. В последнем же разделе, имеющем ироничное название «Ширпотреб», автор помещает FAQ («frequently asked questions») с ответами на часто задаваемые вопросы о себе, а также свои статьи, изданные в различных болгарских журналах.

«Автор не несет ответственности в том случае, если действительно существующая личность узнает себя или же ее действия будут узнаны в поступках некоторых героев. Ответственность за поступки каждый несет сам лично», – такой сноской Райна Маркова предупреждает каждого читателя, решившего ознакомиться с ее романом [5. С. 3]. Газетно-хроникальный стиль изложения как способ отражения действительности, воплощенной в художественном контексте, сопровождается трансформированными названиями месяцев (вместо «января» появляется «явгуари», вместо «сентября» – «септомври» и «септуари» и др.). Собеседники героини обозначаются как X, Y и т.д., или же указан никнейм, под которым пользователь зарегистрирован в Сети.

Одиночество автора, истинное и ложное творчество, подмена писательского труда копирайтингом, перформансом, фарсом – вот лишь несколько основных проблем, затронутых автором романа-блога. «Я как бы автор, кто-то меня как бы читал, кто-то обо мне как бы писал [...] Хочу я того или нет, но завтра меня не будет, т.к. авторов мно-о-ого, и никто, включая критиков, писавших, насколько я уникальна, не заметит моего отсутствия. Потому что они займутся тем, что будут писать о следующей “уникальной личности”. Они не заметят, если меня кто-нибудь перескажет или даже перепишет. Поиграли и разойдемся. Хватит!» – так автор критически оценивает литературно-издательскую жизнь в Болгарии, по сути являющуюся имитацией литературной деятельности [5. С. 10]. Частью этого псевдомира оказывается у Марковой весьма характерный персонаж – Мама Реклама, пиар-менеджер, организующий презентации книг, встречи с читателями. Реклама, как известно, в целом позиционируется как мощный источник симулякров современного общества. Неслучайно, после встречи с Мамой Рекламой героиня чувствует себя «напуганной из-за встречи с реальностью» [5. С. 11], которая не имеет ничего общего с ее собственной.

Стоит отметить, что о проблеме соотношения реальности и виртуальности и путях ее решения героиня рассуждает на протяжении всей книги: «Во мне есть материальное и нематериальное, есть левая половина меня, есть правая. Я не хочу, чтобы меня приносили в жертву, лишая одного или другого во имя приобщения к миру тех, кто в силу какого-то всеобщего соглашения принял его за Реальность, где те, кто не обладает цельностью, требуют от тебя пожертвовать своей, чтобы разделить всеобщее несчастье – нужно принести себя в жертву, которая не должна быть принесена, ибо никого бы не осчастливила. Если, конечно, чужая боль не делает их счастливее. Реальность – это нечто другое. Реальность не ставит мне условий. Не требует от меня жертв. И все же пугает меня. Пугает, как и всех остальных, но я, в отличие от них, предпочитаю реальность со всем тем одиночеством, которое она несет» [5. С. 13]. Столкновение героини с реальностью, встречи и знакомства, которые реализуются в пространстве чата, но иногда и выходят за его границы, записи в блоге и другие возможности Интернета – все это проникнуто ощущением одиночества, которое, с одной стороны, героиня стремится преодолеть, чтобы почувствовать себя не «как-бы-автором», а с другой – одиночество

остается ее способом защиты от той Реальности, где она чувствует себя лишней: от псевдолитераторов, копирайтинга, встреч с пиар-менеджерами. Повествование о них перемежается с рефлексией героини, пытающейся определить, что на самом деле можно считать по-настоящему литературным и национальным.

Эскапизм героини следует объяснить желанием создать реальность, которая была бы не навязана субъекту извне, но сконструирована им самим. В данном случае знаменитый тезис Декарта «Мыслю, следовательно, существую» позволяет точнее понять мотивы поведения героини, не стремящейся потерять собственное «Я» в бесконечном потоке информации из внешнего мира и предпочитающей оставаться мыслящим субъектом.

На примере данного произведения можно проиллюстрировать проблему формирования соотношения виртуального и реального в картине мира. Субъект, в данном случае героиня романа, сам определяет актуальность получаемого опыта от столкновения с очередной виртуальностью: его отношение либо пассивно, либо активно, т.е. имеет субъективный смысл. Героиню не устраивает именно та реальность, где она перестает ощущать себя мыслящим субъектом, не способным к рефлексии, критическому восприятию и структурированию собственного образа мира, поэтому она и создает собственную, однако не менее виртуальную, чем предлагаемая ей извне. Навязанные типы взаимоотношений, вызывающие клишированность сознания (не только болгарского, но и любого другого, так как эта проблема выходит за рамки сугубо национального вопроса), не дают какому бы то ни было субъекту возможности опытного освоения реальности. В связи с этим здесь следовало бы вспомнить и феноменологическую концепцию Э. Гуссерля, согласно которой картина мира есть «субъективное представление со всеми входящими сюда [...] значимыми реальностями» [6. С. 39]. Таким образом, можно утверждать, что сознание, схематизируя мир, расщепляет его на несколько реальностей, образы которых всегда будут виртуальны.

Использование терминов систем программирования, кодов, шифров, никнеймов, сокращений, заимствований из разных языков, весьма своеобразных иллюстраций, сама структура романа, больше напоминающего не книгу в ее привычном понимании, а сборник заметок в памяти планшета, вообще все уровни погружения в дигитальность, наблюдаемые в романе «*.log», позволили Райне Марковой не столько продемонстрировать уровень владения приемами работы с текстом с помощью информационных технологий и Интернета в частности, сколько показать, насколько в современном обществе увеличена пассивная компонента образа мира и как за активным использованием различных компьютерных технологий кроется простое желание не потерять свое собственное «Я».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кулагина И.В. Виртуальность как инвариант социокультурной реальности: методологические основания социальных исследований. Дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. М., 2005 (Из фондов Российской государственной библиотеки).
2. Парменид. О природе // Фрагменты ранних греческих философов. М., 1989.
3. Ляпустин А.Г. Типология современного философского иррационализма. Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. М., 2003.
4. Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000.
5. Маркова Р. *.log. София, 2006. М., 2006.
6. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Философская и социологическая мысль. 1996. № 7–8.

© 2015 г. Е.В. БАЙДАЛОВА

СОВРЕМЕННАЯ УКРАИНСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ В ИНТЕРНЕТЕ

В статье рассматривается современная украинская политическая поэзия в Интернете, выделяются две ее волны: связанная с событиями 2004 г. («оранжевая революция»), и с событиями конца 2013 – начала 2014 годов («Евромайдан»); предлагается типологическое деление данной поэзии на комическую, лирическую и поэзию призыва.

The article treats contemporary Ukrainian political poetry in the Internet and defines its two waves: the first one was connected to the events of 2004 (the Orange Revolution), the second one is related to the events of 2013 (Euromaidan). It suggests a typological division of this poetry into comic, lyrical and the poetry of appeal.

Ключевые слова: украинская политическая поэзия, Интернет, Россия, Украина, билингвизм.

Keywords: Ukrainian political poetry, Internet, Russia, Ukraine, bilingualism.

Политическая поэзия имеет давнюю традицию в украинской литературе. С появлением второго (рукописного) сборника стихотворений Т.Г. Шевченко «Три года» (1845–1847) можно говорить о возникновении в украинской словесности «дерзких и возмутительных стихов» [1. С. 250], собственно, политической поэзии. В творчестве многих крупных украинских поэтов – И.Я. Франко, Л. Украинки, Е.Ф. Маланюка, В.С. Стуса, С.В. Жадана и других – есть политические стихотворения, однако особо мощное развитие получила политическая поэзия в последние 15 лет в Интернете, так как «современная литература все чаще выходит за границы печатных изданий» [2. С. 64]. Во многом это связано со способом бытования литературы в сети: доступностью размещения текстов, отсутствием какой-либо цензуры и редактуры, возможности использования мультимедийных средств, наличия многочисленных политических дискуссий, в которых используются и поэтические формы, и, конечно, самой общественно-политической ситуацией, которую переживает современная Украина. При этом необходимо отметить, что украинская социально-политическая поэзия последние годы довольно активно развивается не только в Интернете [3].

Существует ряд проблем, с которыми сталкиваются исследователи собственно он-лайн литературы. Во-первых, это проблема сохранности текстов: как правило, если текст не становится офф-лайн литературой, т.е. не напечатан на обычном бумажном носителе, он может быть изменен как самим автором, так и, например, модератором форума или владельцем сайта, или вообще стерт. Во-вторых, остро стоит проблема авторства текстов: автор может быть либо вообще не указан, либо указан неправильно, либо указан не под именем и фамилией, а под ником; чужие

Байдалова Екатерина Викторовна – младший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

стихотворения могут выдаваться за свои собственные, а свои – за стихотворения давно умерших поэтов. В-третьих, практически невозможна датировка произведений, в лучшем случае можно обозначить дату публикации произведения на конкретном сайте – в этой области так же много мистификаций, как и с авторством.

В развитии политической поэзии современной Украины наблюдается две волны: первая приходится на время «оранжевой революции», вторая начинается с событий на Украине конца 2013 г., так называемого Евромайдана. Хотя основной темой поэзии первой волны является «оранжевая революция», ее результаты и разочарование этими результатами, личностями политиков (в частности, личностью В.А. Ющенко), некоторые другие темы и жанры первой волны продолжат развиваться и во время второй волны. Один из наиболее актуальных жанров – эпиграммы на политических деятелях (как украинских, так и зарубежных) и пародии на прецедентные тексты украинской и советской культуры, а также стихотворения, в которых поднимаются языковой вопрос и вопрос соотношения русского и украинского мира в сознании и культуре носителей и того, и другого.

Необходимо отметить, что современная украинская политическая поэзия в Интернете существует не только на украинском языке, что дает богатый материал для исследователя современной языковой ситуации на Украине, феномена русско-украинского билингвизма. Так, показательным является стихотворение, размещенное в 2006 г. пользователем Тунгус на одном из форумов: «Угораздило меня // Я родился в Украине. // Нет, точней, родился «на» – // «в» – придумали лишь ныне... // Я любил два языка – русский, // И, конечно, мову: // Два ручья, она река... // Бог один, одна основа. // Только сложно мне понять // В перспективе самой близкой: // Почему же русский, б..., // Хуже вдруг, чем украинский?» [4]. Для более рельефной демонстрации ситуации билингвизма в одном стихотворении могут чередовать строфы, написанные по-русски и по-украински, либо может наблюдаться чередование строк на русском и украинских языках, как, например, в стихотворении А.И. Клименко, размещенном пользователем Foulke на Донецком форуме в мае 2014 г.: «Повірте, не проблема в мові! // Поверьте, нам не важен наш язык. // Коли говорить Україна, вона говорить, світ – мовчить. // Давайте просто будем слушать, наговорилось, сил уж нет, // Послушайте її тривогу, ту пісню, доленосний той куплет. // Она расскажет все, что нужно, давайте, братья, помолчим. // Неважно кто ты и откуда, твой заработок и твой чин, // Закрийте рот, відкрийте вуха! Ануж, послухаймо її. // Вона в нас вірить, сильних духом! Вона за нас, брати, стоїть! // Пускай обижена, побита, пускай сожженная дотла, // Втомилась, від дощів промокла, // Но гордая страна чиста! // Велична, справжня і нетлінна!». Заканчивается публикация стихотворения двуязычным призывом: «Гордитесь, что вы родились и выросли на Украине! // Не допускайте її сліз!» [5].

Украинская политическая поэзия в Интернете делится на комическую, лирическую и поэзию призыва. В комической поэзии наиболее частотны жанры эпиграммы и пародии. Объектами эпиграммы становятся политические деятели Украины, а также России и мира. Как правило, эпиграммы лаконичны, имеют двучленную структуру, в них используются интертекстуальные игры, бурлеск и каламбур. В качестве примера приведу эпиграммы С.Г. Мырдина на И.Д. Фараон: «Язык и мова – всё это чудово, // Но ведь в начале было слово!» [6], «Еще одна великая блоха // В парламенте танцует гопака... // Язык ее в столицу вдруг доставил // И на Майдане чучелом поставил» [7].

Стихотворения-пародии создаются на основе прецедентных текстов традиционной украинской и советской культуры, реже – текстов современной российской культуры. Так, например, от имени бывшего президента Украины В.Ф. Януковича написана пародия (авторство установить не удалось) на «Завещание» (1845) Тараса Шевченко: «Як умру, то поховайте мене на Рублівці, // Бо не хочуть мого тіла клятї українці...» («Как умру, похороните меня на Рублёвке, // Потому что

не хотят моего тела проклятые украинцы») [8]¹. Однако чаще всего пародийной трансформации подвергаются тексты распространенных в советское время песен или стихотворений. Так, например, песня «Все хорошо, прекрасная маркиза» (1936, перевод с французского А.И. Безыменского) преобразуется в разговор Барака Обамы с Ю.В. Тимошенко (автор не установлен): «Мы на Майдан толпой пришли: // Евросоюз манил вдали, // И немцы сало привезли, // Но тут опять нас развели: // Пока дискуссии вели – // Крым умыкнули москали, // А вместе с ним все корабли! // И хоть мы санкции ввели, // Весь мир мы сильно развлекли! // Сидеть вам снова на мели! // Так москали вас развели!!! // А в остальном, мисс Юлия Тимошенко, // Все хорошо, все хорошо...» [5]. Стихотворение В.В. Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо» превращается в диалог сына с отцом о том, что «на Майдане хорошо? Или все же плохо?», а другим ребятам советуют «Не ходите, дети, на Майдан гулять...» и т.п.

Стихотворным жанром, появившимся именно в сетевой литературе, являются так называемые стихотворения-«пирожки» и стихотворения-«порошки», написанные по определенным правилам. Политические стихотворения второго типа («порошки») на злободневную политическую тематику почти ежедневно в Твиттере и Фейсбуке публикует, по-видимому, группа авторов под псевдонимом Кокс Квасневского. Такое стихотворение – четверостишие, написанное усеченным четырехстопным ямбом, количество слогов по строкам 9/8/9/2, вторая и четвертая строки рифмуются, используются только строчные буквы, знаки препинания – в исключительных случаях, как правило, комический эффект заключен в неожиданной финальной строке: «Не поминай Ріната всуе // нема в Пр² ніяких груп // як треба не проголосуєш – // ти труп» («не поминай Рената всуе // нет в Пр никаких групп // как нужно не проголосуешь – // ты труп»), «Царьову собчакова доня // подарувала “Скотний двор” // намбока шаріков не поняв // в упор»³ («Цареву дочка Собчака // подарила “Скотный двор” // намека шариков не понял // в упор») [9].

Поэзия призыва – это чаще всего самая низкокачественная поэзия, почти всегда графоманская. В ней звучат призывы к мести, насилию (с обеих противостоящих сторон), она изобилует обценной лексикой, банальными рифмами, ее композиция максимально упрощена: «Темна хмара наступила, // Київ весь пїтьма накрила. // Налетіли чорні круки, // Щоб узять дітей на муки! // Гей, гей, Україно! // Встань за дочку, встань за сина! // Опівночі дзвонять дзвони – // На Майдан, до оборони!» («Темная туча наступила, // Киев весь тьма накрыла. // Налетели черные вороны, // Чтобы взять детей на муки! // Эй, эй, Украина! // Встань за дочку, встань за сына! // В полночь звонят колокола – // На Майдан, на оборону!») [10]. Часто такие стихотворения сопровождаются либо располагаются на фотографиях или фотоколлажах соответствующей тематики (изображение политических лидеров и национальных героев прошлого и настоящего, фотографии погибших, мест, знаковых для событий прошедшего года, фотокартины языков пламени, оскаленных морд диких животных и т.д. – все максимально агрессивной направленности). Необходимо отметить: несмотря на то, что тексты комической поэзии и поэзии призыва остаются исключительно он-лайн литературой и (за редким исключением) не получают доступа в печатные издания, они с успехом выполняют задачу политической поэзии – влиять на политическую ситуацию здесь и сейчас; имеют колоссальное воздействие на умы и сердца тех, кто «живет» в Интернете, однако, скорее, останутся фактом истории и политики, но не литературы. Как верно отме-

¹ Здесь и далее, если не указано имя переводчика, подстрочный перевод сделан автором сообщения.

² Пр – Партия регионов.

³ Речь идет об интервью на телеканале «Дождь» пророссийски настроенного украинского политика О.А. Царева К.А. Собчак, в конце которого ведущая подарила собеседнику книгу Дж. Оруэлла «Скотный двор».

тил М.А. Волошин, «космическое дело поэта может иногда совпадать с гражданскими и политическими полезностями, но это совпадение еще ничего не говорит о самой художественной сущности произведения» [11].

Лирическая поэзия, как показывает время, часто после публикации в Интернете получает доступ в печатные издания (как периодические, так и сборники стихотворений и т.п.). Темы этой поэзии – события на Майдане (многие стихотворения посвящены так называемой небесной сотне: людям, погибшим во время событий января – февраля 2014 г.), осмысление трагического разделения Украины, ее дальнейшей исторической судьбы без/с Крымом, без/с Россией или Европой. Наиболее пронзительные из них – те, в центре которых травмирующий опыт потери близких людей, как, например, стихотворение Оксаны Максимишин-Корабель: «Мама, не плачь. Я вернусь весной. // У шибку пташинкою вдарюсь твою. // Прийду на світанні в садок із росою, // А, може, дощем на поріг упаду. [...] // Мамочко, вибач за чорну хустину, // За те, що віднині будеш сама. // Тебе я любив. І любив Україну. // Вона, як і ти, була в мені одна» («Мама, не плачь. Я вернусь весной. // В окошко птичкой ударюсь твое. // Прийду на рассвете в сад росой, // А, может, дождем на порог упаду. [...] // Мамочка, прости за черный платок, // За то, что отныне будешь одна. // Тебя я любил. И любил Украину. // Она, как и ты, была у меня одна» [12]. Или стихотворение Евгении Бильченко «Кто я?», в котором судьба убитого мальчика оказывается сопричастна судьбе любого человека и в итоге трансформируется в онтологическое умирание-воскрешение Бога: «Я – мальчик. // Я сплю, свернувшись в гробу калачиком. // Мне снится футбол. В моей голове – Калашников. // Не вовремя мне, братишки, пришлось расслаться! // Жаль, девочка-врач в халатике не спасла меня... // Я – девочка-врач. // Я в шею смертельно ранена. // В моем городке по небу летят журавлики // И глушат Wi-Fi, чтоб мама моя не видела, // Как я со своим любимым прощаюсь в Твиттере... [...] // Я – Бог. // И я тоже – Папа. Сынок Мой Ласковый // У дауна в классе детский отнял Калашников. // Сказал, мол: “Ни-ни!” – и прыгнул без парашютика... // Спи, золотко. // Спи, Мой Мальчик. // Я Воскрешу Тебя» [13].

Интересно, что в широко распространенных в сети текстах, описывающих взаимоотношения Украины и Крыма / восточной Украины и западной Украины (Галиции), мы сталкиваемся с «затрудненной самоидентификацией» [14. С. 7]: эти взаимоотношения представлены как взаимоотношения супругов (юго-восточная Украина – Галиция) или приемного сына – приемной матери (Крым – Украина), а не кровных родственников, как в случае взаимоотношений Украина – Россия. Так, «в письме Украины к Крыму», появившемся в ответ на аналогичное «письмо Крыма к Украине», Крым назван то «капризным детенышем многодетной матери», который «истерит и ревнует ее к остальным детям», то «пустынным, безводным и уродливым малышом, всеми брошенным и никому не нужным», которого Украине «отдали из детдома в 1954-м» [15]. Поэтому и ожидаемый разрыв представлен либо как ситуация развода («Галиция, слушай, давай разводиться // Без шума, без крови и драки публичной. // Зачем нам бардак и побитые лица? // Давай разойдемся как люди, прилично. // Я долго кормил тебя, я не буянил, // Исправно бюджет наполнял год от года, // А ты увлеклась бездельем майданным, // Меня называя рабом и уродом [...] // Галиция, слушай, давай разводиться. // Пора наступила, подводим итог. // Тебе на майданах “халявно туситься”, // А мне на работу. Твой Юго-Восток» [16]), либо как ситуация предательства – трагическая, но не затрагивающая глубинных, родовых, корневых взаимосвязей («из двадцати пяти моих детей только ты не прошел проверку на верность, хотя они голодали не меньше твоего» [15]). В то же время отрицание родственных взаимосвязей между Украиной и Россией порождает колоссальный по своему объему и эмоциональному заряду поэтический отклик и с украинской, и с российской стороны. Имеется в виду широко распространенное стихотворение А.Н. Дмитрук «Никогда мы не будем

братьями») (два с половиной миллиона просмотров, полтора миллиона просмотров песни, записанной литовской группой на этот текст), которое представляет собой особый тип бытования поэтического текста в Интернете: оно прочитано самим автором и выложено в «Y-tube»; т.е. это поэзия, которую не читают, а воспринимают аудиовизуально. В таком же виде, в основном, бытуют и отклики на это стихотворение (к настоящему моменту более ста текстов), которые могут стать предметом самостоятельного исследования культурологов, политологов, литературоведов, лингвистов и даже психологов. Основной массив текстов использует структуру стихотворения Дмитрук, однако есть и пародии, и оригинально построенные тексты. Самый распространенный (по совокупному количеству просмотров самого ответа и песни группы «Опасные» на данные стихи – больше трех миллионов) – стихотворение Л.С. Корнилова «Ответ украинке», в котором внимание концентрируется на общих корнях России и Украины, неразрывности связи «родни незрячей», у которой «глаза в слезах», способности простить Украину, говорящую «не те слова», потому что она «напугана и растеряна». Заканчивается стихотворение строками «никогда ты не станешь братом, // потому что ты мне – сестра» [17]. Такой мощный творческий отклик на конкретное произведение показывает ту «болеву точку», которая существует во взаимоотношениях Украины и России и которая столь рельефно проявилась во время событий 2014 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Матеріали до історії Кирило-Мефодіївського братства. Признання Кирило-мефодіївців // Збірник пам'яті Тараса Шевченка (1814–1914). Київ, 1915.
2. Герасименко Н. Мережева література: нова форма чи зміст? // Слово і час. 2010. № 10.
3. Байдалова Е.В. «Музыка революции?» Социально-политическая поэзия современной Украины // Художественный ландшафт «нулевых». Литературы Центральной и Юго-Восточной Европы в начале XXI века (серия «Современные литературы ЦЮВЕ»). М., 2014.
4. <http://forumok.org/topic1923.html> 22.01.2015.
5. <http://www.doneckforum.com/forum7/thread38938-2.html> 22.01.2015.
6. <http://www.poems.su/index.php/view/19006> 23.01.2015.
7. <http://www.poems.su/index.php/view/19473> 23.01.2015.
8. <http://blog.i.ua/user/299755/1425420/> 25.01.2015.
9. <https://www.facebook.com/kokskvas> 22.01.2015.
10. http://frazua/analitics/08.02.14/187320/poezija_majdana.html 25.01.2015.
11. Волошин М.А. Поэзия революции / http://dugward.ru/library/voloshin/voloshin_poeziya_i_revoluciya.html 25.01.2015.
12. <http://vchaspik.ua/literatura/grazhdanskaya/240940obsuzhdaem-poeticheski-temu-mamo-ne-plach-ya-povernus-vesnoyu> 26.01.2015.
13. <http://www.poezia.org/ru/id/39380> 27.01.2015.
14. Софронова Л.А. Введение // Категории и концепты славянской культуры. Труды отдела истории культуры. М., 2008.
15. <http://podrobnosti.ua/society/2014/04/01/968015.html> 25.01.2015.
16. http://www.dialog.ua/news/1064_1397337154 24.01.2015.
17. <http://www.youtube.com/watch?v=YcTRceGMRHI> 26.01.2015.

© 2015 г. И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ

«ЧУДО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ».
СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛЬСКИЕ АВТОРЫ
ОБ ИНТЕРНЕТЕ И ПИСАТЕЛЬСКОМ ТРУДЕ

В статье анализируется восприятие польскими писателями Интернета – как своего рода параллельной реальности, из которой они могут черпать материал, как среды функционирования готового произведения, как значимого фактора литературной жизни и т.д.

The article analyses the perception of the Internet by Polish writers, who view it as a kind of a parallel reality, where they borrow materials, as a habitat, where complete literary work is functioning, as a significant factor of literary life and so forth.

Ключевые слова: Интернет, литературная жизнь, источник, среда, фактор, демократизация, децентрализация

Keywords: Internet, literary life, habitat, factor, democratisation, decentralisation

Анкеты в прессе и интервью с авторами позволяют получить некоторое представление о том, как в Польше воспринимают Интернет эти главные персонажи литературного процесса. После первоначальных надежд на оживление литературной жизни и опасений – не повредят ли новые технологии литературе (1990-е годы), затем некоторого разочарования в связи с неиспользованными техническими возможностями и новых надежд – теперь уже на собственно *художественный* потенциал Сети (начало 2000-х годов), сегодня, на третьем десятке лет существования польского Интернета, писатели, даже если по-человечески и испытывают некоторые опасения (П. Войцеховский: «Нас объединяет липкая мерзость спама» [1. С. 373]; Д. Масловская: «Через все эти виртуальные каналы коммуникации [...] вытекает душа» [2. С. 57]; Я. Денель: «Интернет становится главным кабелем для подключения человека к миру» [3]), то как субъекты литературного процесса воспринимают Сеть прагматично-положительно – и как **источник**, из которого писатель может черпать материал во время работы, и как **среду**, в которую он может «запустить» плоды своей деятельности.

Меньше всего писатели рассуждают об Интернете как объекте изображения, и действительно, Сеть становилась таковым всего несколько раз, причем показательно, что сначала упор делался на коммуникационные возможности виртуальности и ее гуманитарный *потенциал* («Одиночество в сети» Я. Вишневого), затем – на *иллюзорность* бегства с ее помощью от действительности («Счастье. Версия 1.0» Р. Осташевского), в последние же годы виртуальность изображается как *угроза* реальности («Таблетка свободы» П. Червиньского).

Адельгейм Ирина Евгеньевна – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

В то же время авторы признаются, что активно используют Интернет для наблюдения за эволюцией языка (К. Кофта, М. Мечницкая, Е. Сосновский [1. С. 368–369, 370, 371] и др.) – именно Сеть представляется теперь *живой* языковой стихией, сменив в этой роли улицу, где, в свою очередь, «все меньше говорят и все больше смотрят в экран смартфона» (М. Мечницкая) [1. С. 370]. Особенно привлекает писателей расцветший в виртуальном пространстве «язык ненависти» (И. Батор: «Интернет породил новый диалект. Я анализировала его как лингвист и антрополог, ненавидела как человек, порой восхищалась – как художник способен восхищаться явлением отталкивающим, темным, но по-своему завораживающим» [4]; К. Кофта: «Я читала высказывания на разных форумах – наблюдала за языком ненависти, за тем, как люди “заводят” себя и друг друга» [1. С. 368 и др.]).

Е. Сосновский высказал интересную гипотезу о том, что вследствие лаконизма интернет-языка парадоксальным образом становятся более развернутыми художественные тексты: «Словно мы подсознательно оценили эпический размах, столь отличный от поспешности, с какой мы обмениваемся интернет-сигналами собственного существования» [1. С. 371].

Что касается Интернета как источника структурных инноваций, многие писатели отмечают, что гипертекст по-прежнему остается скорее «потенциальной возможностью, больше увлекающей исследователей» [1. С. 367], а «соблазнительная гипертекстуальная структура отступает перед вековечной читательской потребностью в (умеренно) линейном повествовании» [1. С. 372]. Следует заметить, что и в самом деле, несмотря на появление нескольких гипер-романов («Стоклосы» М. Качиньского, 1997; «Блок» С. Схуты, 2002; «Трамваи в объединенных пространствах» д-ра Муто, 2003; «Конец света по Эмерику» Р. Новаковского, 2005; «Матрешка» М. Дзидо, 2013), эта форма не оказалась необходимой, единственно адекватной главным психологическим и эстетическим задачам молодых авторов 2000-х годов. В то же время некоторых писателей среднего поколения привлек жанр интернет-романа, явившийся прямым следствием демократизации литературной коммуникации и позволяющий создавать открытый, многоголосный текст, вовлекать одновременно множество читателей (К. Кофта [1. С. 369]; Я. Вишневский [5]).

Писатели подтверждают безусловную ценность Интернета как информационной базы – источника сюжетов (К. Кофта: «Когда-то темы валялись на улице, теперь – в Интернете» [1. С.368]; И. Батор: «Это были слова, ставшие исходной точкой нового романа. Я много раз вписывала их в строку поиска по-польски, по-английски, по-немецки, пока не наткнулась на историю»; [6 и др.]) и, особенно, инструмента так называемого research. Писателей привлекает не просто моментальная доступность создающей иллюзию бесконечности информационной базы – возможность быстро проверить детали, исторический материал и пр. (Е. Сосновский: «Такое ощущение, что моя память получает расширение» [1. С. 372]; Я. Клейноцкий: «Можно не бежать с каждым сомнением в библиотеку» [1. С. 367]; К. Кофта: «Можно узнать обо всем на свете, набрав несколько слов в поисковике» [1. С. 368] и др.), но и мультимедиальность Интернета, его способность более полно «освежить в памяти картину или городской пейзаж» (С. Хвин: «Интернет интенсифицирует визуальную сторону мира больше, чем бумажные носители, синтезируя слово и образ» [1. С. 364]).

При этом отмечается опасность Интернета в плане «гигиены труда»: «С появлением Интернета в нашей пишущей машинке появились гигабайты содержимого более интересного, чем наш собственный текст. Это очень отвлекает» (М. Мечницкая [1. С. 371]); «Компьютер предлагает мне на выбор мои собственные мысли, которые я с трудом вбиваю в белый прямоугольник Ворда – и чудесный мир забавных картинок и интересных новостей. Не так просто быть стойким и не щелкнуть мышкой по очередной ссылке, которая унесет меня в голубую даль»

(С. Хутник, [1. С. 363]); «Это одуряющая смесь чепухи, которая часами удерживает нас у монитора, заставляя впитывать гигабайты ерунды, которые потом телепаются в наших мозгах» (Д. Масловская, [7]).

Наибольший энтузиазм у авторов вызывает Интернет как среда функционирования уже готовых текстов – интерактивность, мобильность, демократичность этого пространства.

Прежде всего, это возможность мгновенной обратной связи, т.е. виртуальная критика – профессиональная и любительская, заказная и спонтанная. Хотя звучат жалобы на «кризис серьезной критики» (К. Варга: «Скоро останутся только чириканье и экзальтированные интернет-вопли» [8]; Я. Денель: Интернет – «кривое зеркало, единственное место, где Черский больше Фолкнера, Пёнтек – равен Гомбровичу, а Схуты – выше Грабала» [9]; Е. Сосновский: «Уменьшилась роль литературной критики» [1. С. 372]), однако многие авторы справедливо отмечают серьезные литературные дискуссии, ведущиеся на самых разных сайтах и даже в социальных сетях [1. С. 365; 10. С. 247], что не может не свидетельствовать об огромной потребности в литературной коммуникации, просто переместившейся в новое пространство [11], которое действительно является более эффективным средством информации о литературе, чем традиционные каналы, поскольку интернет-издания имеют больше читателей, чем бумажная пресса [10. С. 246]. Вопреки ожиданиям, не вызывает особого протеста у писателей (за исключением саркастического текста К. Варги об издательстве «Знак» [8]) феномен заказных рецензий, публикуемых в интересах издательств, книжных интернет-магазинов или даже противников того или иного автора. Что касается «наивных энтузиастов», т.е. непрофессиональной критики – здесь тоже больше положительных мнений. Авторы ценят, прежде всего, спонтанность и «незашоренность» любительских суждений (М. Мечницкая: «У писателей больше источников стресса и радости, их буквально бомбардируют отзывами и оценкой. Когда-то эту роль выполняли письма в редакцию и дискуссии на страницах прессы, но нынешний процесс более естественен, менее централизован» [1. С. 371]), эмоциональность и непосредственность языка, «не знающего» традиционных формул вежливости и иносказательности профессиональных бумажных рецензий [10. С. 246–247; 12. С. 279], значение для популяризации конкретных книг и чтения вообще, поскольку неопиту легче привлечь себе подобных (т.е. Интернет может вырастить потенциальных читателей [13. С. 257, 261]), роль непрофессиональной критики в объединении литературного пространства (т.е. рефлексия над литературой высокой и массовой ведется в одном пространстве [10. С. 247]).

Едва ли не наибольший – и единодушный – энтузиазм вызывает роль Интернета как фактора демократизации литературной среды (особенно это актуально для молодого поколения, поскольку соответствует его видению структуры общества – сетевому, а не иерархическому [14]). Меняются отношения между автором и читателем: автор утрачивает роль авторитета, уподобляясь всем прочим пишущим в Интернете, с ним можно вступить в свободную полемику, что «здоровее» и для писателя лично (поскольку «тренирует» и укрепляет психологически), и для литературного процесса в целом (1. С. 371–372; 3; 10. С. 246; 11. С. 266).

Наконец Интернет дает автору огромные возможности для «пиара» и манипулирования собственным имиджем. Блоги способствуют демократизации образа писателя, более непосредственному контакту, большей интимности общения (П. Червиньский: «Этот сайт я делаю для друзей и буду говорить с вами так, как говорил бы с другом» [15]). Парадоксальным образом в виртуальном пространстве автор приобретает более реальные черты, кажется более доступным. Одни авторы принимают «правила игры» как данность (Я. Бохеньский: «Не остается ничего другого, кроме как принять этот факт (у писателя «должен быть» блог. – И.А.) к сведению и участвовать в процессе» [1. С. 363]), другим претит мысль

о том, что можно постоянно обнародовать «личные тайны, семейную хронику, взлеты и падения в светской жизни», и угнетает необходимость «каждый день писать несколько слов, причем непременно в активно-провокационном тоне» (С. Хвин [1. С. 364]), чьему-то темпераменту это оказывается очень близко (К. Кофта [1. С. 369]) – однако в целом все воспринимают блоги как неотъемлемую часть сегодняшнего литературного быта. Естественно поднимается писателями проблема отличия блога от литературного дневника (Я. Джевуцкий: «Каждый может ощутить себя Гомбровичем. Но это иллюзия» [1. С. 356]). Авторы отмечают в этой связи мгновенность попадания текста к адресату (Я. Бохеньский: «Такое ощущение, будто читатель заглядывает мне через плечо» [1. С. 363]), возможность обратной связи, взаимодействия, живого, непосредственного контакта с читателями блога (Э. Брыль: «Вы тоже мне пишете. Быть может, мы таким образом встретимся» [16]; Я. Бохеньский: читатели «становятся героями повествования, могут в него вторгаться, вести себя так или иначе, комментировать, полемизировать» [1. С. 363]) и дать шанс исправить ошибки рецензентов или поблагодарить за глубокое замечание (Я. Денель [3]).

Мнения авторов относительно способности Интернета сохранить или, напротив, «распылить» историко-литературный материал, важный для потенциального исследователя, расходятся. Одни считают, что слишком многое растворится в виртуальности, например, мейлах (т.е. исчезает один из основных биографических источников – писательская корреспонденция – ведь неизвестно, как будет обстоять дело с архивами виртуальной переписки) [3]. Другие – что, наоборот, Интернет позволяет фиксировать то, что «прежде высказывалось и таяло в воздухе кафе, в кухне, в борделе, а теперь попадает в сеть, оказывается в результатах поиска, обрастает комментариями» [3].

Что касается Интернет-публикаций, на первый план выходит, разумеется, проблема авторских прав авторов бумажных книг. В основном звучат жалобы [1. С. 363, 365 и др.] на то, что из-за пиратских копий падают тиражи, однако писатели утешаются тем, что это служит своеобразной рекламой (С. Хвин [1. С. 365 и др.]). О. Токарчук же осознанно пошла на безвозмездную публикацию одного из романов в Интернете: «Я получила за свою книгу гораздо больше, чем ожидала. Я удовлетворена бумажным изданием. И решила все остальное отдать тем читателям, которые его не купили. Пускай книга теперь живет в Интернете, мне это нравится. Мне кажется, что так я ближе к людям» [18].

Отмечают писатели более легкий старт в литературе, благодаря Интернету [18], хотя статус бумажной и электронной публикации по-прежнему различен: «Лишь книга может служить подтверждением того, что ты внес свой кирпичик в здание культуры» [11. С. 270]. «Престиж бумажной книги складывался на протяжении веков, так быстро ситуация не изменится» [11. С. 263]. Вместе с тем неизбежно и общее падение профессионализма (Я. Джевуцкий: в бумажных журналах графоманы в меньшинстве, в Интернете – наоборот, [1. С. 365]), нивелирование уровней и жанров (Т. Яструн: «Снизился уровень большой литературы, но зато многие пишут блестящие дневники, блоги, мейлы», «Книга перестала быть произведением. Это продукт или каприз» [1. С. 366]).

Относительно конкуренции бумажных и электронных носителей некоторые писатели предполагают, что бумажная книга сохранится, но в форме хобби наподобие верховой езды в эпоху, когда все пользуются автомобилями, или «предмета роскоши, элитарного гаджета» [1. С. 367, 368].

В целом Интернет воспринимается писателями одновременно как орудие и среда децентрализации, демократизации литературной жизни для всех ее участников, которые в той или иной степени берут на себя роль Автора текста. Постепенно меняется вся система: иерархизированные структуры сменяет сеть, потенциально – бесконечный многоголосный интертекст (И. Грош: «Возможность взаимо-

действия многих – именно это может что-то новое дать литературе [11. С. 272]). В силу того, что Интернет становится главным источником информации вообще, он оказывается и важнейшим источником информации о литературе, становясь серьезной альтернативой для традиционных каналов литературной жизни – присутствуя в Интернете, писатели получают непосредственный доступ к более широкому кругу читателей. Последние также остаются в выигрыше: «Благодаря цифровым технологиям, поставщики могут предложить потребителю все (или почти все) при минимальных затратах [...] следовательно будут удовлетворены даже поклонники малоокупаемых произведений» [19. С. 87].

Таким образом, отношение писателей к Интернету определяется его информационной (желание присутствовать в Сети) и коммуникационной (желание установить контакт с читателем) функциями. Кроме того, несмотря на все опасения, связанные с процессом технологизации человека и культуры, решающим в позитивном восприятии современными авторами Сети является ощущение, что она поддерживает и образует новые связи, не ставя барьеров, характерных для традиционного, внесетевого участия в культурной жизни. По словам одной из главных фигур современной польской прозы, О. Токарчук, Интернет – «чудо взаимодействия, пусть же деньги его не испортят!» [17].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ankieta «Tekstów Drugich» wśród pisarzy: w jaki sposób Internet wpływa na twórczość literacką. // *Teksty Drugie*. 2014, №3.
2. *Maslowska D.* Dusza światowa. Rozmawia Agnieszka Drotkiewicz. Kraków, 2013.
3. Pisarz w sieci. Jacek Dehnel o internecie, hejterach i poezji w dobie www. // <http://natemat.pl/66947.pisarz-w-sieci-jacek-dehnel-o-internecie-hejterach-i-poezji-w-dobie-www>
4. «Interesuje mnie przede wszystkim opowiadanie ciekawych historii». Z Joanną Bator rozmawia Adam Bienias // *Fraza*. 2014, № 85 / <http://fraza.univ.rzeszow.pl/numer/85-Rozmowa-z-Joanna-Bator.php>
5. Kultura przez duże K. // <http://www.30minut.pl/12/nse/1/474/kultura-przez-duze-k>
6. Joanna Bator: Jak piszę, nie noszę sztandaru // http://www.biznesistyl.pl/kultura/ksiazka/2094_joanna-bator:-jak-pisze,-nie-niose-sztandaru.html
7. «Nikt nie chce być pisarzem, każdy chce być gwiazdą». Z Dorotą Masłowską rozmawia Justyna Sobolewska // <http://www.kochaniezabilamnaszekoty.pl/prasa/6/Nikt-nie-chce-byc-pisarzem-kazdy-chce-byc-gwiazda--z-Dorota-Maslowska-rozmawia-Justyna-Sobolewska---Polityka/>
8. *Varga K.* Śmierć krytyka, czyli czas entuzjastek // *Gazeta wyborcza*. 23.01.2014 // <http://www.Wyborcza.pl/DuzyFormat/23 stycznia 2014>
9. *Dehnel J.* Po prostu: Sobieraj // *Wirtualna Polska*. http://ksiazki.wp.pl/tytul_Po-prostu-Sobieraj.wid,14569,felieton.html?icaid=1d1c9
10. Literatura i internet. Polemika: Jarosław Klejnocki i Jarosław Lipszyc («Gazeta Wyborcza») // *Liternet*. pl. Kraków, 2003.
11. Bardzo otwarty barak – dyskusja o sposobach funkcjonowania literatury w Internecie // *Literatura wobec nowej rzeczywistości*. Kraków, 2005.
12. Igor Stokfiszewski. *Krytyka.pl – 19 komentarzy* // *Liternet*.pl. Kraków, 2003.
13. *Maliszewski K.* Internet literacki – cykl felietonów // *Liternet*.pl. Kraków, 2003.
14. *Czerski P.* My, dzieci Sieci // *Dziennik bałtycki*. 10–12.02.2012. <http://pokazywarka.pl/pm1pgl/>
15. *Czerwiński P.* Wirtualna strona pisarza // <http://piotrczerwinski.com/>
16. *Bryll E.* Oficjalna strona // <http://bryll.pl/>
17. «Książki mnie zmieniają» – wywiad z Olgą Tokarczuk // <http://www.pozytywy.com/artykuly/428-ksiazki-mnie-zmieniaja-wywiad-z-olga-tokarczuk>
18. *Literatura i internet. Ankieta czasopisma «Hatart» (czerwiec 2001)* // *Liternet*.pl. Kraków, 2003.
19. *Maryl M.* Kim jest pisarz (w internecie)? // *Teksty Drugie*. 2012. № 6.

УКРАИНСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Статья посвящена украинской теме в жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова. Автор приходит к выводу, что обращение поэта к украинским сюжетам и образам были подчинены, прежде всего, важнейшим художественным задачам. Изучение украинских экскурсов произведений М.Ю. Лермонтова, свидетельств личного общения с уроженцами малороссийских губерний говорит о том, насколько неразделимы в мировоззрении поэта были судьбы двух славянских народов.

The article is devoted to the Ukrainian motives in the work of Mikhail Lermontov. The author comes to the conclusion that special appeal of the poet to the Ukrainian plots and images were subordinated, first of all, to major artistic tasks. Studying of the Ukrainian digressions in the works of Lermontov, or evidence of his personal contacts with the natives from the province of Little Russia (Malorossiya) proves that destinies of the two Slavic peoples were inseparable for the poet.

Ключевые слова: лермонтоведение, украинская культура, Малороссия, Азовское казачье войско, национальные стереотипы

Keywords: Lermontov Studies, Ukrainian culture, Malorossiya, Azov Cossack army, national stereotypes

«Все в ней таинственно», – заметил В.Г. Белинский о повести «Тамань». И действительно, странствующего офицера-повествователя «поразило», что слепой мальчик в беседе с ним говорил «малороссийским наречием», а в разговоре с «ундиной» «изъяснялся чисто по-русски». Лермонтов продемонстрировал стойкий интерес к этноречевой характеристике своих персонажей, заключив в повести некую загадку [1. С. 60–61]. В краеведческих комментариях этноязыковой фон таманского происхождения обычно объясняется двуязычием черноморского казачества, однако в повести все это очень завуалировано и не позволяет дать однозначный [1. С. 62].

Один из самых таинственных персонажей повести – храбрый контрабандист Янко, который носит «татарскую шапку, но острижен по-казацки». Лермонтоведы Л.И. Прокопенко и В.А. Захаров предположили, что прототипом Янко явился начальник флотилии азовских казаков на Черноморском побережье Кавказа есаул Яков Никифорович Барахович [2. С. 180–187]. Учреждая команды для несения боевой службы на Черноморской береговой линии, русское правительство исходи-

Матвеев Олег Владимирович – д-р ист. наук, профессор Кубанского государственного университета (г. Краснодар).

ло из того, что азовское казачество «в прежнем быту своем, Задунайской запорожской сечи, имело главнейшие промыслы на сих лодках и приобрело особое в прибрежном плавании искусство и знание» [3. С. 861]. Успехам бывших запорожцев в борьбе с пиратством и тайной торговлей оружием и невольниками, несомненно, способствовал турецкий опыт морских разбоев и знание тонкостей контрабанды. Бывавший по делам службы на Черноморской береговой линии Г.И. Филипсон писал в воспоминаниях, что украинские казаки «промышляли в Турции грабежом и разбоем на сухом пути и на море. Они были смелые и искусные моряки» [4. С. 196]. По словам генерала, прославленный руководитель морских операций команд азовских казаков Я.Н. Барахович в молодости, «живя еще на Дунае, занимался между прочим, морским разбоем» [4. С. 198]. В фондах Государственного архива Краснодарского края сохранился любопытный документ о столкновении подполковника Я.Н. Бараховича с подпоручиком Ю.С. Буффалом. Последний сам имел криминальное прошлое [5. С. 40], но сумел отличиться в Кавказской войне и начать жизнь «с чистого листа». В пылу ссоры подпоручик упрекнул Бараховича: «Вы сами буянили в Турции, здесь не Турция, а Кавказ, вы служите здесь русскому царю, черт знает, кто вас жаловал» [6. Л. 9].

Л.И. Прокопенко рассуждал следующим образом: Янко – казак в татарской шапке, Яков Барахович – тоже казак. Янко – контрабандист, Барахович – в прошлом тоже контрабандист. Имена у них похожие. Если выяснится, что начало службы Бараховича относится к концу сентября 1837 г., когда Лермонтов в Тамани стал свидетелем таинственного происшествия с контрабандистами, можно говорить о Бараховиче как о прототипе Янко. Следовало найти формулярный список, который дал бы возможность установить начало службы Бараховича в Азовской казачьей флотилии. Но «поиски в архивах Новочеркасска, Москвы, Тбилиси ничего утешительного не принесли» [2. С. 183–184].

Мне удалось разыскать в Российском государственном военно-историческом архиве формулярный список войскового старшины Я.Н. Бараховича, датированный 7 апреля 1843 г. Из него следует, что Яков Никифорович Барахович родился в 1807 г., происходил «из казаков Азовского войска», в чин хорунжего был произведен 17 июля 1838 г., уже в декабре этого года пожалован сотником, в 1841 г. стал есаулом, а в ноябре 1842 г. – войсковым старшиной. Имел ордена св. Владимира 4-й степени с бантом, св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», св. Станислава 2-й степени, «и оного же Императорскою короною украшенный» [7. Л. 3–3об.]. Я.Н. Барахович «поступил в сформированную по Высочайшему повелению Десятую команду Азовского казачьего войска, назначенных для прибрежного крейсерства у Восточного берега Черного моря 26 апреля 1837 г.» [7. Л. 4]. К месту назначения он прибыл только в октябре 1837 г., причем находился в Абхазии (Сухум, укрепление Бомборы, Гагры). Поэтому в сентябре 1837 г. Барахович, тогда еще малоизвестный зауряд-хорунжий с Лермонтовым видеться не мог.

В.А. Захаров предположил, что Лермонтов только слышал о подвигах Бараховича на Черноморском побережье от своего друга, князя Г.Г. Гагарина, который написал портрет казачьего офицера, хранящийся в Русском музее в Санкт-Петербурге. На этом портрете подпись князя Гагарина: «Есаул Барахович, выходец из Турции, теперь служит в Азовском казачьем войске». Ниже сделана приписка: «Откусил нос и бороду у контрабандиста у укрепления Навагинского» [2. С. 186]. Под рисунком стоит странная дата: 13 апреля 1837 г. В свете этого В.А. Захаров выдвинул следующие аргументы: 1. Смелые, необыкновенные поступки Бараховича, так же как и «слава» о его контрабандистком прошлом, были «притчей во языцах» у кавказских офицеров, по крайней мере об этом знал друг Лермонтова князь Г.Г. Гагарин, написавший портрет есаула Бараховича. 2. Как бывший контрабандист, Барахович отлично знал все уловки, хитрости «рыцарей наживы, их излюбленные места, расположение и устройство тайников. Поэтому и добился

выдающихся результатов в борьбе с контрабандной торговлей и сделал блестящую офицерскую карьеру. 3. Архивные разыскания позволили В.А. Захарову установить, что Барахович занимался тайной контрабандой, будучи уже офицером Азовского войска. 4. Во время пребывания Лермонтова в Тамани Барахович находился на противоположном берегу в Керчи. 5. Почему слепой мальчик в повести шел к пристани? Там находился домик, принадлежавший Азовской казачьей флотилии. Значит, Янко не беспокоился о встрече с азовцами. Следовательно, по мысли В.А. Захарова, азовский казак Барахович мог стать прототипом Янко в повести М.Ю. Лермонтова «Тамань» [2. С. 186–187].

Представляется, что обнаруженный архивный документ опровергает эту заманчивую версию. Из формулярного списка точно известно, что на службу в баркасные команды Азовского войска Барахович поступил лишь 26 апреля 1837 г. и находился в это время на Екатеринославщине [7. Л. 4]. Есаулом он стал только 3 июня 1841 г. Поэтому Гагарин мог видеть есаула Бараховича не раньше июня 1841 г., когда азовский офицер уже прославился борьбой с черкесскими пиратами и турецкими контрабандистами. В это время Гагарин был действительно прикомандирован к комиссии под начальством барона П.В. Гана, занимавшейся введением нового гражданского устройства в Закавказье, и, возможно, побывал на Черноморском побережье [8. С. 242–243]. Но о встрече с Бараховичем художник не мог рассказать Лермонтову: 15 июля 1841 г. поэт был убит на дуэли. К тому же повесть «Тамань» была начата Лермонтовым в октябре 1837 г., а в печати появилась в 1839 г. По-видимому, образ Янко сложился в результате каких-то, скорее всего художественных решений. Этому способствуют и лексические украинизмы, которые автор с большим тактом вводит в повествование.

Сохранилось свидетельство князя А.В. Мещерского: «Лермонтов хорошо умел говорить по-малороссийски и неподражаемо умел рассказывать малороссийские анекдоты» [9. С. 375].

Возможно, поэт знал малороссийскую речь с детства. Есть смутные сведения о том, что его бабушка Е.А. Арсеньева возила внука в детстве на Черниговщину [10. С. 12]. Лермонтовед М.И. Гиллельсон сомневался в принадлежности Лермонтову имения на Украине [11. С. 600]. Однако имеется заметка некоего А. Маркевича, опубликованная впервые в 1900 г. в «Русском архиве»: «Верстах в 7 от моего родного села Смощи находится замечательное местечко Переволочно (Полтавской губ., Прилуцкого уезда) на р. Удае. Почти при самом выезде в местечко, по Роменской дороге, расположена прекрасная усадьба, в которой дом, впрочем, построен или перестроен позднейшим владельцем и сохранился весьма старинный тенистый сад. Усадьба эта, а также известное число крестьян и десятин земли, принадлежала Арсеньевым, и я хорошо помню рассказы, что сюда наезжала некогда очень важная старая барыня, Арсеньева же, и это относится к 30–40-м годам. Весьма соблазнительно думать, что именно здесь было имение, о котором упоминает князь А.В. Мещерский, не Лермонтова, конечно, а его бабушки, которой он был единственным прямым наследником» [12. С. 369].

Знание языка и культуры Украины углубили чтение и общение с деятелями украинской культуры в Москве и в Петербурге. Среди преподавателей Лермонтова в Московском университете был известный украинский фольклорист, историк и естествоиспытатель М.А. Максимович (1804–1873), который читал в университетском пансионе курс естественной истории. Его лекции о мире растений были насыщены поэтическими сравнениями, экскурсами в недра российской и украинской словесности, обильными ссылками на произведения народного творчества. Украинский литературовед И.Я. Заславский полагал, что студент Лермонтов, «жадный до новых книг и журналов, [...] знал “Малороссийские песни”, выпущенные его университетским преподавателем в 1827 году (новый сборник – 1834),

возможно, обращал внимание также на публикации украинских народных песен в периодических изданиях» [10. С. 13].

Особой доверительностью отличались отношения Максимовича с Н.В. Гоголем. Их связывало чувство любви к родной Малороссии, интерес к ее старине и народной поэзии. От Максимовича Гоголь мог впервые услышать о талантливом поэте. Но первый раз Лермонтов и Гоголь встретились в доме М.П. Погодина 9 июля 1840 г., когда поэт был проездом в Москве на пути во вторую ссылку на Кавказ. С.Т. Аксаков вспоминал, что «Лермонтов читал наизусть Гоголю и другим, кто тут случился, отрывок из новой своей поэмы “Мцыри”, и читал, говорят, прекрасно» [13. С. 317].

На следующий день Гоголь и Лермонтов встретились у Е.А. Свербеевой. А.И. Тургенев оставил об этой встрече запись: «Лермонтов и Гоголь. До 2 часов» [14. С. 376]. Почему два писателя засиделись так поздно? Ни Гоголь, ни Лермонтов не упоминают о той ночи ни словом. Константин Георгиевич Паустовский в повести «Разливы рек» предположил, что речь шла, в том числе, и о родной для Гоголя Украине – Лермонтов прочитал автору «Вечеров на хуторе близ Диканьки» свое посвящение княгине Щербатовой [15. С. 7]: «На светские цепи, / На блеск утомительный бала / Цветущие степи / Украйны она променяла».

Однако принять художественную версию Паустовского мешает мрачный тон, каким Гоголь оценил поэтическое наследие Лермонтова в книге «Выбранные места из переписки с друзьями». Гоголь написал в 1847 г.: «Попадши с самого начала в круг того общества, которое справедливо можно было назвать временным и переходным, которое, как бедное растение, сорвавшееся с родной почвы, осуждено было безрадостно носиться по степям, слыша само, что не прирасти ему ни к какой другой почве и его жребий – завянуть и пропасть, – он уже с ранних пор стал выражать то раздражающее сердце равнодушие ко всему, которое не слышалось еще ни у одного из наших поэтов. Безрадостные встречи, беспечальные расставанья, странные, бессмысленные любовные узы, неизвестно зачем заключаемые и неизвестно зачем разрываемые, стали предметом стихов его [...]. Может быть, [...] отделался бы он [...] от безотрадного своего состояния (приметы тому уже сияют в стихотвореньях “Ангел”, “Молитва”, и некоторых других), если бы только сохранилось в нем самом побольше уваженья и любви к своему таланту». Гораздо выше Гоголь оценивал «Героя нашего времени»: «В его сочинениях прозаических гораздо больше достоинства. Никто еще не писал у нас такой правильной, прекрасной и благоуханной прозой. Тут видно больше углубленья в действительность жизни – готовился будущий великий живописец русского быта» [16. С. 163].

Представляется, что если опальный поручик действительно прочитал свое послание Щербатовой Гоголю, вряд ли приговор писателя, создавшего поэтический образ Малороссии в русской литературе, оказался столь беспощаден по отношению к Лермонтову-поэту. Это произведение высочайшего художественного достоинства, в котором сердечное расположение поэта к адресату сочетается с неподдельной симпатией к родине Марии Щербатовой, урожденной Штерич: «И следуя строго/ Печальной отчизны примеру, / В надежде на бога / Хранит она детскую веру; / Как племя родное, / У чуждых опоры не просит / И в гордом покое / Насмешку и зло переносит; / От дерзкого взора / В ней страсти не вспыхнут пожаром, / Полюбит не скоро, / Зато не разлюбит уж даром».

Лермонтов сравнил любимую женщину с Украиной и нашел во внешнем и внутреннем облике княгини отпечаток ее родины, черты «племени родного». Связь с украинскими «цветущими степями» и судьбой украинского народа слышит, согласно концепции стихотворения, обоснованием высоких качеств героини, противопоставленных «ледяному» и «беспощадному» петербургскому свету [10. С. 13]: «Но юга родного / На ней сохранилась примета / Среди ледяного, / Среди беспощадного света. / Как ночи Украйны, / В мерцании звезд незакатных, / Ис-

полнены тайны / Слова ее уст ароматных; / Прозрачны и сини, Как небо тех стран, /
ее глазки; / Как ветер пустыни, / И нежат и жгут ее ласки.

Украинский литературовед И.Я. Заславский писал: «Называя “отчизну” Щербатовой “печальной”, поэт, очевидно, имел в виду судьбу украинского населения под властью царского правительства и помещиков-рабовладельцев. (Вспомним в данной связи “дрожащие огни печальных деревень” из “Родины”. Авторская тональность, отношение поэта к русскому крестьянину в этом стихотворении совершенно очевидны и несомненны. “Родина” отдалена от стихов, посвященных Щербатовой, небольшим промежутком времени)» [10. С. 16]. В другом месте Заславский приводит мнение И.Л. Андроникова, высказанное ему в личной беседе: возможно, определение «печальная отчизна» в послании к М.А. Щербатовой «больше связано с историческим прошлым ее родины (нападения татар и турок, гнет со стороны польской шляхты и т.п.)» [10. С. 19].

Рискну предположить, что «печаль» лермонтовской Украины носит отнюдь не классовый и не политический характер. В лермонтовской «Родине», на которую в качестве аргумента указывает Заславский, нет и намек на угнетенность крестьян. Деревня у Лермонтова, справедливо считает А.М. Марченко, вовсе не выглядит убогой, поэт как раз подчеркивает в ее бытовом укладе черты, явно противоположные пушкинской «Родине»: полное гумно, окно с резными ставнями. Да и время дня другое: у Пушкина «серенький день», у Лермонтова – «росистый вечер», т.е. самое выгодное для деревенского ландшафта освещение. В отличие от автора «Евгения Онегина», Лермонтов вносит в картину деревни элемент праздника [17. С. 238]. Этот праздник начинается еще до въезда в деревню – с четы белеющих берез, которые напоминают, что скоро страда закончится и наступит время крестьянских свадеб. У Пушкина пьяные мужики пляшут возле кабака. У Лермонтова хмельные мужички не участвуют в пляске, «он отодвинул их в сторону, чтобы не мешали, не портили ни песни, ни пляски: топанье и свист» остаются в плясовом кругу, усиливая впечатление «вольницы», а пьяный говор выносится за его черту» [17. С. 238]: «С отрадой, многим незнакомой, / Я вижу полное гумно, / Избу, покрытую соломой, / С резными ставнями окно; / И в праздник, вечером росистым, / Смотреть до полночи готов / На пляску с топаньем и свистом / Под говор пьяных мужичков».

«Печальная отчизна» Щербатовой того же рода: поэт собирает в одной картине все, что заставляет любить Украину «странною любовью»: таинственность слова, детскую веру в Бога, «гордый покой» перед «чуждыми» (интересно, что в первом варианте было «у мира опоры не просит» [10. С. 17]). Вряд ли Лермонтов отделяет здесь украинское крестьянство от российского. Сохранилось свидетельство князя Мещерского о мнении Лермонтова относительно обсуждаемой тогда среди русских помещиков проблемы так называемого интенсивного хозяйства. Свою позицию поэт основывал на личном опыте по управлению имением в Малороссии. «Как-то раз, – писал А.В. Мещерский, – была серьезная беседа об интенсивном хозяйстве [...] Лермонтов, который питал полное недоверие и обнаруживал даже некоторое пренебрежение к сельскому хозяйству, называя его ковырянием земли, сказал нам при этом, что он сам недавно был в своем маленьком имении в Малороссии, откуда не получалось никакого дохода. Его долготерпение наконец истошилось, и он поехал туда, чтобы лично убедиться в бездоходности имения. “Приезжаю, – говорил Лермонтов, – в деревню, призываю к себе хохла-приказчика, спрашиваю, отчего нет никакого дохода? Он говорит, что урожай был плохой, что пшеницу червь испортил, а гречиху солнце спалило. Ну, я спрашиваю, а скотина что? – Скотина, – говорит приказчик, – ничего, благополучно. – Ну, – я спрашиваю, куда же молоко девали? – На масло били, – отвечает он. А масло куда девали? – Продавали, – говорит. А деньги куда девали? – Соль, – говорит, – куповали. – А соль куда девали? – Масло солили. – Ну, а масло куда девали? –

Продавали. – Ну, а деньги где? – Соль куповали!... И так далее, и так далее. Не истинный ли это прототип всех наших русских хозяйств”, – сказал Лермонтов и прибавил: – “Вот вам при этих условиях не угодно ли завести интенсивное хозяйство!”» [9. С. 374–375].

В беседе с товарищами Лермонтов выделял среди характерных черт малороссийских крестьян их «леность и невозмутимость». Особенно доставалось денщику поэта, малороссу Сердюку, на которого барин переносил обобщенный образ народа [9. С. 375–377]. Вряд ли при таком отношении Лермонтова-помещика к крепостным в его малороссийском имении в послании Щербатовой мог быть сделан акцент на тяготы украинского народа под гнетом царского правительства. Взгляд поэта на освободительное движение поляков в раннем стихотворении «Опять, народные витии...» отчасти касается и украинского вопроса, на который молодой корнет лейб-гвардии гусарского полка смотрел как на бесперспективную борьбу «за дело падшее Литвы».

В альбомном послании Щербатовой много личного, желания скорее польстить княгине сравнением с образом ее родины. Лермонтовед Э.Э. Найдич высказал предположение, что послание М.А. Щербатовой навеяно стихотворением украинского поэта Е.П. Гребенки (1812–1848) «Признание». Это произведение было напечатано в том же томе «Отечественных записок», где опубликованы первоначальный вариант повести Лермонтова «Бэла» и его стихотворение «Поэт». Гребенка прямо сравнивал свою родину с женщиной [18]: «Глаза ее смотрят небесной эмалью, / И зелень одежды в рубинах горит, / И поясом синим, как сизою сталью, / Красавицы стан перевит. / Как золото, светлостелющейся волною / Роскошные кудри на плечи бегут; / Уста ее тихой вечерней порою / Унылую песню поют. / И эта чудесная дева – не тайна. / Я высказать душу готов. / Красавица эта – родная Украина! / Ей все – моя песнь и любовь». Заимствовав отдельные образы у Гребенки, Лермонтов решал иную художественную задачу, глубоко личного, а не патриотического, как у украинского поэта, характера. Поэтому он «перевернул» сравнение, сравнил влюбленную в него женщину с ее родной Украиной [18. С. 403].

Мария Алексеевна родилась в семье полтавского помещика А.П. Штерича. В 1837 г. 17-летнюю Марию выдали замуж за князя А.М. Щербатова, оказавшегося человеком грубым и жестоким. Спустя год она овдовела, оставшись с малолетним сыном. Ее чувство к поэту сильно и глубоко – она была готова с ним, как с его «Демоном», «опуститься на дно морское и подняться под облака» [19. С. 93].

Перед гибелью Лермонтов говорил М.П. Глебову о том, что выработал план двух романов: «Одного из времен смертельного боя двух великих наций, с завязкою в Петербурге, действиями в сердце России и под Парижем и развязкою в Вене, и другого из кавказской жизни, с Тифлисом при Ермолове, его диктатурой и кровавым усмирением Кавказа, персидской войной и катастрофой, среди которой погиб Грибоедов в Тегеране» [20. С. 534]. Для задуманной эпопеи необходимо было знание высшего света и психологии российской элиты. Лермонтов сообщил М.А. Лопухиной в 1839 г.: «Обретенный мной опыт полезен в том отношении, что дает мне оружие против общества [...], нигде ведь нет столько пошлого и смешного, как там» [12. С. 315]. Чтобы набрать впечатлений для своего замысла, поэт превратил собственную светскую жизнь в опытный театр. Даже возникшее во второй половине 1839 г. увлечение княгиней Щербатовой было, по-видимому, первоначально подчинено изучению им «энциклопедии петербургской жизни», если перефразировать оценку Белинским пушкинского «Евгения Онегина». Кажется, что поэт опытным путем пытался проверить в петербургских гостиных историю княжны Мери. А.П. Шагин-Гирей вспоминал: «Зимой 1839 года Лермонтов был сильно заинтересован кн. Щербатовой (к ней относится пьеса “На светские цепи”). Мне ни разу не случалось ее видеть, знаю только, что она была молодая вдова, а от него слышал, что такая, что ни в сказке сказать, ни пером

написать. То же самое, как видно из последующего, думал про нее и г. де Барант, сын тогдашнего французского посланника в Петербурге. Немножко слишком явное предпочтение, оказанное на бале счастливому сопернику, взорвало Баранта» [21. С. 48].

Изучение поэтом психологии света закончилось трагично, прежде всего, для Щербатовой. Вынужденная спасаться от сплетен, возникших вокруг дуэли, княгиня уехала в Москву. «А между тем ее ребенок, оставшийся здесь у бабки, умер, – отметил 21 марта 1840 г. М.А. Корф, – что, вероятно, охладит многих из претендентов на ее руку, ибо у нее ничего нет и все состояние было мужнее, перешедшее к сыну, со смертью которого опять возвращается в род отца» [22. С. 298]. 10 мая 1840 г. А.И. Тургенев записал в дневнике: «Был у кн. Щербатовой. Сквозь слезы смеется. Любит Лермонтова» [14. С. 376]. А.М. Марченко видел в поведении княгини Щербатовой реакцию сильной и простой души на непонятное поведение Лермонтова. Он настойчиво добивался ее любви, открыто ездил к ней в дом, посвятил ей полные серьезного чувства стихи, наконец, стрелялся из-за нее. А теперь, когда она в таком отчаянье, избегает ее: «было от чего потеряться и более опытной и искушенной женщине» [17. С. 289].

Другим драматическим последствием лермонтовского «эксперимента» стало осознание поэтом истины: он не сможет, как и его Печорин, ступить на путь, где его ожидают «тихие радости и спокойствие душевное». Е.А. Сушкова рассказывала М.И. Семевскому: «Будучи женихом Щербатовой, и в то же время избегая брака, – Лермонтов на коленах умолял свою бабушку Арсеньеву не позволять ему жениться» [12. С. 325]. Положение осложнялось тем, что Мария Щербатова, в отличие от княжны Мери, была набожна и проста, вести с ней двойную светскую игру подобно своему Печорину Лермонтов не мог. «В этих условиях, – писал А.М. Марченко, – дуэль с де Барантом оказывалась идеальным выходом из затруднительного положения. Тем, что стрелялся из-за нее, Лермонтов подтверждал в глазах светских знакомых истинность своего чувства к ней и как бы отводил от милой ему женщины «молвы коварное гоненье». Зато последовавшее за дуэлью наказание (и новый арест, и новая ссылка) избавляло от каких-либо решительных действий в подтверждении серьезности своих намерений» [17. С. 291].

Но это оправдывало Михаила Юрьевича лишь в глазах света. Сам себя он судил другим судом. В стихотворении «Тучи», размышляя о причинах своего изгнания из Петербурга, Лермонтов писал: «Кто же вас гонит: судьбы ли решение? / Зависть ли тайная? Злоба ль открытая? / Или на вас тяготит преступление? / Или друзей клевета ядовитая?».

Клевета, открытая злоба и тайная зависть оказали влияние на решение судьбы поэта. Но совершенное «преступление» он относил на свой счет, казнил себя беспощадно в мыслях и стихах...

Как видим, украинская тема у Лермонтова, как и вся его судьба и литературное наследие, содержит немало тайн. Но несомненны два обстоятельства. Во-первых, его редкие обращения к малороссийским сюжетам и образам были подчинены, прежде всего, важнейшим художественным задачам, которые он решал как глубоко самобытный, не укладывающийся ни в какие национальные стереотипы поэт. Опытным полем при этом был собственный, трагически завершившийся жизненный и творческий путь. Во-вторых, даже скромный набор украинских экскурсов произведений М.Ю. Лермонтова, свидетельств личного общения с уроженцами малороссийских губерний говорит о том, насколько неразделимы в мировоззрении поэта были судьбы двух славянских народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Виноградов А.В.* Лермонтовская Кубань (историко-литературные этюды). Армавир, 1997.
2. *Захаров В.А.* Кто был Янко? (О прототипах героев М.Ю. Лермонтова) // Сборник Русского исторического общества. М., 1999. Т 1.
3. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею (АКАК). Тифлис, 1881. Т. VIII. № 741.
4. *Филлипсон Г.И.* Воспоминания. М., 1885.
5. *Матвеев О.В.* Поляки в укреплениях Черноморской береговой линии в 30-е–50-е годы XIX века: история повседневности // Кубанский сборник. Краснодар, 2008. Т. III (24).
6. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 260. Оп. 1. Д. 1026.
7. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 405. Оп. 6. Д. 4910.
8. *Ткаченко Д.С., Колосовская Т.А.* «Мы на Кавказе воевали не для того, чтобы разбить неприятеля и уйти...» Социокультурная деятельность Кавказской армии (по воспоминаниям и исследованиям современников). Ставрополь, 2011.
9. *Мещерский А.В.* Из моей старины. Воспоминания (отрывки) // Лермонтов М.Ю. в воспоминаниях современников. М., 1989.
10. *Заславский И.Я.* М.Ю. Лермонтов и украинская поэзия. Киев, 1977.
11. Комментарии // Лермонтов М.Ю. в воспоминаниях современников. М., 1989.
12. *Щеголев П.Е.* Лермонтов: Воспоминания, письма, дневники... М., 1999.
13. *Аксаков С.Т.* Из «Истории моего знакомства с Гоголем» // Лермонтов М.Ю. в воспоминаниях современников. М., 1989.
14. *Захаров В.А.* Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. М., 2003.
15. *Паустовский К.Г.* Разливы рек. М., 1973.
16. *Гоголь Н.В.* Избранные места из переписки с друзьями. СПб., 1847.
17. *Марченко А.М.* С подорожной по казенной надобности: Лермонтов. Роман в документах и письмах. М., 1984.
18. *Найдич Э.Э.* Стихотворение «М.А. Щербатовой» (Лермонтов и Е.П. Гребенка) // М.Ю. Лермонтов. Исследования и материалы. Л., 1979.
19. *Герасименко А.А.* Музы вдохновенья. М.; Пятигорск, 2007.
20. Примечания к воспоминаниям А.М. Меринского // Лермонтов М.Ю. в воспоминаниях современников. М., 1989.
21. *Шан-Гирей А.П.* М.Ю. Лермонтов // Лермонтов М.Ю. в воспоминаниях современников. М., 1989.
22. *Корф М.А.* Из дневника // Лермонтов М.Ю. в воспоминаниях современников. М., 1989.

© 2015 г. Р.Р. СУБАЕВ

РОМАН ДЖ. БАКЕНА «ЗЕЛЕНАЯ МАНТИЯ» КАК «ИСТОЧНИК» ПО ИСТОРИИ МЛАДОТУРОК

В статье рассматриваются замысел и разработка сюжета романа Дж. Бакена «Зеленая мантия», реализованные на основе информации, доступной ему как сотруднику Бюро военной пропаганды и офицеру британской разведки. Особый упор делается на характеристику младотурецкого режима, позже нашедшую курьезное отражение в историографии в результате ошибок Интеллидженс сервис.

The article considers the idea and subject of the novel by John Buchan «Greenmantle» based on the information available to him as a Military Propaganda Bureau and the British Intelligence Service officer. A special emphasis is put on the description of the Young-Turk regime, which later got curious reflections in the historiography due to some mistakes of the Intelligence Service.

Ключевые слова: Дж. Бакен «Зеленая мантия», младотурки, джихад, Энвер паша, Ганс Хуман, Мария Сарре.

Keywords: «Greenmantle» by John Buchan, The Young Turks, jihad, Enver pasha, Hans Humann, Maria Sarre.

Настоящая статья посвящена анализу некоторых историко-политических и культурно-семиотических корней романа известного, и во многом даже культового, английского писателя Джона Бакена «Зеленая мантия», вышедшего первым изданием в 1916 г.

К началу Первой мировой войны Дж. Бакен был популярным автором шпионских детективов, «триллеров» новой эпохи, в которых, в отличие от «готического романа», напряжение читателя поддерживается не внешним антуражем: замками, подземельями, привидениями, а сложной, подчас отчаянной психологической ситуацией, в которую попадают герои романа и усилиями, которые они прикладывают, чтобы из нее выбраться. Самым известным из них был роман «39 ступеней», вышедший в 1915 г. Его действие происходит в самый канун войны. В романе сквозной герой многих романов Бакена – Ричард Ханней, бывший горный инженер, вернувшийся домой из Южной Африки, вступает в отчаянную схватку с германскими агентами, которые действуют в Англии как у себя дома, и, конечно, одерживает победу. В военное время, теперь уже майор Ханней становится главным героем следующего романа Бакена «Зеленая мантия», куда вместе с ним из «39 ступеней» перекочевал и эпизодический персонаж, шеф британской разведки сэр Уолтер...

Субаев Рашид Рашатович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект 15-01-00145 а.

Роман «Зеленая мантия», наряду с 24 выпусками хроники событий Мировой войны, издаваемой по горячим следам событий издательским домом Нельсона, являются двумя основными произведениями Бакена об этой войне. Но если Нельсоновская история войны давно признана откровенно пропагандистской продукцией и представляет сегодня интерес только для специалистов в этой области [1. Vol. 28. № 3. P. 533–551; 2. P. 93, 94, 100; 3.], то роман «Зеленая мантия» надолго «зацепил» историографию не только Первой мировой войны, но и младотурецкого движения. С этого увлекательного романа в нее вошло несколько мифов, которые не скоро и не просто, но все же были изжиты в западной историографии (в отличие от мифов, до конца так и не искорененных в российской): 1) о непонятном, «мутном» этническом происхождении лидеров младотурок¹ и их «еретизме» в отношении ислама; 2) об их германизме и о полном контроле и манипулировании ими германской дипломатией; 3) о роли и месте «джихада» в планах германской дипломатии при вступлении Турции в войну. Но каким образом вообще могли подобные исторические мифы попасть в художественное произведение? Все дело в личности и в послужном списке автора романа.

Выпускник Оксфорда, где его друзьями были сыновья аристократов и министров, Бакен еще студентом познал славу писателя, издав несколько романов и поэм и будучи избран президентом Оксфордского союза, студенческого дискуссионного общества, в котором традиционно оттачивает полемическое мастерство будущая элита страны.

В годы Англо-бурской войны 1899–1902 гг. Бакен был личным секретарем лорда Милнера, губернатора Капской колонии и верховного комисара Южно-Африканского союза. Южноафриканские впечатления отразились в сюжетах нескольких его романов, включая «Зеленую мантию», а дружба с лордом Милнером поспособствовала его будущей карьере. Вернувшись в Англию, Бакен стал совладельцем издательского дома «Томас Нельсон и сын» и редактором влиятельного журнала «The Spectator». С началом Первой мировой войны Бакен, непригодный по состоянию здоровья к военной службе (он страдал язвой желудка)², со всей энергией отдался политической и военной пропаганде.

В начале войны по инициативе Д. Ллойд Джорджа, узнавшего о существовании у немцев подобного учреждения, под эгидой Форин офис в Англии было создано Бюро военной пропаганды. Уже 2 сентября 1914 г. руководитель бюро Ч. Мастерман собрал в Веллингтон-хаусе, где располагалось и как неофициально поначалу и называлось бюро, двадцать пять видных английских писателей и предложил им в нем работать. Среди приглашенных были Г. Уэллс, Дж. Голсуорси, А. Конан Дойль, Т. Харди. Все они кроме Томаса Харди приняли предложение правительства.

Основной задачей писателей было написание политических памфлетов; искусство, имеющее давние корни в Англии со времен Д. Свифта и Э. Бёрка. Но у Мастермана была еще идея выпускать хронику военных событий на регулярной основе. Эту задачу взял на себя Бакен.

В соответствии с ней (и его связями) Бакен был зачислен в состав службы военной разведки (*Intelligence Corps*) в звании второго лейтенанта. К концу войны он дослужился до полковника. Корпус военной разведки, в который входили только офицеры, находился во Франции. Бакен, прикомандированный к штабу генерала Хэйга, писал речи и составлял коммюнике. Получаемые им сведения послужили

¹ Строго говоря, первым эту мысль высказал французский историк и журналист В. Берар, но впечатление, произведенное в данном вопросе на историографию Дж. Бакеном, было несравненно сильнее. [4. P. 284].

² В романе «Зеленая мантия» Бакен наделяет своим недугом одного из героев – американца Бленкирона.

основой для написания «Истории войны», первый том которой вышел в феврале 1915 г. в его с Нельсоном общем издательстве. «Пропаганда редко когда была так популярна или прибыльна для писателя, – пишет современный критик. – Отчет Бакена о Битве на Сомме, вышедший всего через несколько месяцев после сражения, хорошо продавался» [3]. Бакен, действительно, был весьма плодовитый и работоспособный автор. За время нахождения во Франции помимо «Истории войны» он написал два своих самых известных романа: «39 ступеней» и «Зеленая мантия» и отсылал военные корреспонденции в «The Times». Следует, однако, признать, что его труды основывались на информации, щедро предоставляемой военным министерством и Форин офис. Недостатка в материалах для написания своего шпионского триллера во время работы в структурах разведки и пропаганды Бакен не испытывал.

Карьера Бакена пошла вверх, когда Ллойд Джордж, сформировав в декабре 1916 г. коалиционное «национальное» правительство, включил бывшего патрона Бакена лорда Милнера в состав своего «военного кабинета» из пяти членов. Милнер, помня о талантах своего секретаря, добился назначения Бакена главой Департамента информации МИД, в который теперь было преобразовано Бюро военной пропаганды. Так Бакен стал одним из руководителей британской разведки. Прежний шеф бюро Мастерман отвечал за вопросы печати и книгоиздательства.

Бакен занимал свой пост с февраля 1917 г. по январь 1918 г., когда, ввиду важности проблемы, в составе кабинета было создано новое Министерство информации во главе с лордом Бивербруком. В нем Бакен занял пост директора разведывательного департамента, а Мастерман – издательского. Долгая карьера Бакена завершилась назначением его в 1935 г. на пост генерал-губернатора Канады, в преддверии чего ему было пожаловано наследственное пэрство³. Он сделался бароном Твидсмиром графства Оксфорд. Несмотря на возражения оппозиции, считавшей, что генерал-губернатору следует быть членом палаты общин, сам король Георг V настоял, чтобы его особу в Канаде представлял лорд...

По сюжету романа «Зеленая мантия» майор Ханней и его коллеги отправляются с секретным заданием в Константинополь раскрыть планы подготовки джихада. Среди них выделяется капитан Санди Арбутнот, выпускник Оксфорда, аристократ и эстет, востоковед и знаток восточных языков, который по ходу романа внедряется в ряды ордена дервишей и оттуда оказывает помощь своим друзьям, Ханнею и Бленкирону, в выполнении задания Интеллидженс сервис по срыву планов германской разведки.

Политический фон романа – Турция под властью младотурок. Отношение к ним самое негативное. Лидеры младотурок называются салоникскими евреями и/или масонами (вероятно, Бакен выдвинул здесь одну из самых ранних версий «жидомасонского заговора»!). Мотивом британской пропаганды было стремление скомпрометировать именно турецкое происхождение младотурок и их приверженность исламу для того, чтобы вбить клин между ними и арабами, которые все более становились объектом империалистских планов Англии и Франции. Внушить арабам убежденность, что их хозяева младотурки – не только не турки, но даже и не мусульмане вообще (в лучшем случае, «дёнме»⁴), расколоть единый исламский фронт Османской империи, противопоставив турок арабам, и предвосхитив самое возможное ведение «джихада» в колониальных владениях Антанты – таковы были цели британской пропаганды.

«Вы малый с головой и Вы спросите себя, как польский авантюрист, я имею в виду Энвера, и сборище евреев и цыган смогло подчинить себе гордую расу», –

³ Весьма редкий случай в политической традиции Англии. Обычно не титулованным деятелям, как например М. Тэтчер, жалуются пожизненное пэрство (*life peerage*).

⁴ Сефардские евреи, изгнанные из Испании в XV в. и принявшие ислам по политическим и экономическим соображениям, но втайне продолжавшие исповедовать иудаизм. Жили в Салониках.

инструктирует в завязке романа сэр Уолтер майора Ханнея. Отметим, что вплоть до конца 1950-х годов этой концепции младотурецкого движения, основанной на мифотворчестве, в полной мере отдали дань многие историки, включая таких авторитетов как А. Тойнби, Р. Сетон-Ватсон, Э. Форстер и Д. Дейкин.

По горячим следам событий, на незатихшей еще волне антантовской пропаганды будущий великий историк А. Тойнби обличал турецкого националиста Текина Альпа: «Текин Альп, как и большинство турецких публицистов и политиков после 1908 г., является македонцем [...] и, как и другие “младотурки”, – евреем (“Текин Альп” – это псевдоним)» [5. Р. 30]⁵. Но не исключено, что версия Тойнби восходит не к роману Бакена, так как у них обоих были общие источники информации: Тойнби также работал в Бюро военной пропаганды.

Маститый английский балканист межвоенного периода Р. Сетон-Ватсон в фундаментальной работе давал такую оценку младотурок: «Главная особенность комитета “Единение и прогресс” – это его в принципе нетурецкая и неисламская природа. С самого начала движения едва ли хоть один из его подлинных вождей был чистокровным турком. Энвер является сыном польского ренегата. Джавид принадлежит к странной секте Дёнме. Карассо – сефардский еврей из Салоник. Талаат – исламизированный болгарский цыган. Ахмет Риза, один из временных руководителей движения, получеркес, полумадьяр и к тому же еще и позитивист школы Огюста Конта» [6. Р. 136].

В третьем издании книги Э. Форстера, исправленном и дополненном видным эллинистом Д. Дейкином, крупным специалистом по проблемам Македонии, говорится: «Из них (младотурок. – Р. С.) некоторые были изгнанниками, высланными из Турции за оппозицию хамидовскому режиму, но главные инициаторы были беспринципными авантюристами, многие из которых не османской крови, которые столь же вдохновлялись личными амбициями, как и патриотическими мотивами» [7. Р. 40].

Только в 1960-е годы видный английский турколог Б. Льюис подверг уничтожающей критике эту концепцию и вскрыл курьезную природу ее происхождения [8. Р. 207–208]. В частности, представление Сетон-Ватсоном Измаила Энвер-паши «сыном польского ренегата» произошло из-за смешения его (конечно не самим Сетон-Ватсоном, а британской разведкой, снабдившей Бакена и других публицистов неверной информацией) с генерал-майором Энвером Джелаледдин-пашей, который, действительно, был сыном польского эмигранта 1848 г., принявшего ислам, графа Константина Божецкого, ставшего в Турции Мустафой Джелаледдин-пашей [8. Р. 339–340]. (Кстати, генерал Энвер Джалаледдин-паша был дедом по матери выдающегося турецкого поэта XX в. Назыма Хикмета).

Но темы романа Бакена продолжали беспокоить воображение историков и позже. В 1983 г. вышла книга английской исследовательницы М. Фицгерберт «Человек, который был Зеленой мантией» [9]. Роман Бакена в связи с вступлением Турции в Первую мировую войну и планами объявить «джихад» упоминает и авторитетный турецкий историк К. Карпат [10. S. 13–14].

М. Фицгерберт – внучка О. Герберта, видного британского ученого-востоковеда и дипломата, принимавшего активное участие в специальных операциях на Ближнем Востоке во время Первой мировой войны⁶. Вероятно, из чувства ирландского патриотизма она восстановила подлинное ирландское написание своей фамилии. Ее книга получила признание в научных кругах и до сих пор широко цитируется в специальных работах на данную тему. Но в главной своей цели Фицгерберт не

⁵ Тойнби справедливо полагал имя Текин Альп псевдонимом («*nom de plume*» фр.) младотурецкого идеолога и публициста Мойше Когана (Moiz Cohen). По-турецки «Текин Альп» означает «спокойный богатырь».

⁶ См. автобиографию О. Герберта: *Herbert A. Ben Kendim* (Это я – тур.). London. 1924.

преуспела. Ей не удалось доказать, что «Зеленой мантией» был ее дед, с которым Бакен был знаком по обучению в Оксфорде.

Большинство исследователей склоняется к мысли, что «Зеленой мантией» был все же не О. Герберт, а Т.Э. Лоуренс, получивший позже мировую известность под именем Лоуренса Аравийского. Миссия Лоуренса в Восточной Анатолии заключалась в содействии русским во взятии главной турецкой крепости Эрзурума (Эрзерум) путем установления контактов с офицерами-арабами турецкой армии родом из Сирии и Месопотамии. Арабская оппозиция туркам зашла так далеко, что Лоуренс смог получить от них информацию, что важный пункт обороны, форт Кара-Гюбек, остался неукрепленным. Эти сведения были переданы им в штаб русского Кавказского фронта, и хотя в планы великого князя Николая Николаевича не входил штурм Эрзурума, они повлияли на их изменение. Русские опасались, что после переброски сюда турецких войск, высвободившихся после разгрома союзников в Галлиполи, они уже не сумеют овладеть крепостью и вынуждены были поспешить. А англичанам, в свою очередь, было важно, чтобы турецкие силы были переброшены именно на Кавказский фронт, а не против них на Синайский. Эта операция была выполнена Лоуренсом за полгода до наступления его звездного часа – организации Великого арабского восстания против турецкого господства на Ближнем Востоке в тылу турецко-германских войск. До сих пор эта страница его биографии так и не получила должного освещения.

Знаменитый историк и военный теоретик Б. Лиддел-Гарт в своей биографии Лоуренса утверждает, что «он был более чем причастен к «взятию» Эрзурума (*had a long-range hand in... "the capture" of Erzurum*) весной 1916 г.» – ключевому эпизоду романа, являющемуся также его финалом [11. Р. 98]⁷.

Внук Бакена, Джеймс Бакен, известный литературовед, также считает именно Лоуренса прототипом «Зеленой мантии» и тоже полагает, что Эрзурум достался русским «при крайне подозрительных (*fishy*) обстоятельствах» [13. Р. 13].

Книга советского военного историка Н. Корсуна, автора многочисленных работ на темы военных действий на Балканах и на Кавказе, – «Эрзурумская операция» способна скорее затемнить, нежели прояснить понимание событий [14. С. 54–59]. Но прилагаемая к работе карта-схема № 11 говорит о многом. Отраженная на ней обстановка и ход боевых действий однозначно показывают, что главный удар русских был нанесен силами 2-го Туркестанского корпуса на правом фланге операции, после чего корпус, овладев фортами Кара-Гюбек и Тафта, наступал по долине Западного Евфрата во фланг и тыл туркам, буквально «сворачивая» их оборону. И ключом позиции был вовсе не форт Чобан-деде на центральном участке, а именно выдвинутый вперед форт Кара-Гюбек, запиравший вход в долину Западного Евфрата.

Впрочем, кое-какие выводы и из невнятного текста книги Корсуна все же можно извлечь. Излагая приказ на штурм Эрзурума, он пишет: «Исходное положение для штурма корпусу было дополнительно приказано занять, по возможности, вплотную к Кара-гюбекской позиции и “как можно больше продвинуть вперед свой *правый* фланг” (цитата из приказа, курсив мой. – *Р.С.*), получавший при производстве данной операции решающее значение» [14. С. 55]. Но этой фразе предшествует абсурдная: «При наступлении корпус нацеливал свой *левый* фланг на форт Кара-гюбек»...

В романе же, где вымысел оправдан, героические британские агенты выкрадывают план укреплений Эрзурума из штаба германских советников турок и достав-

⁷ В недавнем русскоязычном издании книги Лиддел-Гарта нелепый перевод данной фразы полностью искажает ее смысл: «Весной 1916 года ему пришлось совершить длительное путешествие (курсив мой. – *Р.С.*) по более важному делу – “взятию” Эрзурума русской Кавказской армией после исключения явно вялой защиты его турками». Переводчик, видимо, решил, что кавычки к слову «взятию» отражают у Лиддел-Гарта вялость турецкой обороны и степень реальных усилий русских. Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман... [12. С. 295].

ляют его русским, после чего принимают личное участие в штурме города в рядах казачьей лавы.

Бакен и Лоуренс познакомились в 1916 г. и до конца жизни последнего оставались друзьями. Несомненно, им было о чем поговорить. «Являются ли разбросанные Бакеном по всему роману детали работы английской разведки результатом его военного опыта, – это то, что историкам пока не разрешено выяснить, – пишет автор предисловия к роману. [...], – Но в любом случае, в качестве майора Интеллидженс сервис он имел доступ к большому объему секретной информации»⁸. Согласно британским законам, запрет на пользование документами разведки такого рода устанавливается на сто лет, так что уже весьма скоро завеса над таинственной миссией Лоуренса Аравийского в Эрзуруме и его контактами с османскими офицерами-арабами и русским командованием может быть приоткрыта.

Бакен, безусловно, знал многое об активности германской разведки в Турции. Несомненно, он знал и о реальной деятельности капитан-лейтенанта Ганса Хумана, командира посольского корабля-стационара «Лорелей», а с 1915 г. германского военно-морского атташе в Константинополе. Высокий элегантный красавец, детство которого прошло в Смирне и Константинополе, был сыном известного археолога Карла Хумана, открывшего Пергамский алтарь, для которого в Берлине построен специальный музей. Семьи Хуманов и родителей Энвера были знакомы еще с того времени, когда Карл Хуман был железнодорожным инженером, а Энвер-бей старший – смотрителем мостов. Энвер и Ганс были друзьями детства и более того – молочными братьями. После того как некая кормилица, полунемка-полутурчанка, выкормила Ганса, она была взята в семью Энвер-бея, в которой в 1881 г. родился мальчик Измаил, будущий Энвер-паша, один из лидеров младотурецкого режима [16. Р. 119]. Как считает ведущий американский специалист в этом вопросе У. Трампенер, Ганс Хуман осуществлял координацию связей германской разведки и узкого круга руководства младотурок [17. Р. 115]. Но для анализа реальной подоплеки романа Бакена нам будет важен факт, что у Ганса Хумана была старшая сестра, которую звали Мария. В 1900 г. Мария Хуман вышла замуж за молодого, но в будущем тоже ставшего знаменитым археолога Фридриха Сарре.

Как-то случилось, что большинство биографов Бакена и критиков романа упустили из виду, что основы будущих острых сюжетных комбинаций романа уже были заложены Бакеном в третьем томе его военных хроник, вышедшем в 1915 г.

Именно в этом томе Бакен указал, что ради целей священной войны по указанию Германии, младотурками было представлено, что сам кайзер Вильгельм II обратился в ислам и что мусульманские подданные Британской империи, России и Франции готовы восстать против неверных. На текстильных фабриках Алеппо, согласно информации Бакена, шилась военная форма Индийской армии для того, чтобы показать сирийцам, что правоверные Индии на их стороне.

Здесь же содержался и пассаж, изображавший младотурок группой беспородных (*mongrel*) космополитов, не имевших никакого права руководить чистокровной турецкой расой. Энвер объявлялся наполовину поляком, Джавид – полуевреем-полуцыганом из Салоник, Кавассо (sic! Правильно, конечно, Карасу. – Р. С.) – чистокровным евреем, Талаат – болгарским цыганом, Ахмед Риза – частично венгром, частично черкесом. Далее следовала этнографическая метафора с антисемитским привкусом: «Это выглядело так, как если бы германскими армиями, вступающими в битву за тевтонскую культуру, командовали люди с фамилиями вроде Левинский или Коган» [18. Vol. 3. Р. 128].

Но сарказм Бакена в данном случае бьет мимо цели, ибо в германской армии евреи, пусть редко, но все же были представлены в генералитете. А особую пи-

⁸ См. [15. Р. VIII, XIII]. Другие известные автору издания не имеют научного введения и комментариев.

кантность ситуации придавал тот факт, что из числа крещенных евреев самой известной фигурой в 1914 г. был не кто иной, как сам глава германской военной миссии в Турции генерал Лиман фон Сандерс, которого несколькими страницами ранее Бакен характеризует как «почетного» генерал-инспектора турецкой армии и имя которого постоянно мелькает на страницах романа [19. С. 816].

Столь же заданы пропагандой нарочито негативные образы немцев, в особенности полковника фон Штумма и шпионки Хильды фон Айнем. Фон Штумм, садист и гомосексуалист, воплощает собой грубую тупость германской военщины. Образ фон Айнем сложнее. Она – абсолютное зло в неотразимо привлекательном облики. Именно она поднимает планку действия до уровня интеллектуального поединка британской и германской разведок. А Штумму Ханней просто набивает морду.

Кое-где, правда, Бакен в стремлении очернить врагов сам вступает на зыбкую почву. Гомосексуальность Штумма явно навеяна скандальными разоблачениями нравов кружка графа Эйленбурга из окружения Вильгельма II в 1906 г. и стремлением выставить немцев «не мужчинами» [20. С. 150–153]. Но подобные нравы были ничуть не менее распространены и среди английской аристократии, и Бакен как выпускник Оксфорда должен был хорошо знать как о самом факте, так и о его предпосылках: изучении классических древностей и мужском открытом бассейне при университете, получившем весьма прозрачное название «Парсонз плежер» (Удовольствие для пасторов), где по традиции купаются без купальных костюмов [21. С. 314]. Все же в финале романа Штумм погибает героически.

Но вернемся к оценке перспектив джихада в обоих произведениях. В «Истории войны» Бакен пишет: «Полагали, что исламский мир – это пороховой погреб, ожидающий искры». В романе глава британской разведки говорит майору Ханнею: «Сухой ветер дует по всему Востоку, и высохшая трава ждет искры. И этот ветер дует в сторону индийской границы».

В «Истории войны» Бакен говорит: «Они (младотурки. – *Р. С.*) изображают, что кайзер обратился в ислам, и что халиф (т.е. султан. – *Р. С.*) сейчас провозглашает джихад против неверных». В романе он усложняет игру: «Шейх-уль-ислам⁹ не имеет реального веса; и хотя кайзер провозгласил священную войну и назвал себя Хаджи Мухаммед Вильгельм, и утверждает, что Гогенцоллерны происходят от Пророка, – все это выглядит довольно примитивно» [18. Р. 125–126; 129; 15. Р. 12]¹⁰, – глава Интеллидженс сервис явно предполагает, что немецкая разведка планирует еще один, следующий ход.

В «Истории войны» Бакен просто констатирует крах надежд немцев на разжигание священной войны: «К сентябрю вся мусульманская Индия и исламские духовные лидеры Британской Африки однозначно были на стороне союзников[...], а сорок тысяч арабов сражались за Францию на Западном фронте. Ислам сделал свой выбор еще до того как Энвер послал своих комиссаров закупать индийское хаки в Алеппо и сообщил сирийцам, что самый христианский император стал последователем пророка» [18. Р. 129]. Но в романе, где показана «большая игра» разведок, логика интриги требует, чтобы немцы сделали свой «сильный ход», а англичане бы его отразили. И этот ход – некий имам, являющийся прямым потомком Пророка, вычисленный немецкой разведкой и подготовленный ею к исполнению великой миссии. Именно ему, «Человеку в зеленой мантии», надлежит зажечь пламя джихада.

Кстати, упоминающий роман Бакена в статье К. Карпат считает, что именно англичане, пытаясь оспорить права Османского дома, т.е. турок, на управление

⁹ Духовный руководитель мусульман в Османской империи.

¹⁰ Примечательно, что этот, и правда, примитивный прием «исламизации» Вильгельма II был использован и русской военной пропагандой: «Немцы внушают мусульманам империи, что их император *Хаджи-Мухамед-Вильгельм* сам уже стал добрым мусульманином» [22. С. 65].

халифатом (т.е. расколоть «султанат» – турок и «халифат» – арабов. – *Р. С.*), заигрывали с этой целью с эмиром Мекки, якобы ведущим свое происхождение от пророка [10. Р. 13–14]. Борьба за ислам велась обеими сторонами, и для нас интересно зеркальное отражение коллизии романа в оценке Карпата.

Сам ли Бакен придумал «сильный ход», или доступная ему информация навела его на эту мысль? Я склонен полагать второе, хотя и отношу себя к поклонникам таланта и литературного творчества Бакена. К тому же, из своих источников Бакен вполне мог быть проинформирован о любопытных обстоятельствах, сопутствующих объявлению джихада в Стамбуле 11 ноября 1914 г.

Правительство объявило этот день праздничным и организовало торжественное шествие, возглавляемое шейхом-уль-ислам. В духе традиции в процессии должны были принимать участие актеры, изображающие близких родственников пророка Мухаммеда. Но как раз с этим и возникли проблемы. Никто из женщин «из общества» не пожелал исполнять роли жены пророка и ее служанки, и городскому префекту пришлось нанять для этой цели двух рыночных торговок с Галатского моста за скромную плату [23. Р. 289]. Не подтолкнул ли этот курьезный факт, говорящий о неприятии в Турции всерьез идеи джихада, творческую фантазию автора на разработку темы «потомка пророка»? Или она все же была дальнейшим развитием достаточно грубого пропагандистского приема с извращенной псевдогенеалогией Гогенцоллернов?

К тому моменту, когда Бакен приступил к своему роману, он не мог также не знать, кто является главными игроками в «большой игре» с обеих сторон. Ими были Ганс Хуман и Томас Эдуард Лоуренс. Но говорить об обоих открыто в 1916 г., разумеется, было невозможно. И Бакен прячет их лица под масками. Попробуем заглянуть под них. Начнем с Хумана.

Бакен подменяет брата сестрой! Это предположение – смелое, и единственное, не опирающееся на источники, автор статьи все же рискует высказать, будучи сам увлечен мастерски закрученной интригой романа. По моему мнению, роковая красавица Хильда фон Айнем, «дама в мантилье», резидент германской разведки в Константинополе, – не кто иная, как двуликое воплощение брата и сестры Хуманов, Ганса и Марии.

В романе о Хильде фон Айнем говорится, что она «дочь и вдова археолога». В этом может быть скрыт ключ к разгадке. Мария Сарре была дочерью Карла Хумана и, правда, не вдовой, а женой (но для романа молодая вдова гораздо романтичнее) Фридриха Сарре. Ф. Сарре изучал исламские древности сельджукской эпохи. В 1915 г. он был направлен со специальным заданием в район Тигра и Евфрата, где ранее вел раскопки. Позже Сарре выполнял обязанности офицера связи и квазиконсула при марионеточном правительстве принца Салара-эд-Дауле, созданном немцами в северо-западной Персии. После его падения служил в германских миссиях связи в Багдаде и Константинополе [24. Р. 267. Note 33; 25. S. 212]. Совпадения есть, и немало, но достаточно ли их для однозначного вывода?

Есть еще один аргумент, деликатный, но за давностью лет, простительный. Мария Сарре оставила этот мир в 1970 г. в возрасте 95 лет. Историками не раз выдвигалось предположение, что у нее и Энвера был роман. Энвер был горячий приверженец идеи священной войны со странами Антанты и в годы войны, и после нее. Хильда фон Айнем, экзальтированная до крайности, мечтала въехать на волне джихада в Иерусалим на белом коне, «стремя к стремени» с новым пророком, которым после смерти Зеленой мантии она хотела сделать своего любовника-дервиша, оказывающегося в финале романа к ее ужасу офицером британской разведки... Одержимость Энвера-паши идеей джихада еще более фокусирует личности трех реальных персонажей: Марии Сарре, Ганса Хумана и Измаила Энвера вокруг вымышленного образа Хильды фон Айнем.

Но знал ли Бакен об отношениях Энвера и Марии Сарре? Были ли эти отношения в действительности? Письма Энвера, большая часть которых адресована Марии, были опубликованы германским бюро пропаганды в 1918 г. с большими купюрами. Только после выхода в 1989 г. их полной переписки, опубликованной турецким исследователем Ш. Ханиоглу, историки выдвинули подобное предположение [26]. И какова же должна была быть роль Фридриха Сарре, который, если в ходе войны, возможно, и исполнял поручения не «друга дома» Энвера, а шурина – Ганса Хумана, то после нее оказывал активное содействие все же именно Энверу в его политических комбинациях?

Что касается Лоуренса как прототипа Зеленой мантии, т.е. Санди Арбутнота, загадочного и неуловимого искателя приключений, то его шансы, конечно, выше, чем у Герберга при всем уважении к родственным чувствам М. Фицгерберт.

В реальной жизни в Иерусалим въехала не Хильда фон Айнем с мнимым потомком пророка, а вступила кавалерия британского генерала Э. Алленби, палестинская кампания 1918 г. которого получила в истории название «последнего Крестового похода». Крест на время снова победил полумесяц, хотя в идейном контексте Первой мировой войны религиозный конфликт едва ли был сколь-нибудь выражен даже на Ближнем Востоке. Тем любопытнее, что Бакен, как это часто случается с действительно талантливыми писателями, предвосхитил реальное действие, сумев «заглянуть за занавес».

Еще 4 августа 1914 г., когда истек срок английского ультиматума, и Англия объявила Германии войну, впавший в транс Вильгельм II истерически написал на полях депеши: «Мы прямехонько попались в ловушку [...] в трогательной надежде успокоить этим Англию!!! Все мои мольбы, все предостережения остались гласом вопиющего в пустыне. Теперь Англия нас отблагодарит за них [...]. Наши консулы и агенты в Турции и Индии должны возбудить восстание всего магометанского мира против этого гнусного бессовестного народа с торгашеской душой. Уж если нам суждено истечь кровью, то пусть Англия за это потеряет Индию. В.» (цит. по: [19. С. 191]). Этого, конечно, британская разведка знать не могла. Не сразу узнали об этом и историки, поскольку в официальной публикации после войны германских документов этих не было. Они появились позже в дополнительной серии документов, опубликованных Карлом Каутским.

В Восточной же Анатолии, районе действия героев романа «Зеленая мантия» и плацдарме планируемого в нем джихада, в действительности возникло свое, новое движение, националистическое и антирелигиозное, антиисламское по сути и форме. Его возглавил новый «пророк» новой эпохи, эпохи национализма, – Мустафа Кемаль Ататюрк, которому, как и младотуркам, часто приписывали не турецкое, а тоже еврейское происхождение из рядов дёнме. Но в его случае, как, впрочем, и в случае с младотурками, это было совсем не важно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Grievies K.* Nelson's History of the War: John Buchan as a Contemporary Military Historian 1915–1922 // *Journal of Contemporary History.* 1993.
2. *Buitenhuis P.* The Great War of Words: British, American, and Canadian Propaganda and Fiction, 1914–1933. Vancouver, 1987.
3. *Crampton M.* Propaganda in action // No Glory in War 1914–1918 // URL=noglory.org/index.php/articles/war-sketches/144-templater. (29.03.2014).
4. *Bérard V.* La mort de Stamboul. Considérations sur le Gouvernement des Jeunes-Turcs. Paris, 1913.
5. *Toynbee A.J.* Turkey: A Past and a Future. London and New York, 1917.
6. *Seton-Watson R. W.* The Rise of Nationality in the Balkans. New York, 1918.
7. *Forster E.S.* A Short History of Modern Greece. London, 1958.
8. *Lewis B.* The Emergence of Modern Turkey. Oxford, 1961.
9. *Fitzherbert M.* The Man who was Greenmantle. A biography of Aubrey Herbert. London, 1983.
10. *Karpat K.* Entry of the Ottoman Empire into the First World War // *Türk Tarih Kurumu Belleten.* Cilt XVIII, Aralık 2004, Sayı 253.

11. *Liddell-Hart B.H.* T. E. Lawrence. In Arabia and After. London, 1934.
12. *Лиддел-Гарт Б.* Полковник Лоуренс // Лоуренс Аравийский. М.; СПб., 2002.
13. *Buchan J.* Romances Entwined // Times Literary Supplement. 29 May 1992.
14. *Н. Корсун.* Эрзурумская операция. М., 1938.
15. *Buchan J.* Greenmantle. London, 2009.
16. *Jackh E.* The Rising Crescent. New York, 1944.
17. *Trumpener U.* Germany and the End of the Ottoman Empire // The Great Powers and the End of the Ottoman Empire. London, 2005.
18. *Buchan J.* Nelson's History of the War. London. (б/д).
19. *Kaznelson S.* (ed.) Juden im deutschen Kulturbereich: ein Sammelwerk. Berlin, 1959.
20. *Людвиг Э.* Последний Гогенцоллерн (Вильгельм II). М., 1991.
21. Великобритания. Лингвострановедческий словарь. М., 1980.
22. *Мандельштам А.Н.* Младотурецкая держава. М., 1915.
23. *Patrick M.M.* Under Five Sultans. New York, 1929.
24. *McKale D.M.* War by Revolution: Germany and Great Britain in the Middle East in the Era of World War I. Kent (OH). 1998.
25. *Fuhrman M.* Potsdam: Die Enver-Brücke // Kolonialismus hierzulande. Erfurt. 2008.
26. *Şukru Hanioglu M.* (ed.). Kendi Mektuplarında Enver Pasha. Istanbul, 1989.

ОСВОБОЖДЕНИЕ СЛОВАКИИ В ДОНЕСЕНИЯХ ГЛАВПУРККА В ЦК ВКП(Б) ФЕВРАЛЬ–АПРЕЛЬ 1945 ГОДА

Предлагаемые вниманию читателя донесения красноармейских политорганов дают представление о ситуации в Словакии в месяцы освобождения ее от нацистской оккупации.

Reports of the Red Army's political structures expose the situation in Slovakia during the liberation of its territory from the Nazi troops in the first months of 1945.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Словакия, Чехословакия, нацистская Германия, освобождение, Красная Армия.

Keywords: World War II, Slovakia, Czechoslovakia, Nazi Germany, liberation, Red Army.

Публикуемые документы представляют собой интересный источник о ситуации в Словакии в первое время после освобождения ее территории Красной армией весной 1945 г. Несмотря на информационный характер справок ГлавПУРККА, в них отражен ряд вопросов, позволяющий оценить перспективы реализации целей советской политики в данном регионе, в том числе:

- отношение местного населения к Красной армии;
- налаживание хозяйственной жизни на освобожденной территории и первичная помощь пострадавшему населению;
- обеспечение безопасности в тылу советских войск;
- политическая ситуация с особым акцентом на позиции, которые занимала компартия Словакии;
- проблемы межнациональных отношений, в первую очередь положение в заселенных венгерским меньшинством южных районах страны и др.

Все эти затронутые в донесениях темы представлены во взаимосвязи. Они, отражая реальное положение дел в стране, являлись первичным ориентиром для возможной корректировки ранее намеченной линии Кремля. Согласно поданной в январе 1944 г. записке заместителя наркома иностранных дел И.М. Майского В.М. Молотову по вопросу будущего мира и послевоенного устройства, советская политика должна была быть направлена на «создание такого положения, при ко-

Слоистов Сергей Михайлович – младший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

тором в течение длительного срока были бы гарантированы безопасность СССР и сохранение мира» [1. С. 23] в Европе. Применительно к Чехословакии предполагалось, что «СССР выгодно стремиться к созданию сильной Чехословакии» [1. С. 23].

Такие устремления Москвы находили отклик у политической элиты Чехословакии, которую опыт 1938 г. окончательно убедил в необходимости ориентировать свою внешнюю политику в одинаковой мере как на Запад, так и на Советский Союз. Пожелания выстраивать долгосрочные союзнические отношения были закреплены в подписанном в декабре 1943 г. советско-чехословацком Договоре о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве. Заключенный сроком на 20 лет договор предусматривал тесные союзнические отношения в военно-политической и экономической сферах. Для успешной реализации этих планов обе стороны были заинтересованы в установлении общей границы и урегулировании политической ситуации в Словакии, территория которой, являясь транзитной между промышленно развитыми Чешскими землями и СССР, имела стратегическое значение.

Осознание важности своей роли в качестве своеобразного связующего звена было и у многих словацких политиков. Среди руководства провозгласившей независимость 14 марта 1939 г. Словакии присутствовало понимание нестабильности своего положения как самостоятельного государства и возможности его укрепления в случае встраивания в качестве дополнительного посреднического звена в системе отношений между усилившейся фашистской Германией и СССР (подробнее см. [2. С. 141–152; 3. S. 81–124]). Стремление части словацких политиков выстроить дружественные отношения с СССР наряду с прагматизмом опиралось также на традиционно распространенные в словацком обществе русофильство и идеи славянской взаимности. Оппоненты политики создания самостоятельного словацкого государства, сторонники (из числа словаков) единой Чехословакии тоже видели в СССР важного союзника. Для левоориентированных словаков СССР всегда выступал образцом, высказывались даже идеи о вхождении Словакии на правах союзной республики в состав Советского Союза. Таким образом, для большинства политических сил, несмотря на все различия во взглядах, СССР был желательным стратегическим партнером.

Коренной перелом в ходе войны, реальность неминуемого разгрома фашистской Германии ослабили позиции пронемецких сил в стране, что в конечном итоге привело к Словацкому национальному восстанию. Подконтрольность восставшим значительной территории страны, оказание серьезного сопротивления посланным на его подавление войскам, сам факт того, что восстановить контроль над Словакией немцам удалось только в результате военной оккупации – все это являлось неопровержимым доказательством массовости антифашистских настроений среди всех слоев словацкого населения. В этот период его просоветские настроения усилила, с одной стороны, большая советская помощь восстанию, с другой, грабительская эксплуатация ресурсов страны непосредственно оккупировавшими страну немцами, которые проводили по отношению к местному населению репрессивную политику. Под контроль специальных подразделений нацистов, так называемой Оперативной группы Н (Einsatzgruppe Н) были поставлены все сферы жизни в стране¹.

Красная армия вступила на территорию Словакии 20 сентября 1944 г., 4 апреля 1945 г. была освобождена Братислава. В виду горнолесистой способствующей обороне местности бои за Словакию были связаны с огромными трудностями

¹ Подробнее о преступлениях оккупантов в Словакии см., например [4. S. 582–603].

и жертвами. По разным оценкам, погибли около 60–90 тыс. советских солдат². На некоторых участках фронта существенную помощь Красной армии оказывали вооруженные силы Чехословакии, а также Румынии. Боевой основой чехословацких войск были созданные при решающей организационной и материально-технической поддержке советского правительства подразделения 1-го Чехословацкого армейского корпуса. Тот факт, что советские солдаты воевали плечом к плечу с чехословацкими военнослужащими, для местного населения служил подтверждением освободительной миссии Красной армии. Словаки положительно оценивали участие румынских войск, поскольку имеющая территориальные споры с Венгрией Румыния традиционно ими воспринималась в качестве естественного союзника.

Воодушевленной встрече словаками Красной армии и Чехословацкого армейского корпуса способствовала и та реальная помощь, которую наступающие части оказывали терпящему сильную нужду местному населению. Как вспоминал командующий корпусом Л. Свобода: «Население освобожденной территории терпело в то время огромные лишения. Фашистские грабители полностью смели с лица земли многие населенные пункты, и люди, возвращавшиеся из лесов и гор, где они скрывались от гитлеровцев, часто не находили своих жилищ. В одном лишь небольшом Стропковском районе гитлеровцы уничтожили при отступлении 50 деревень и хуторов. Народ голодал. Чтобы облегчить положение населения, мы обратились к советскому командованию с просьбой оказать местным жителям помощь продовольствием. О нашей просьбе немедленно сообщили в Москву, и через два дня мы узнали, что Советское правительство предоставляет нам в качестве дара 500 тыс. килограммов муки. Теперь наши полевые пекарни могли снабжать хлебом население освобожденной территории Восточной Словакии» [6. С. 291].

С опорой на общепринятую практику обеспечения безопасности прифронтовой зоны и тыла советскими специальными подразделениями производилась оперативная работа по выявлению и обезвреживанию диверсионных групп противника, остатков его войск, пособников оккупантов и т.д. Активную помощь в этом оказывало местное население. Как сообщалось в публикуемом донесении от 30 апреля 1945 г., жители Братиславы задержали 78 скрывающихся немецких военнослужащих. В соответствии с советско-чехословацким соглашением от 8 мая 1944 г. юрисдикции советских войск на территории Чехословакии подчинялось гражданское население, совершавшее преступления в зоне военных операций [7. С. 79]. По объективным причинам, вызванным сложностями военного времени, проведение мероприятий по обеспечению безопасности прифронтовой зоны невозможно осуществить с использованием правовых механизмов мирного времени (полноценное дознание и следствие с привлечением всех возможных свидетелей и сбором прямых и косвенных улик, право на квалифицированную досудебную защиту подозреваемого и др.). При подобного рода операциях неизбежно страдает определенное число несправедливо задержанных. Особенно это касалось определения правомерности задержания в сложных ситуациях: например, участие подозреваемого в парамилитарных вспомогательных подразделениях противника.

Проблема невозможности соразмерить личное горе, страдания отдельной личности и общий трагизм военного времени также хорошо проявляется при изучении преступлений уголовного характера, совершенных военнослужащими армий, которые принимали участие в освобождении Словакии. Даже в мирное время в каждой стране при любом общественно-политическом устройстве статистика неумолимо фиксирует совершение различных уголовных преступлений, в том числе тяжких. Сам факт таких правонарушений не может служить основанием

²О боях Красной армии в Словакии и отношении к ней местного населения подробнее см. [5. С. 484–511].

для коллективной ответственности всего общества. Важным показателем криминальной ситуации является характеристика эффективности правоохранительной системы, неотвратимости наказания и наличие профилактики по предотвращению преступных действий. Как пример предупредительной борьбы с возможными преступлениями на бытовой почве, можно привести упреждающие директивы Ставки верховного главнокомандования командующим 2-го и 4-го Украинского фронта, предписывающие провести со всем личным составом Красной армии разъяснительную работу по вопросу «отношения со стороны войск Красной армии к населению освобожденных районов Чехословакии» [7. С. 225]. Конкретные предписания с целью предотвращения каких-либо правонарушений со стороны военнослужащих Красной Армии содержали и другие нормативно-правовые акты командования. Так, в приказе от 16 декабря 1944 г. командующего войсками 2-го Украинского фронта Р.Я. Малиновского предписывалось: «Все необходимое для нужд наших войск получать только через местные органы гражданской администрации чехословаков или через командование чехословацких повстанческих частей».

За все приобретаемое вышеуказанным порядком – производить немедленно денежный расчет. Категорически запретить брать под какие-либо расписки и прочие документы» [7. С. 258].

О неотвратимости наказания свидетельствуют строгие меры ответственности вплоть до смертной казни в особо тяжких случаях (см., например, публикуемый документ от 1 марта 1945 г.).

Наряду с описанием ситуации в области обеспечения безопасности наступающих войск и гражданского населения, а также детального разбора вопросов, касающихся налаживания народного хозяйства, работы коммунальных служб, обеспечения продовольствием населения и т. д., особое место в донесениях ГлавПУРККА занимала оценка политической ситуации в стране, деятельности коммунистической и других партий.

Советское руководство было заинтересовано в установлении стабильной мирной жизни на освобождаемой территории, в первую очередь в установлении на ней дружественного СССР политического режима. И только потом (минимум через 30, максимум через 50 лет) рассматривалась возможность, что континентальная Европа может стать социалистической [1. С. 23]. И.М. Майский считал, что государственный строй «ныне оккупированных врагом стран» по окончании войны должен базироваться «на принципах широкой демократии в духе идей народного фронта» [1. С. 36]. Чехословакия ставилась им в один ряд с такими странами как Франция или Дания, причем предполагалось, что дружественный СССР режим может сформироваться в ней «без какого-либо давления со стороны» [1. С. 36]. Исходя из этих установок, восстанавливалась система гражданского управления на освобожденной территории. Согласно договоренностям президента Э. Бенеша и Загранбюро КПЧ в Москве во главе с К. Готвальдом было сформировано новое чехословацкое правительство Национального фронта чехов и словаков, официально начавшее свою работу 5 апреля 1945 г. в восточнословацком г. Кошице. Коммунисты в нем, хотя и не доминировали количественно, но занимали ключевые посты. Такая конфигурация нового правительства во многом отвечала настроениям населения, поскольку коммунисты, благодаря лидирующей роли в вооруженной антифашистской борьбе, заняли значительное место в политической жизни освобождаемых районов страны. На естественный и во многом стихийный характер этого процесса указывают факты отсутствия постоянной связи местных организаций с руководством Коммунистической партии Словакии (КПС) (см., например, донесение от 24 февраля 1945 г.).

Коммунисты могли восприниматься как стабилизирующая сила особенно в районах со смешанным в национальном плане населением, где они были един-

ственной партией, активисты которой участвовали в движении Сопротивления, объединяя вокруг себя как словаков, так и представителей всех национальных меньшинств, в первую очередь венгерского. Хотя в дальнейшем этот примирительный потенциал внациональной по своей природе коммунистической идеологии был использован не сразу. Так, в феврале 1945 г., выступая на конференции КПС, Г. Гусак поддержал пользовавшийся популярностью у словацкой сельской бедноты антивенгерский тезис о том, что «словацкий крестьянин и рабочий, который был вытеснен с богатых южных территорий и веками был изгоняем в гористые местности, должен снова прийти на эти старые словацкие территории и получить здесь возможность для приличной жизни» [8. S. 571]. Для советского командования сохранение межнационального мира на освобожденной территории было жизненно необходимо с точки зрения обеспечения безопасности тыла своей армии. Поэтому в донесениях ГлавПУРККА вопрос о положении венгерского национального меньшинства в южных районах страны занимал существенное место. В частности, в публикуемой справке от 24 февраля 1945 г. высказывается примечательное утверждение о тесной связи словацких антивенгерских настроений со словацким сепаратизмом в рамках единой Чехословакии.

В целом, публикуемые документы весьма рельефно характеризуют атмосферу послевоенной ситуации в Словакии сразу после ее освобождения: доброжелательное отношение к советским солдатам и первые симптомы зарождающихся проблем в общественно-политической жизни и национальном вопросе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. В 2-х т. Документы / Отв. ред. Т.В. Волокитина. М., 1999. Т. 1.
2. *Марьина В.В.* Словакия и словацкие политики глазами советского дипломата: 1940–1941 гг. // Русские и словаки в XIX–XX вв.: конфликты, взаимодействие, стереотипы. М.; Йошкар-Ола, 2007.
3. *Čierna-Lantayová D.* Pohľady na východ (Postoje k Rusku v slovenskej politike 1934–1944). Bratislava, 2002.
4. *Šindelářová L.* Einsatzgruppe H na povstaleckém Slovensku (1944–1945) a poválečné trestní stíhání // Soudobé dějiny. 2013. № 4.
5. *Марьина В.В.* Красная армия в Словакии. 1944–1945 гг. // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов в XX в. СПб, 2011.
6. *Свобода J.* От Бузулука до Праги: Воспоминания. М., 1984.
7. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1983. Т. 4. Кн. 2.
8. *Husák G.* Svedectvo o Slovenskom Národnom Povstaní. Bratislava, 1964.

1

ЦК ВКП(б)

тов. АЛЕКСАНДРОВУ Г.Ф.

О положении в Словакии и политических настроениях населения*

Начальник Политуправления 2-го Украинского фронта генерал-лейтенант тов. Тевченков донес ГлавПУРККА следующее:

Несмотря на близость фронта и концентрацию большого количества воинских частей, повсеместно на территории Словакии восстанавливается нормальная жизнь. В прифронтовых городах Лучинец, Римавска-Собота, Филяково, Торналь и других открыты магазины, школы, парикмахерские, восстановлено много коммунальных предприятий.

Большинство словацкого населения проявляет живой интерес к внешнеполитическим и военным событиям. Много откликов вызвала Крымская конференция трех держав, причем ее решение повсеместно трактуется положительно.

* Здесь и далее публикация А.С. Стыкалина и С.М. Слоистова.

Сообщения о победах Красной Армии на территории Германии встречаются с удовлетворением и расцениваются как признак скорого разгрома Германии и окончания войны. Антинемецкие настроения более сильны, чем в Венгрии. В немцах видят не только зачинщиков войны, но и грабителей, виновников бедствий, переживаемых населением.

В освобожденных районах Словакии, попавших в состав Венгрии после расчленения Чехословакии, сильны националистические и антивенгерские настроения. В годы венгерской оккупации словацкое население подвергалось насильственной мадьяризации. Венгры ущемляли не только национальные, но и материальные интересы словацкого населения.

В городе Лучинец и в других крупных населенных пунктах, находившихся в составе Венгрии, существовали ячейки националистической партии «Словацкое народное единство». Эта партия была организована в августе 1942 года и по указанию венгерских властей была распущена в сентябре 1944 года. Партия состояла из словаков – представителей интеллигенции, служащих и состоятельных жителей. Лидером партии был доктор Эмануил Бигме, проживавший в Будапеште. В гор. Лучинец насчитывалось не менее 400 членов партии. Главной задачей партии, как заявил один из ее активистов – словак Артур Линтак, – являлась защита словаков от мадьярского угнетения, завоевание свободы.

В настоящее время партия «Словацкое народное единство» формально не существует. Но все наиболее националистические и профашистские элементы сблокировались с реакционной частью бывшей аграрной партии, собираются на неофициальные собрания, ведут националистическую и антивенгерскую пропаганду, выдвигают своих людей на руководящие посты. Специальная делегация этой партии через словацкую народную раду добилась разрешения выдвинуть представителей партии: Зеленка Самуила, Гилмера Ивана и Чанову Анну на руководящие должности городского и районного самоуправления.

Националистические антивенгерские устремления части словаков подогреваются рядом мероприятий словацкой народной рады, член которой Локоч Андрей, присланный из Кошице в город Римавска-Собота для организации местной власти, заявил, что венгерское население не будет допущено к избирательной деятельности. Только принимавшие участие в партизанском и подпольном демократическом движении венгры будут получать персонально от словацкой народной рады право избирать и быть избранными или назначенными на руководящие должности.

Словацкий национализм тесно переплетается с словацкими сепаратистскими тенденциями. Значительное число рабочих в городах Филяково, Лучинец, Римавска-Собота и других отстаивают идею независимого существования Словакии. Эти сепаратистские настроения наиболее сильны среди представителей интеллигенции.

В политической жизни освобожденных нашими войсками районах Словакии ведущую роль играют организации коммунистической партии. Все основные вопросы политической жизни и хозяйственной деятельности органов местного самоуправления, а также вопросы восстановления нормальной жизни разрешаются при активном участии ее представителей. Организация компартии города Лучинец на 15 февраля 1945 года состояла из 21 члена и 12 кандидатов. Некоторые из них принимали участие в партизанском движении. После прихода Красной Армии парторганизация активизировала свою деятельность, организует органы местного самоуправления, коммунисты ведут активную разъяснительную работу на текстильной фабрике и электростанции, распространяют печатные материалы. Однако связи с ЦК компартии Словакии организация не наладила, ясной линии поведения не имеет, коммунисты высказываются за немедленное установление диктатуры пролетариата. Партийные организации стали быстро расти. Число желающих вступить в компартию довольно значительно. Аналогичное положение и в других городах.

Словацкая народная рада стремится во всех районах, находившихся под властью Венгрии, поставить своих людей. Представители рады со специальными мандатами чехословацкого правительства появляются с полномочиями на занятие административных должностей в городских, районных и областных органах самоуправления и принимают меры помощи командованию Красной Армии в восстановлении нормальной жизни. В городе Лучинец словацкой народной радой назначена комиссия в составе доктора Гилмера Ивана, Фалтана Михаила, Сарториуса Йозефа, Пенешка Стефана, Зеленки Самуила и Чановой Анны, наделенная полномочиями временного местного народного выбора (Совета).

Представители словацкой народной рады действуют в прифронтовой полосе самостоятельно, чем нарушают соглашение от 8 мая 1944 года об отношениях между советским Главнокомандованием и чехословацкой администрацией.

Докладываю Вам для ознакомления.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА
ГЛАВНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
КРАСНОЙ АРМИИ

(ШИКИН)

«24» февраля 1945 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 320. Л.39–42.

2

ЦК ВКП(б)

тов. АЛЕКСАНДРОВУ Г.Ф.

О ПОЛОЖЕНИИ В СЛОВАКИИ

Начальник Политуправления 2-го Украинского фронта тов. Тевченко сообщил в ГлавПУРКА следующее:

Во всех городах, занятыми войсками фронта, учреждены советские военные комендатуры, под руководством которых работают органы местной власти. Военные коменданты организовали через местную полицию сбор оружия и радиоприемников у населения и регулируют деятельность представителей воинских частей по закупке продовольствия и фуража, по привлечению населения на оборонные работы.

Во главе местных органов власти, как правило, стоят представители прогрессивной интеллигенции. Во многих сельских местностях старостами работают жители, назначенные на эту должность партизанами. В некоторых городах и селениях в органы местной власти возвращены чиновники, занимавшие административные посты до 1938 года и отстраненные затем за свои демократические убеждения. Местные органы власти до сих пор не получают никаких указаний от чехословацких центральных органов гражданского управления.

По инициативе военных комендантов возобновила работу значительная часть промышленных предприятий. В городе Лученец работает мельница производительностью 12 тонн муки в сутки, макаронные и колбасные фабрики, скотобойня. Мельницы действуют также в Филяково, Римавска-Собота. В районе Рожнява имеются шахты и рудники, их общая производительность – 47 вагонов железной руды и один вагон марганцевой. Сейчас на шахтах занято свыше 1400 человек. На самой крупной шахте в селении Руднику занято 550 рабочих, на ней добывается 30 вагонов руды в сутки.

Города Лученец, Плешивец и др. сильно пострадали в ходе боев. Коммунальные предприятия, жилые дома и магазины разрушены и разграблены немцами. Хозяйственная жизнь в этих городах восстанавливается медленно.

В городах Плешин, Тиссовец, Лученец, Торналя и др. отремонтированы и пущены в эксплуатацию городские электростанции. В городе Тиссовец, который пострадал меньше других, работают 8 бакалейных и 3 табачных магазинов, 4 пекарни, 2 аптеки, 4 ресторана, гостиница, 5 парикмахерских. В Лученец работают только бакалейные магазины, булочные и парикмахерские.

Повсеместно принимаются меры к открытию школ и гимназий. В Римавска-Собота открылись три школы. Работают школы также в Лученец, Торналя и других городах.

Кроны и пенге советского командования принимаются безоговорочно. Цены на продовольствие повысились.

подавляющее большинство населения хорошо относится к Красной Армии, видит в ней свою освободительницу от ига немецко-фашистских захватчиков. Жители населенных пунктов Гнушта, Римавска-Баня, Римавица, Кокава, Латки, Гринева по личной инициативе вышли на очистку дорог от снега и лесных завалов, на восстановление взорванных мостов.

18-летний словак Милалевский из села Латки провел нашу воинскую часть через горные тропы к расположению немцев, что дало возможность уничтожить группу вражеских солдат и офицеров. В боях за селение Лищинце был ранен сержант Волковский. Местный житель Иозеф Макши подобрал его, оказал помощь и два дня скрывал у себя дома, пока немцы не были окончательно выбиты из села.

Среди всех слоев населения сильно распространены антинемецкие настроения. В боях за селение Даброч вместе с красноармейцами сражались крестьяне, вооруженные вилами и топорами. Из гор. Иелшава более 200 жителей ушли к партизанам и боролись против немцев. Молодые словаки обращаются к советским комендантам с просьбой о зачислении их в ряды Красной Армии и отправке на фронт для борьбы против немцев.

Наряду с этим имеют место факты распространения ложных провокационных слухов, случай отказа от содействия представителям Красной Армии.

Крестьянин Стефан Другда с хутора Чеханки заявил: «Ваши закупщики уже надоели нам, они все отобрали у нас, немцы и то меньше требовали».

Крестьянка Анна Кучера из деревни Детвянска-Гута сказала советскому интенданту: «Когда вы от нас уйдете. Даже немцы так долго не стояли. Мы скоро сами будем голодать».

Личный состав наших войск на чехословацкой территории ведет себя хорошо. Многие бойцы и офицеры выражают свое удовлетворение, что они освобождают братские народы Чехословакии от немецкого ига.

В некоторых селениях имели место отдельные случаи мародерства и насилия. Лейтенант Левинский забирал из квартиры местных жителей различные вещи, за что он отстранен от должности. Лейтенант Конопленко пытался изнасиловать крестьянку. На ее крик прибежал сын, мальчик 13 лет. Конопленко застрелил его и пытался скрыться, но был задержан. Конопленко расстрелян.

Политорганы и военные комендатуры организуют работу среди местного населения. С ними проводятся групповые и индивидуальные беседы о взаимоотношениях между Советским Союзом и Чехословакией, о борьбе славянских народов против немцев, положении на фронтах и др. Повсеместно распространяются сводки Совинформбюро на словацком языке, текст договора между СССР и Чехословакией, а также материалы Всеславянского Комитета.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА
ГЛАВНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
КРАСНОЙ АРМИИ

(ШИКИН)

«1» марта 1945 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 320. Л. 48–51.

3

ЦК ВКП(б)

товарищу АЛЕКСАНДРОВУ Г.Ф.

О положении в Братиславе

Член Военного Совета 2 Украинского фронта генерал-лейтенант тов. Тевченко сообщил ГлавПУРККА, что город Братислава хорошо сохранился. Разрушения имеются лишь на северо-западной и восточной окраинах города. Из крупных зданий разрушены только университет и типография.

В городе осталось примерно 135–140 тысяч жителей. Бежали лишь лица, принадлежащие к правительственным кругам и до 30 тысяч немцев. Около 10 000 человек немецкого происхождения остались, несмотря на приказ немцев об эвакуации. Жители, покинувшие город, возвращаются.

4 апреля начала свою деятельность советская военная комендатура. Важнейшие объекты – банк, почта, дворец президента, а также предприятия взяты под охрану. Опечатано и

взято под охрану здание советского посольства, в котором в последние годы находилось гестапо. Налажена патрульная служба. Почти все чиновники местной администрации во главе с городским головой доктором Стефаном Равао остались на местах. Городское самоуправление организовало работы по очистке города.

Большинство полицейских чиновников осталось в городе. Директор полиции бежал. Его заместитель немец Рейнер пытался передать немцам оружие и полицейских для эвакуации. Главный полицейский комиссар Креймер, имевший тайную связь с партизанами, сорвал эвакуацию полиции, а Рейнера, после вступления в город наших войск, арестовал. Сейчас полиция, возглавляемая Креймером, участвует в тушении пожаров и охране порядка в городе.

Торговли в городе еще нет. Выпечка хлеба началась с 6 апреля. Мукой пекарни обеспечены на несколько дней. Принимаются меры к возобновлению работы коммунальных предприятий.

Промышленность в городе не пострадала. Предприятия возобновят работу с получением электроэнергии. В частности готов к пуску завод «Кабель», насчитывающий до 600 рабочих и располагающий значительным запасом сырья. Владельцы большинства предприятий заявили о своей готовности пустить предприятия немедленно в действие.

Согласно сообщениям местных жителей правительство Тисо бежало в Голич. Вместе с правительством бежали и аккредитованные при нем иностранные дипломаты. В Братиславе остались шведский консул доктор Стодола, швейцарский вице-консул Неллер и папский нунций Буртазио.

Все ценности Словацкого национального банка остались в Братиславе.

Население встречает наши войска хорошо. В беседах с советскими военнослужащими словаки выражают свои чувства радости освобождения от немецко-фашистского ига и свою горячую благодарность Красной Армии, протянувшей руку помощи словацкому народу.

Известный писатель Ясенский, переведший на словацкий язык произведения Пушкина, Блока, Маяковского, заявил представителям Красной Армии: «Вы освободили нас от ига наших вековых врагов – немцев и венгров. Мы всегда следили за вашей борьбой и ждали вас. Словацкая интеллигенция считает русских своими старшими братьями. Мы очень рады приходу Красной Армии».

Жена Ясенского регулярно слушала московское радио. Она показала тетрадь, в которой записаны все сводки Совинформбюро за полтора с лишним года.

Среди населения Братиславы развернута массово-политическая работа. Мощный звуковещательный отряд передает на словацком языке приказ №5 товарища Сталина, решения Крымской конференции, текст советско-чехословацкого соглашения, а также оперативные сводки Совинформбюро. По городу расклеены художественные плакаты, показывающие мощь Красной Армии и ее союзников.

Жители города относятся к материалам нашей пропаганды с большим интересом. Они толпами собираются у звуковещательных машин и советских плакатов. Эксцессов со стороны местного населения не отмечено.

Было несколько случаев, когда по советским военнослужащим стреляли из-за угла. Поверкой установлено, что стрелявшие были немецкие солдаты и офицеры, переодетые в гражданское платье.

Докладываю Вам для ознакомления.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА
ГЛАВНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
КРАСНОЙ АРМИИ

(ШИКИН)

«7» апреля 1945 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 320. Л. 79–81.

Послано тов. Булганину Н.А.
тов. Маленкову Г.М.

ЦК ВКП(б)

товарищу АЛЕКСАНДРОВУ Г.Ф.

О положении в городе Братиславе

Начальник Политуправления 2 Украинского фронта генерал-майор тов. ЗЫКОВ донес ГлавПУРРКА следующее:

Промышленность города Братиславы возобновляет работу. Частично пущен в эксплуатацию кабельный завод, на котором раньше работало до двух тысяч человек. Сейчас на нем занято 200 человек. Сырьем завод обеспечен. Начал работать завод «Динамит-Нобель», на нем занято более 250 человек. Вступает в действие завод «Гуман Футорит», ранее снабжавший кабельный завод полуфабрикатами. Начато восстановление газового и нефтеперегонного заводов, разрушенных бомбежкой союзной авиации.

Администрация и инженерно-технический персонал заводов сохранился, среди них имеется значительная прослойка немцев. На кабельном заводе работают члены фашистской партии инженер Моллер, мастер Фишер – бывший руководитель заводской организации «Фольксбунда» и ряд других фашистов. Аналогичное положение на других заводах и в других учреждениях.

На основных предприятиях города созданы организации коммунистической и демократической партий. Очищение заводов от реакционных элементов не проводится.

Коммунальные предприятия – электростанция, водопровод, канализация, бани – работают нормально. В городе открыто более 25 парикмахерских, пущены в ход 4 пекарни, производительность которых 120 тонн хлеба в сутки. Население города нормально снабжается продовольствием.

Культурная жизнь Братиславы оживляется. Работают театры драмы и оперетты. В кинотеатрах демонстрируются советские фильмы «Ленин в 1918 году», «Бой за Советскую Украину». Возобновились занятия в духовной семинарии и консерватории.

Местное самоуправление возглавляет Национальный Комитет «Народный выбор» в составе 48 человек, в числе которых 25 коммунистов и 23 демократа. Председатель Комитета – коммунист доктор Васек.

В Братиславе организован областной и городской комитеты компартии. Обком состоит из 6 человек, во главе с председателем Малик, секретарем Ваштезанским. Городской комитет компартии возглавляет председатель Фрличка. В организацию компартии города поступило более двух тысяч заявлений местных жителей, желающих вступить в компартию. Прием в партию временно прекращен.

Комитетом компартии города издается газета «Правда», являющаяся филиалом ЦК компартии Австрии. Демократы издают газету «Час».

Население города дружелюбно относится к Красной Армии. На митинге, посвященном освобождению города, присутствовало более 1000 человек. Населением города задержано 78 переодетых в гражданскую одежду немецких солдат и офицеров.

Многие австрийцы сдают свою кровь для раненых советских воинов. Доноры, как правило, отказываются от денег и продуктов, которые им предлагаются.

Докладываю Вам для ознакомления.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА
ГЛАВНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
КРАСНОЙ АРМИИ

(ШИКИН)

«30» апреля 1945 г.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 320. Л. 139–140.

Д. ТАНИЋ. Руско царство и Српска православна црква (1557–1766). Ниш, 2013. 341 с.

Д. ТАНИЧ. Русское царство и Сербская православная церковь (1557–1766)

Появление этой книги подтверждает незабываемость русско-сербских отношений: она открывается «рецензией» сербского патриарха Иринаея, давшего свое благословение на издание, осуществленное в г. Нише Обществом сербско-русской дружбы «НАИСУС» (древнеримское название Ниша) с помощью компании Югоросгаза.

Прежде чем перейти к самой книге, написанной директором Исторического архива «Среднее Поморавле» в Ягодине, приведу слова патриарха Иринаея: «Каждое дальнейшее исследование братских отношений сербов и русских является нашей обязанностью как приверженцев Православной веры, славянского народного древа и наследников общей культуры» (с. 6).

Именно эти слова могут быть эпиграфом к тексту книги. Автор строит ее, привлекая многочисленные исследования и публикации документов, выполненные своими коллегами от Радослава Груича до Никиты Толстого. Автором обозначены и архивы, в которых хранятся неопубликованные материалы, использованные в книге: архив в Воеводине, Архив Сербской академии наук и искусства в Сремских Карловцах (Патриархийско-митрополитский архив), Государственный архив Черногории – Исторический архив в Которе, Исторический архив Новом Саде, библиотека монастыря Раваница.

По структуре текст состоит из пяти частей: «Обновление Печской патриархии и установление особых отношений между Россией и сербскими духовниками (1557–1598)»; «Период активных отношений России и Сербской православной церк-

ви (1614–1700)»; «Положение Сербской церкви в Турции (1690–1739) и застой в отношениях с Россией»; «Между Веной и Москвой – Россия и Сербская православная церковь в Габсбургской монархии (1700–1765)»; «Последнее десятилетие Печской патриархии (1739–1766)». Труд снабжен именованным указателем, списком сокращений, указателем необъявленных и напечатанных источников, списком литературы.

Само исследование начинается сюжетом из XVI ст. и связан с именами великого князя московского Василия III и белградского митрополита Феофана, обращавшегося за материальной помощью в далекую, но единоверную Москву. В книге очерчено само грозное время, в котором жила действовала Печская патриархия под турецким «надзором», осложненное интригами среди сербского духовенства. Подчеркнуто, что исключенный из Церкви митрополит Павел во время путешествия в Россию был принят как действующий сербский владыка, что свидетельствовало о желании самостоятельности Сербской церкви.

Есть в тексте и обязательный сюжет о связях России с сербскими духовниками времен царствования Ивана Грозного. На его Москву тогда смотрели и называли Новым Израилем и Третьим Римом. Так, в тексте обрисованы связи прежде всего с Хилендарским монастырем, с обителью Милешево. Не забыто и само непростое время, богатое на войны России с ее неприятелями.

Особое внимание уделено почитанию в XVI в. сербских святых в России, напри-

мер, св. Савы. Подчеркнуто, что в Русской церкви были прославлены св. Симеон, кн. Лазар, Стефан Дечанский и наследник св. Саввы архиепископ Арсений.

Не «забыты» контакты времен царствования Федора, наследника Ивана Грозного, прежде всего, начала процесса установления прямых отношений с Печской патриархией.

Безусловный интерес вызывает и сам «международный интерьер» того бурного времени, зачастую одетого в военный мундир, и обрисовки позиции сербских иерархов, например, о патриархе Иоанне II, и его роли в поддержке народного антитурецкого движения.

Безусловно, известно, что в отношениях между Россией и Сербской церковью большое место занимала русская помощь братьям по вере. Поэтому, вполне логично присутствие в книге большого материала, связанного с этим сюжетом, кочующим через века. Само обращение к этим страницам истории подается через обрисовку миссионерской деятельности Католической церкви на Балканах.

Одновременно, в книге представлены и портреты сербских патриархов и их разнообразная деятельность, прежде всего по упрочению связей с православной Россией, например, патриархов Паисия и Гаврилы, Максима, Арсения III. Интересны вставки об участии в конце XVII ст. сербского монашества в тайных русско-турецких переговорах о заключении мира.

Собственно говоря, книга построена по хронологическому принципу, связанному с сербскими патриархами, их разнообразной по сохранению Церкви деятельностью, обусловленной как внешними, так и внутренними факторами/интригами.

Рим, Вена, Москва, Царьград были вовлечены в сложную балканскую «игру», в которой Сербская православная церковь пыталась улучшить свое положение. Именно об этом на страницах исследования идет речь с привлечением различных документов, трудов историков. Так, достаточно емко освещена деятельность патриарха Калиника I и время борьбы за Церковь.

Представлен в книге и очерк русского культурного влияния на сербов, связанного с именами Максима Суворова, Эммануила Козачинского, появлением сербских учеников в русских школах, прежде всего в Киевской духовной академии, использованием русских учебников. Все это только служило делу, как подчеркивает автор, укрепления триединства между русским и

сербским народами – одно происхождение, одна вера, один язык.

Освещены в книге и сюжеты о переселении сербов в Россию в XVIII в., русской помощи сербам в борьбе против унии. Использование различных источников позволило автору обрисовать достаточно сложную картину того времени, в котором действовали дипломаты, военные, церковные верхи.

Бесспорный интерес для читателя могут представлять строки, связанные с попыткой сербов установить свое церковное самоуправление в России, точнее, в районах, предназначенных для сербских переселенцев, т.е. в Новой Сербии и в Славносербии. В основном здесь обрисована деятельность получившего в России чин генерал-майора Йована Хорвата по устройству некоего сербского церковного самоуправления и сопротивление Священного синода Русской православной церкви, считавшего нецелесообразным учреждение новой епархии в той же Новой Сербии.

Заключительная глава посвящена последним десятилетиям Печской патриархии, точнее, с 1739 г. по 1766 г., когда она была ликвидирована указом султана Мустафы III. Рассмотрен ряд сюжетов с привлечением архивных документов, в том числе и русского происхождения. Здесь и обрисовки патриархов с акцентом на их национальность и соответственно, политику. Так, греки на престоле св. Савы стремились к распространению своего влияния, вплоть до овладения греческими монахами Силендаром. Строки о борьбе сербов за свой Церковь переплетаются с информацией о помощи сербским монастырям, поддержке сербов против католического прозелитизма.

Пожалуй, одна из самых интересных страниц связана с черногорскими владыками Савой Петровичем и его преемником Василием Петровичем. Здесь, на основе многочисленных документов и трудов коллег по «историческому ремеслу» воссозданы картины посещений России черногорскими митрополитами, их идеи и планы по упрочению черногорско-русских связей вплоть до принятия царского протектората. Достаточно хорошо представлен портрет владыки Василия Петровича, в частности, его стремление показать России в нужном свете Черногорию, особо не утруждая себя правдивостью своих характеристик.

На последних страницах труда Деяна Танича обрисован портрет Василия Йовановича-Бркича, последнего серба на Патриаршем престоле перед ликвидацией

самой патриархии. Как и везде здесь также присутствует русская тема, что связано с русско-турецкой войной (1768–1774) и именами братьев Орловых, одному из которых, а именно Алексею, владыка передал составленное им «Описание турецких областей, а в них христианских народов, особенно народа сербского». Добавлю, что сам митрополит, как известно, умер в России.

И в завершение: книга моего коллеги Деяна Танича представляет собою драгоценный вклад в историю наших двух братских народов. Труд служит делу обогащения исторического знания и укрепления памяти наших предков, работавших на ниве единоверия, единоплеменности.

© 2015 г. В.И. Косик

Славяноведение, № 6

С. ЧЕРНИЧКО, Ч. ФЕДИНЕЦЬ. Наш місцевий Вавилон. Історія мовної політики на території сучасного Закарпаття у першій половині ХХ століття (до 1944 року). Ужгород, 2014. 227 с.

С. ЧЕРНИЧКО, Ч. ФЕДИНЕЦЬ. Наш местный Вавилон. История языковой политики на территории современного Закарпаття в первой половине ХХ в. (до 1944 г.)

В 2014 г. в издательстве «Ліра» г. Ужгорода вышла книга «Наш местный Вавилон. История языковой политики в первой половине ХХ века». Книга вышла на украинском языке, авторы издания – С. Черничко, преподаватель Закарпатского педагогического института им. Ференца Ракоци II, и Ч. Фединец – научный сотрудник Венгерской академии наук. Данная книга, на мой взгляд, может быть полезна историкам, лингвистам, социологам, культурологам.

В книге подробно описана языковая политика в Закарпатье на протяжении конца XIX – первой половины ХХ в. (до 1944 г.), осуществляемая различными государствами, в состав которых входил данный регион. Хотя авторы несколько вышли за временные рамки, указанные в названии (первая половина ХХ в.), это представляется оправданным, ведь описать языковую политику первых двух десятилетий ХХ в. в венгерской части Австро-Венгерской империи невозможно без обращения к предшествующему периоду – XIX в. – когда были заложены ее основы. Крайняя дата обусловлена тем, что именно в 1944 г. Закарпатье освободила Советская армия, здесь установилась советская власть, в дальнейшем регион вошел в состав Украинской ССР. Закарпатье представляет собой перекресток культур в центре Европы, сегодня здесь проживают украинцы, венгры, румыны, цыгане, русские, русины, словаки и другие народы. Имен-

но на первую половину ХХ в. пришлось многочисленные административно-политические перемены в жизни Закарпаття. Власть и государственная принадлежность в регионе менялись неоднократно: Австро-Венгерская империя, Венгерская советская республика, Первая чехословацкая республика, Вторая чехословацкая республика, Карпатская Украина, Венгрия, СССР. Авторы даже приводят известный закарпатский анекдот о дедушке, который за свою жизнь ни разу не покидал пределов своего родного села, но при этом успел побывать во многих государствах (с. 18).

Книга состоит из пяти разделов. В первом разделе рассматриваются основные социолингвистические понятия, которыми оперируют авторы. Три последующих раздела подчинены хронологической логике: описана языковая политика в Закарпатье во время вхождения региона в состав Австро-Венгерской империи, затем – в состав Чехословакии, и в состав Венгрии в качестве регентского комиссариата Подкарпатская Русь. В последнем разделе «Язык, история, политика: опыт региона» анализируется языковая политика всех государств, частью которых в разное время являлось Закарпатье. Отдельно хочется отметить богатый иллюстративный (цветной) материал: фотографии, отображающие языковой ландшафт исследуемого периода (например, вывеска библиотеки на трех языках в Берегове (с. 17)), открытки

(например, открытка с видом города Мукачево (с. 15); открытка с изображением русинских крестьян в Мукачево (с. 21)), документы (свидетельство о несудимости на двух языках (с. 78)), денежные единицы (500 чехословацких крон (с. 94)), учебные пособия и грамматики (грамматика И. Панькевича (с. 123)).

Рассмотрим подробнее каждый раздел. В первом разделе авторы подробно анализируют такие понятия, как «языковая политика», «языковое планирование», для этого они привлекают работы как англоязычных ученых, так и ученых постсоветского пространства (Р. Trudgill, E. Naugen, T.G. Wiley, В.М. Алпатов, В.И. Беликов, Л.П. Крысин, Н.Б. Мечковская и др.). Сами авторы дают следующее определение языковой политике: «Языковая политика – сознательные действия государства или другой организации или учреждения, которая осуществляет политическую деятельность, для влияния на социолингвистическую ситуацию; совокупность мер, которые осуществляются международной организацией, государством, партией, классом, общественными объединениями для изменения и сохранения, функционального распределения языков и языковых подсистем, для введения новых или сохранения старых языковых норм» (с. 9–10). Далее рассматриваются такие понятия как «государственный язык», «миноритарный язык», «официальный язык». В этой же главе обозначены цели настоящего издания – описать влияние языковой политики разных государств на языки, функционировавшие на территории современного Закарпатья в указанный (первая половина XX в.) временной период (с. 16). В связи с этим отдельное внимание уделяется языковому ландшафту, отражающему основные направления языковой политики, чем и объясняется большое количество иллюстраций в книге. Авторы делают важное замечание – они используют термин «русинский язык» при анализе описываемых реалий (здесь следует напомнить про «русинский вопрос» в социолингвистической литературе), несмотря на его спорный статус в настоящий период.

Вторая глава посвящена рассмотрению языковой политики во времена Австро-Венгрии. В этой и в последующих главах авторы приводят много таблиц с данными переписей населения и других источников, по которым можно проследить этноязыковую динамику региона с 1880 г. Показано постепенное распространение политики мадьяризации, активизировавшейся с

конца XIX в. (например, законы от 1879, 1891 г., законы Аппони 1907 г. о школьном образовании; замена местных славянских названий населенных пунктов на венгерские; кампания по смене имен), в результате которой, если сравнить перепись 1899 и 1910 гг., количество знающих венгерский язык увеличилось. Вместе с тем отмечается, что были и голоса в венгерской среде против политики мадьяризации, в частности, скептически к мадьяризации относился И. Тиса: «Неужели думаем, что мы мадьяризовали румынских или словацких соотечественников, которых мы научили писать и читать по-венгерски?» (с. 48–49). На языковую политику оказывала влияние и эмиграция из земель Австро-Венгрии. Так, в процентном отношении русины очень активно эмигрировали (в основном в Северную Америку) (с. 50).

Не могут обойти стороной авторы и «русинский вопрос». Отмечается, что русинская самоидентификация в Закарпатье была сильнее, чем по другую сторону Карпат (с. 36), что русофильство имело сильные позиции в среде русинской интеллигенции. При этом опровергается мнение, что украинская идентичность начала внедряться в Закарпатье только после Второй мировой войны, контакты с другими украинскими землями были уже и в это время. Венгерские власти поддерживали развитие русинского языка на местных диалектах. Были даже попытки латинизировать алфавит, чему, однако, помешала Первая мировая война, коренным образом изменившая судьбу региона.

Венгерские власти уже под самый занавес войны предприняли попытки создания так называемой «Руской краины», автономного образования в составе Венгрии. Некоторое время (март – апрель 1919 г.) существовала Венгерская советская республика. В результате переговоров стран-победительниц в Первой мировой войне Закарпатье было включено в состав Чехословацкой республики. Языковая политика изменилась коренным образом: венгры оказались в положении национального меньшинства (русины составляли 60% населения, венгры – 20%). С другой стороны, права национальных меньшинств гарантировались законом республики: в тех районах, где доля национальных меньшинств превышала 20%, судебные постановления издавались в том числе на этом языке. Прослеживается обратная предшествующему десятилетию тенденция в этнодемографическом составе населения и в его распределении: так, русинское население

увеличивалось в городах, венгерское население уменьшалось. Многие представители венгерского меньшинства столкнулись с проблемой получения чехословацкого гражданства (по закону претендовать на чехословацкое гражданство могли только те, кто имел статус постоянного жителя на 1910 г.). Авторы уделяют особое внимание политике колонизации, проводимой чехословацким правительством: власти предоставляли переселенцам земли в районах, непосредственно расположенных на венгерской этнической территории (сегодняшние населенные пункты Страж, Червоне, Даниловка, Пушкино) (с. 85). Долгое время открытым оставался вопрос о западной границе региона (с. 86): принадлежность земель, расположенных на запад от Ужгорода.

Подробно в этом разделе освещается полемика между русофилами и украинофилами, развернувшаяся в межвоенное двадцатилетие (русинофильство, получившее развитие в последние годы существования Австро-Венгрии, в то время отошло на задний план) (с. 94). Основной установкой русинофилов являлось постулирование отдельного восточнославянского народа, сформировавшегося в рамках венгерской монархии. Русофилы развивали теорию о едином русском народе «от Камчатки до Карпат». Украинофилы видели в местном славянском населении продолжение украинского народа, тем более, что этому способствовала лингвистическая близость диалектов по обе стороны Карпат. Русофилы выступали за внедрение русского языка в систему образования и административного управления, преимуществом этой позиции, по мнению авторов, являлось то, что русский язык обладал устоявшейся нормой, тогда как в украинском языке в то время было несколько конкурирующих норм (с. 104). Однако русский язык не мог быть введен в том виде, в каком он существовал в пределах России по причине сильной отдаленности от народных закарпатских говоров, в Закарпатье функционировала так называемая карпаторусская разновидность русского языка, которая не имела четкой нормы. Украинофилы создавали свои общества (общество «Просвита»). В закарпатских школах преподавали выходцы из Галиции. Авторы отмечают, что нет данных, какой же язык, обозначаемый как «русский», преподавался в школах (с. 121–122). В результате полемики и конкуренции языковых вариантов в преподавании царил полная анархия: О. Пайкош так охарактеризовал эту ситуацию: «Сколько

было школ – столько было и языков преподавания» (с. 118). Авторы провели анализ грамматик, по которым велось преподавание, в результате они пришли к выводу, что составители грамматик, вероятнее всего, приближали русскую (грамматика Е. Сабова) или украинскую (грамматика И. Панькевича) грамматику к местному говору (с. 122). Все это свидетельствует о непродуманном языковом планировании.

Накануне Второй мировой войны (в 1938 г.) в Закарпатье произошли значительные перемены: введена автономия края, которая была обещана еще во времена вхождения Закарпатья в состав Чехословакии. Началась украинизация общества, а незадолго до ввода венгерских войск на территорию края была провозглашена независимость Карпатской Украины во главе с А. Волошиным.

В следующей главе рассматривается период пребывания Закарпатья в составе Венгрии с 1939 по 1944 г. В 1939 г. Закарпатье стало частью Венгрии, официальное название региона в то время – регентский комиссариат Подкарпатская Русь, хотя автономия региону так и не была предоставлена. Венгерские власти делали акцент на развитии и поддержке русинского движения, толерантно относились к русофилам и преследовали украинофилов (с. 157), таким образом, была выбрана русинская идентичность в противовес великорусской и украинской (с. 179). Целью венгерской администрации было удержание региона в составе Венгрии, а украинская идентичность могла быть опасной для венгерских властей еще и потому, что закарпатские коммунисты поддерживали именно этот вариант и писали по-украински (с. 160).

С приходом новых властей меняется этнодемографическая картина в крае. Так, по результатам переписи 1941 г. выяснилось, что доля венгерского населения сильно увеличилась (в Берегове с 51,3% до 91,8%, в Ужгороде с 16,1% до 72,4%) (с. 139). Тем не менее, власти не стали повторять политику мадьяризации. Было объявлено двуязычие, причем «русский» язык преподавался также в венгерских школах (с. 137), для чиновников были организованы курсы, чтобы обеспечить коммуникацию с местным населением (с. 152), а сам регентский комиссар М. Козма пообещал выучить русинский и румынский языки (с. 153). Было также утверждено двуязычное название населенных пунктов (например Kőgösmező – Ясиня) (с. 150), названия улиц также были на двух языках. Для овладения венгерским

языком были организованы курсы в Дебрецене.

В то время были созданы грамматики русинского языка, наиболее известные – грамматика Ю. Марыны (1940) и И. Гарайды (1941). Было основано Подкарпатское общество наук, издавался двуязычный журнал «Зоря – Najnal». Авторы видят парадокс в том, что венгерскими властями был запрещен украинский язык, но в то же время поддерживались местные наречия (как бы их ни обозначали) (с. 181).

В последней главе подытоживается опыт языковой политики первой половины XX в. Отмечается, что у региона никогда не было реальной автономии, несмотря на многочисленные обещания (с. 186) ее предоставить во время переломных исторических моментов (вхождение Закарпатья в состав Чехословакии, затем – Венгрии), позже все обещания про автономию забывались.

Авторы размышляют о понятиях «язык» и «диалект» по отношению к местным славянским закарпатским говорам. Они приходят к выводу, что нет однозначных критериев разделения языка и диалекта, и что этот вопрос должен решаться в рамках социолингвистики (с. 196). На протяжении истории каждая политическая смена вла-

сти влекла за собой новую языковую политику в регионе, что естественным образом отражалось в школьном образовании. Политическая элита предлагала местному населению не аддитивную, а субтрактивную модель билингвизма (с. 208).

Закарпатье является уникальным регионом, здесь, как отмечают авторы (с. 213), задолго до появления стандартов прав национальных меньшинств были опробованы разные модели функционирования языков национальных меньшинств. Этот опыт особенно интересен, если учитывать, что все эти преобразования произошли за достаточно короткий с исторической точки зрения период – в первой половине XX в. Авторы заканчивают книгу словами о том, что «комфорт нашей жизни связан не только с хлебом на столе, но и с государственной политикой по отношению к решению национальных и языковых прав, вопросов меньшинств, мирного сосуществования этносов, языков, конфессий и культур» (с. 214), что является особенно актуальным для такого культурно разнообразного и этнически мозаичного региона как Закарпатье.

© 2015 г. Г.П. Пишпенко

Славяноведение, № 6

Г.И. ЛОПАЦИН. «Икона звалась Свячей...»: абрад «Свяча» ў прасторы традыцыйнай культуры Гомельшчыны. Гомель, 2013. 116 с.

Г.И. ЛОПАТИН. «Иона звалась Свечой...»: обряд «Свеча» в традиционной культуре Гомельщины

Монография белорусского этнографа и фольклориста Г.И. Лопатина посвящена комплексному описанию и анализу одного из ярчайших образцов белоруской народной традиции – календарному обряду «Свеча», распространенному в основном на территории Поднепровья (Гомельская, Могилевская области Белоруссии, спорадически встречается также на западе Брянской области России и в западных районах Смоленщины). В контексте обряда термин «свяча» обозначает почитаемую икону, переносимую из дома в дом, а также специально изготовленную для этого праздника свечу, иногда имеющую антропоморфный

вид; «свечу» по очереди переносят из дома в дом, где она и остается в течение года.

Как показывает этнографический материал, данный обряд, совмещающий в себе элементы оброчного ритуала (в конкретных селах «заведение» обряда обычно связано с конкретными неблагоприятными событиями – эпидемия, мор скота, война, пожары, засуха и т.п., которым социум пытается противостоять), родового/семейного праздника («Свеча» может бытовать не только в пределах сельского социума, но и в отдельных семьях) и погребального обряда (принесение в дом, где находился покойник «мужских» и «женских» свечей в

соответствии с полом умершего), имеет непрерывную традицию (неоднократно фиксировался в этнографической литературе с XIX в., продолжает бытовать и сегодня).

Ценность рецензируемой монографии состоит прежде всего в том, что помимо описания ритуала в целом (его структуры, состава действующих лиц, временной приуроченности, правил проведения), впервые в научный оборот вводятся аутентичные записи обряда, сделанные участниками экспедиций Ветковского музея старообрядчества и белорусских традиций им. Ф.Р. Шклярова в разные районы Гомельского и Могилевского Поднепровья, в Брянскую и Смоленскую области (138 текстов; с. 65–105). Для этнографов и фольклористов методическое значение несомненно будет иметь вопросник для сбора материалов по обряду «Свеча», в котором подробно и логично представлена структура обряда и связанные с ним ритуально-магические практики (с. 52–56). Следует отметить также «профильную» библиографию по обряду, охватывающую все известные автору на момент выхода книги источники с упоминанием «Свечи» (с. 110–114). Дополняет описание обряда иллюстративный ряд – фотографии, сделанные участниками экспедиции и рисунки «свечей» из архива Ветковского музея, что очень помогает при изучении типологии этого обрядового артефакта.

Такое на первый взгляд «узкоспециальное» исследование открывает возможности для масштабных изысканий, связанных с изучением региональных форм традиционной культуры и ее отдельных элементов. В современной славистике исследования, посвященные локальным и микролокальным традициям, культурному наследию отдельных сел и социумов, признаются одним из перспективных направлений. Подробно описанные и проанализированные обряды и верования конкретного региона (группы сел и даже одного села) добавляют ценные детали к портрету национальной культуры в целом, показывая ее региональное своеобразие и предоставляя возможность для сравнительно-типологического анализа.

Публикацию материалов предваряет аналитический очерк, посвященный прошлому и настоящему обряда «Свеча» в белорусской народной культуре и дающий представление не только о географии бытования обряда, но и о его локальных формах и динамике развития (с. 19–51). Отмечая архаичный характер обряда, автор непосредственно связывает его с культом огня,

присущим древней славянской культуре, и декларирует положение том, что «Свеча» является прямым наследником ритуалов поклонения божеству огня (с. 15). Безусловно, действия, в которых так или иначе фигурирует огонь и его символика, в глубокой ретроспективе можно возвести ко временам язычества. На мой взгляд, гораздо интереснее иное предположение, сделанное Лопатиным относительно генезиса обряда, а именно предположение о связи «Свечи» с традициями православных братств на территории Белоруссии (начиная с принятия Кревской унии 1385 г. и Брестской унии 1596 г.). Таким образом, христианские элементы обряда (наличие почитаемой иконы, с которой как правило связана местная легенда, чин мирского богослужения, очередность проведения обряда в пределах сельской общины, особый статус «хранителя» свечи в течение года) выступали своего рода конфессиональным маркером, особо проявляющим себя и в позднейшие периоды кризисов, например, во времена массовых закрытий храмов и атеистических кампаний (с. 26–30). Как отличительная черта именно православной традиции «Свеча» интерпретируется и конфессиональными соседями, например, старообрядцами, у которых этого обычая нет (см. примеры на с. 71). В этом контексте и статус хозяйки дома, в котором на протяжении года находится почитаемая свеча/икона, как «хранительницы Свечи» логичнее сопоставлять не с «хранительницей очага» (якобы репрезентирующей языческую древность обряда) (с. 32), а с фигурой «братчика» (члена братства, опекающего «братскую» свечу). Что касается женской ипостаси «братчика», то это скорее показатель современного состояния традиции, когда сохранение обрядности стало в основном женским делом (ср. с. 47).

Обряд «Свеча» может выступать также как маркер определенных локальных традиций: так, на территории современной Гомельской области этот обряд имеет четкую географическую привязку, разделяя Поднепровскую зону Гомельщины на две части: северо-восточную, где он отмечен, и юго-западную, где он не зафиксирован (границей выступает территория Калинковичского р-на).

Структура обряда включает ряд элементов, значимых для языка народной культуры и прокомментированных в книге с точки зрения семантики и символики обрядового текста. Это прежде всего антропоморфный облик главного обрядового

атрибута – свечи (наличие у нее «головы» и «рук»), облачение свечи в «платье»); это совмещение в ритуалах проводов и встречи свечи (при переносе ее из дома в дом) похоронных и свадебных элементов; это коллективная трапеза участников обряда, совмещающая элементы тризны и свадебного пира; это использование элементов украшения свечи (ленточек, еловых веточек, соломы, цветов и т.п.) в народной медицине. Наиболее значимыми признаковыми оппозициями в обряде «Свеча» являются «мужской – женский» (тип атрибута, участники обряда – например, в процессии мужскую свечу/икону должны нести мужчины, а женскую – девушки и женщины), «своей – чужой» (правила передачи свечи от соседа к соседу или оставление ее в одном доме; запрет передавать свечу в другую деревню), «старый – новый» (ежегодное облачение свечи в новое «платье», сохранение старых «одеяний»; использование «старого» и «нового» воска для изготовления свечи), «постный – скоромный» (пища при проводах и встрече свечи). Интересен также выбор иконы, которая «сопровождает» свечу в обряде: это может быть икона святого или праздника, к которому приурочен обряд; икона святого, одноименного последнему умершему во время эпидемии, после чего деревня обрелась справлять «Свечу»; двусторонняя икона, если в деревне было принято справлять две «Свечи». Поведение участников обряда было регламентировано: во время нахождения свечи в доме нельзя было ругаться; переносить свечу/икону полагалось супружеской паре, но запрещалось вдовым и разведенным; в дни, посвященные «Свече», нельзя было работать.

«Свеча» привлекательна для исследователей традиционной культуры не только многообразием форм (календарная приуроченность, действия со свечой – украшение, одевание в «платья», регламентированный ритуал передачи/переноса из дома в дом, требования к участникам ритуала и т.п.), но и ареальной спецификой. Представляется, что результаты картографирования «Свечи» могут дать интересную картину распространения различных элементов обряда и его трансформации в целом. Так, в отличие от довольно хорошо сохранившегося на Гомельщине обрядового комплекса с «микольской свечой» (приуроченной к празднику Николы Зимнего), на территории Смоленской обл. (Велижский р-н) удалось зафиксировать лишь единичное свидетельство об этом обряде (как о «родовом» празднике; при этом свеча в ритуале

не упоминается, главным «действующим лицом» праздника становится семейная икона св. Николая) [1. С. 9].

Книга Лопатина стала хорошим подспорьем при проведении полевых исследований недавнего сезона. В июле 2014 г. состоялась российско-белорусская этнолингвистическая экспедиция в рамках проекта «Ареальная структура белорусско-русского лингвокультурного пограничья: язык и фольклор». Полевые исследования проводились в Чериковском, Кричевском и Мстиславском районах Могилевской области Белоруссии. В ходе экспедиции удалось непосредственно наблюдать за проведением обряда «свеча», собрать обширный материал, а также обнаружить ряд локальных особенностей обрядового комплекса. Бытование обряда «свеча» было отмечено в Кричевском (д. Лобковичи, д. Костюшковичи, д. Сокольникови) и в Чериковском (д. Норки, д. Удога) районах [2]. Собранные данные дополняют уже опубликованный Лопатиным материал и расширяют географию бытования обряда, подтверждая отмеченный исследователем факт, что согласно современным материалам география обряда гораздо шире региона, к которому традиционно относился обряд (есть данные о проведении «Свечи» на территории практически всей Могилевской области и даже в Минской области).

Расширение ареала обряда можно объяснить как фиксацией ранее неизвестных локальных вариантов, так и влиянием извне. Так, например, вариант обряда, наблюдавшийся в Чериковской р-не в 2014 г. на источнике Бразгун, внесен в список нематериального наследия Белоруссии, охраняется государством и поддерживается информационно и организационно; в результате в его структуре наряду с аутентичными элементами (легенда о явленной в источнике иконе, шествие с иконой и свечой к источнику в день св. Петра и Павла, молебен с последующим прохождением под иконой) появляются элементы режиссуры (проведение ярмарки, концерта народных коллективов, выставки ремесел), сам ритуал начинает приближаться по формату ко дню деревни, обретая характер местного «бренда».

Монография Г. Лопатина представляет собой ценный источник, знакомящий специалистов с одной из архаичных страниц белорусской культуры. К большому сожалению, книга издана мизерным тиражом (200 экз.) и сразу же стала библиографической редкостью. Хочется надеяться, что полный текст книги будет представлен на

сайте Ветковского музея, что делает ее доступной широкому кругу читателей.

© 2015 г. О.В. Белова

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белова О.В. Несказочная проза Велижского района Смоленской области – общее и особенное в локальной традиции // Филологиче-

ская регионалистика. Научный информационно-аналитический журнал. 2014. № 1 (11).
2. Савина Н.А., Кухтина В.А. Экспедиция на русско-белорусское пограничье // Живая старина. 2015. № 3.

Работа выполнена в рамках проекта «Адаптивные механизмы культуры русско-белорусского пограничья: судьба народной традиции в меняющемся мире» (РГНФ 15-24-01004а).

Славяноведение, № 6

Невыдуманная история походов Йозефа Швейка в России. Кн. вторая. 1941–1945 / Составление, предисловие, комментарии Н.Л. Глазковой, научн. ред. Г.П. Мельников, отв. ред. Ю.Г. Фриштейн. М., 2014. 528 с.

Среди вечных образов мировой литературы герой сатирической эпопеи Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка», – едва ли не самый популярный в России XX в. и определенно единственный, кто, шагнув из Первой мировой войны прямо во Вторую, стал героем и Великой Отечественной. Сделать этот шаг помогли, с одной стороны, и заложенная в нем Гашеком способность, прикидываясь наивным простаком, и вроде бы с готовностью исполняя приказы вышестоящих чинов австро-венгерской армии, в рядах которой Швейк и начал свои похождения, проявлять изворотливость и смекалку, и, не желая воевать за чуждые чешскому народу интересы, оставлять своих начальников в дураках, а также, с другой – острая потребность советских людей, отражавших фашистскую агрессию, в не унывающем и хитроумном герое, способном вволю поиздеваться теперь уже над бесноватым фюрером и внушить уверенность в победу над ним, даже когда до нее еще было далеко. «Бравый солдат» и в этот период не подрывной элемент, а законопослушный служака, доводящий, однако, своим усердием распоряжения властей третьего рейха до полного абсурда, вскрывавшего сущность идеологии и практики нацизма.

Именно такой Швейк, верный себе в любых обстоятельствах, – в центре трехтомного проекта Научно-библиографического отдела Библиотеки иностранной литературы (ВГБИЛ) им. М.Н. Рудомино, посвященного русскому восприятию «бра-

вого солдата», начиная с появления первых переводов гашековской эпопеи на русский язык, и вплоть до настоящего времени. Опубликованы первые две книги проекта, выход третьей ожидается.

В первой книге «Невыдуманной истории походов Йозефа Швейка в России. 1926–1941» (см. [1. С. 494–497]) речь идет об аутентичном гашековском герое и о его рецепции профессиональными деятелями советской культуры – писателями, журналистами, режиссерами, которые раньше других обратили внимание на произведение Гашека, публиковали рецензии, упоминали в переписке с друзьями, инсценировали для театральных постановок, став таким образом первопроходцами в его осмыслении и популяризации в нашей стране. Книга вторая показала, насколько глубоко проник этот образ в нашу культуру, в народ, насколько популярен стал «бравый солдат» среди читателей и как пригодился в годы Великой Отечественной войны. Но это уже был не совсем тот Швейк, о котором писал Гашек. Сойдя со страниц его эпопеи в жизнь, он как бы родился заново и продолжил свои похождения в другое время и в другой обстановке – на страницах фронтовых газет, в радиопередачах, в боевых киносборниках, – в юморесках и скетчах советских авторов, «попросивших» за это своеволие «прощения у Ярослава Гашека», скончавшегося 3 января 1923 г., так и не завершив свою эпопею. Попытки продолжить ее предпринял вскоре после его кончины чешский писатель К. Ванек,

выпустив в 1924 г. «Приключения бравого солдата Швейка в русском плену». Однако, как свидетельствует первая книга «Невыдуманной истории...», «приключения», сочиненные Ванеком, успехом не пользовались. Его произведение было дружно признано советской критикой неудачным, поскольку открывало «доступ [...] истасканным ситуациям и перелетым эпизодам», а сатирический пафос начала эпопеи подменялся в нем «ресторанной занимательностью зубоскала» [2. С. 152].

Другое дело, образ Швейка, воссозданный советскими литераторами во время Великой Отечественной. Откликаясь на зов времени, он оживал в произведениях разных жанров и, что греха таить, разного уровня, но не изменял своей сути и своему предназначению – оглуплять, развенчивать, уничивать врага оружием сатиры, поднимать настроения читателей, слушателей, зрителей. Сказанное Ю.Н. Либединым (на заседании Военной комиссии Союза писателей 19 августа 1942 г.) о «Новых похождениях бравого солдата Швейка», сочиненных М.Р. Слободским, что тот видел свою задачу не в «продолжении, а в том, чтобы поставить “на вооружение Красной армии” эту фигуру» [3. С. 116], можно вполне отнести и к другим авторам «новых походов бравого солдата». Такой Швейк – не разочаровывал.

Но обо всем по порядку. Вторая книга начинается (после основательной вступительной статьи составителя) воспоминаниями о 22 июня 1941 г. тогда еще никому не известного солдата, Юрия Никулина, у которого заканчивался срок службы в армии, а в фанерном чемоданчике лежала «присланная родителями книга “Приключения бравого солдата Швейка”, одна из самых близких» ему. Завершается издание опубликованными в «Смене» (1945) и «Крокодиле» (1965) русскими переводами рассказов, анонимно написанных в Москве чешскими политэмигрантами и изданных там же на их родном языке в сборнике «Бравый солдат Швейк через двадцать лет» (1944). В этих пределах – целый кладезь интереснейших, найденных в армейских газетах, архивах, других трудно доступных источниках, или тщательно отобранных из открытых публикаций «невыдуманных историй походов Йозефа Швейка в России». Впервые собранные воедино, они производят огромное впечатление, одновременно раскрывая двойной смысл, который обретает сквозная название проекта.

Это и приключения героя в сражающейся с агрессором стране, его поведение в разных ситуациях (где при опоре на реальность есть место и выдумке), это и достоверные «похождения» популярного образа в советской культуре военных лет: в прозе, поэзии, драматургии, в радиопередачах, на сценических площадках, в кино. И здесь – уже ничего не придумано, все подлинно, документально подтверждено. Толковые комментарии, портреты широкого и малоизвестных людей, чьи свидетельства, произведения, материалы включены в книгу, справки буквально о каждой упомянутой в текстах фамилии деятелей культуры, политиков, советских и зарубежных военачальников как из стран антигитлеровской коалиции так и из немецкой армии, – делают эту книгу о Швейке книгой об истории XX в., об атмосфере и событиях Великой Отечественной. Особо следует отметить подчеркнутый самим составом вклад в победу над фашистской Германией советской творческой интеллигенции, воевавшей с противником не только силой искусства, но и с боевым оружием в руках – в рядах народного ополчения, «писательской роты», Красной армии.

Хронологическое расположение материала позволяет читателю «держаться в поле зрения общую перспективу развития событий на театре военных действий, влиявшую на акцентирование тех или иных аспектов образа Швейка» [3. С. 6], а также ощутить нарастание потребности в этом герое, к которому на разных фронтах Великой Отечественной войны, на море и на суше, обращались все новые и новые авторы. Одним из первых откликнулся на эту потребность боевой офицер, обладавший литературным талантом, капитан 2-го ранга, служивший помощником командира крейсера «Коминтерн», а потом переведенный во флотскую газету – А.В. Баковников. Сочиненные им главы «Новых походов Швейка», предсказавшие самоубийство Гитлера, публиковались с начала июля 1941 г. до 1 января 1942 в газете «Красный черноморец» [3. С. 29]. На месяц позднее, с августа 1941 г. до апреля 1943 г. – и уже для пехотинцев – стали публиковаться во фронтовом еженедельнике «Боевой натиск» юморески о Швейке поэта и прозаика Л.М. Канцельсона, погибшего в 1944 г. Популярному герою отдал творческую дань известный автор исторической прозы, добровольцем ушедший на фронт, Л.И. Раковский. Его рассказы о Швейке печатались в газете народного ополчения

«На защиту Ленинграда» с 11 сентября до 1 октября 1941 г.

«Веду юмористический раздел “Прямой наводкой”, пишу (с продолжением) “Новейшие похождения бравого солдата Швейка”», – сообщал 9 мая 1942 г. в письме жене [3. С. 320] тридцатидвухлетний поэт А.Д. Синичкин (Алесь Жаврук), выпускник ИФЛИ, аспирант Белорусской академии наук, во время войны военкор газет «В бой за родину» и «На защиту родины», где весной и летом 1942 г. появлялись его рассказы о Швейке. Участник обороны Сталинграда, он погиб в августе того же года. Среди авторов походов Швейка в годы войны были сотрудники фронтовой газеты «В бой за родину» М. Багров, драматург М.Д. Вольпин, известнейший сценарист Н.Р. Эрдман, в произведениях о Швейке которого комический эффект часто достигался остроумной игрой слов. Из всего этого видно, что над новыми похождениями Швейка, особо востребованными в начале войны, трудился, не стовариваясь, и чаще всего ничего не ведая друг о друге, авторский коллектив. Собранные воедино тексты о новых похождениях знаменитого героя, изъятые из разных источников, складываются в своего рода антологию русских ремейков гашековской эпопеи, возникшей в годы Великой Отечественной войны.

Богаче всего в книге представлены повествования о Швейке известного советского комедиографа, М.Р. Слободского, в мирное время часто выступавшего в соавторстве с В.А. Дыховичным. Замечательные сами по себе, переиздававшиеся уже во время войны, они в 1942 г. дали жизнь его же комедии-памфлету (см. [3. С. 135–201]), а еще – пьесе «Новые похождения Швейка» поэта и драматурга Я.И. Родионова (погиб в 1943 г.), написавшего ее для Драматического театра Северного флота [3. С. 399]. В 1944 г. комедия Слободского была поставлена молодежной труппой Первого фронтового театра ВТО, войдя в его репертуар наряду с драматургией А.Н. Островского, К. Симонова и др.

Произведения о Швейке М. Слободского как и Л. Раковского использовались в передачах «Театр у микрофона», которые готовило Ленинградское радио для осажденного города. Бравый солдат не обошел и киноэкраны, став героем короткометражных фильмов, киносценариев и обилия рецензий на страницах центральных газет. Он вовлек в свои похождения массу широко и мало известных кинематографистов, режиссеров, операторов, актеров, писателей, критиков, среди которых были С. Ют-

кевич, Э. Гарин, В. Канцель, Н. Охлопков, Ф. Раневская, И. Москвин, А. Каплер, Л. Кассиль и многие, многие другие. Не все созданное о Швейке «важнейшим из искусств» вышло на экраны, а то что вышло («Боевой кинесборник № 7», 1941; «Новые похождения Швейка. Солдатская сказка», 1943) широко демонстрировалось и на фронте и в тылу.

Новый Швейк во всю издевается не только над фюрером, его подручными, армией агрессора (обыгрывая, к примеру, реальную ситуацию отступления немецких солдат на оседланном стаде коров). Объектом язвительных насмешек становится сама идеология национал-социализма, чье место – в сумасшедшем доме. Так, в повести М. Слободского Швейк с энтузиазмом поддерживает пациента прифронтовой психушки, который, считая себя Гитлером и «работая» над второй частью «Майн Кампф», решает распространить расовую теорию на флору и фауну. Швейк тоже вносит свой вклад в ее применение, объявив гениальным психа, вырвавшего пальму из кадушки, поскользку, по мнению Швейка, пальма принадлежит к низкой расе, а истинный ариец – это дуб. Тот же Швейк предлагает расово неполноценных собак (недособак, к которым не относятся немецкие овчарки или фон-шпицы) держать в гестапо: «Они будут носить на хвосте специальные повязки и выискивать блох у шпицев» [3. С. 128].

Образ «бравого солдата», казалось бы вошедший в чешскую литературу из простонародной среды, из кабаков и пивных, служивших Гашеку местом для творчества, замешан не только на сугубо жизненных, но и на фольклорно-литературных истоках. В нем угадываются черты глупого Гонзы из чешских и Иванушки-дурачка из русских народных сказок, бывалого солдата, умеющего и генералов прокормить (Салтыков-Щедрин) и обвести вокруг пальца самого черта (Ганс Христиан Андерсен), и хитроумного слуги, более ловкого и сообразительного, чем его родовые господа из произведений Сервантеса, Гольдони, Бомарше (см. [4. С. 454–455]). Поэт и прозаик Л.К. Тягачева в рецензии (1943) на постановку пьесы Р. Слободского «Новые похождения бравого солдата Швейка» еще больше расширила ряд сопоставимых с ним литературных образов, повысив тем самым его статус: «Так же, как Тиль Уленшпигель, Кола Брюньон, Фальстаф, Швейк принадлежит к плеяде неумирающих народных героев, воплотивших в себе [...] остроумие, оптимизм, жизнерадостный

юмор» [3. С. 302]. Подобные слова помогали по достоинству определить место творчества Гашека в мировом искусстве. Еще в большей мере этому способствовала популярность его героя в нашей стране.

Ранние рассказы Гашека о Швейке и его сатирическая эпопея, долгое время не принимались всерьез соотечественниками писателя. «Часть вины за это должен, по-видимому, взять на себя сам писатель. Он был первым, кто открыто высказывал сомнения в значимости своего творчества; первым, кто высмеял юношеское литературное тщеславие своих сверстников и, что еще важнее, – свою собственную литературную работу, нередко отзываясь о ней пренебрежительно лишь как о ремесле», – писал Р. Пытлик [5. С. 11]. Однако, заложив свои собственные литературные традиции, получившие массовое признание и актуализацию в СССР времен Великой Отечественной войны, его творчество полностью подтвердило свою состоятельность. Можно сказать, что именно зарубежное, русское восприятие героя сатирических произведений Ярослава Гашека, утвердило высокий международный рейтинг чешского сатирика. Не эпигонское, а сугубо творческое продолжение гашековских традиций помогло советскому искусству расширить свои возможности, освоить новые жанры и эстетику. В состав «ключевых слов» рецензируемой книги можно было бы включить такие как «новизна», «первый опыт», «первое воплощение», «впервые» и т.д. При этом издание не ограничивается одним лишь перечислением сделанных последователями Гашека открытий. Рассказы и воспоминания писателей, режиссеров, актеров (М. Слободского, С.И. Юткевича, Н.В. Петрова, В.Я. Хенкина, Б.М. Тенина и др.) о работе над «новыми похождениями» Швейка, над литературным, экранным и сценическим воплощением этого образа, в том числе в новом для советского искусства жанре военной эксцентрической комедии, позволяют читателю заглянуть в творческую лабораторию мастеров, узнать о муках и радостях их труда, столь необходимого людям в условиях военного лихолетья.

Одно из достоинств книги – богатство первоклассного, но не примелькавшегося изобразительного материала. Это и фотолетопись Великой Отечественной войны, снимки ее участников, фотографии отбитых у немцев русских городов, эпизодов из жизни фронта и тыла – от записей в народное ополчение в летней Москве 1941 г. до переполненной народом Староместской

площади в Праге 9 мая 1945 г. Спектакли и фильмы о Швейке представлены не только текстами пьес и сценариев, но и фотодокументами. Множество рисунков О.Г. Верейского, Ф.А. Гальбы, Б.Е. Ефимова иллюстрируют произведения М. Слободского. При ошутимом влиянии на художников творчества Й. Лады их «бравые солдаты» не повторяют ни его, ни друг друга. Но буквально все изобразили характерный для Лады комичный контраст между неизменно приветливой рожцей Швейка и злобными физиономиями общающихся с ним военных чинов. Вероятно к этому подталкивал художников сам литературный материал, близость М. Слободского к первоисточнику.

Листая книгу, убеждаешься, как внимателен составитель к любым, даже самым лаконичным упоминаниям о Швейке в дневниках, письмах, художественных произведениях, стенных газетах и т.д., свидетельствующим о его популярности в нашей стране. Приводятся и такие, казалось бы незначительные факты, как присвоение прозвища «Швейк» людям, чем-то (остроумием, оптимизмом или другими качествами) его напоминавшими. Этого прозвища, к примеру, удостоились прозаик Александр Бек, вступивший в Московское народное ополчение и с лихвой хлебнувший «долю солдата», поэт Наум Коржавин за затрапезность, как он сам полагал, своего внешнего вида во время службы в армии в 1943 г. и многие другие. Кроме того от имени бравого солдата возникло новообразование «Швейка», обозначающее денежную единицу. Книга напоминает и о ряде значительных, но подзабытых фактах проникновения Швейка в советскую культуру. Это, известное лишь специалистам, участие гашековского героя в рождении поэмы А. Твардовского «Василий Теркин», о чем вспоминает сам Твардовский, или использование цитаты из эпопеи Гашека в качестве названия известного фильма И.А. Пырьева «В шесть часов вечера после войны». Именно на столь неопределенное, но внушающее надежды на перемены к лучшему время, назначил Швейк, отправлявшийся на Первую мировую, встречу со своим другом, сапером Водичкой. Ради этого во вторую книгу вводится раздел о драматурге В.М. Гусеве, публикуется отрывок из его пьесы в стихах «Москвичка» [3. С. 344], где один из персонажей договаривается о свидании с девушкой: «В шесть часов вечера после войны // Читал я в книжке, забыл названье, // Как другу, среди ночной

тишины // Бравый Швейк назначал свиданье // В шесть часов вечера после войны».

Ради этого, всего ради нескольких слов из эпопеи Гашека, ставших эпиграфом к стихотворению А.А. Галича «Вечером, после войны» в книгу вводится короткий раздел об этом поэте.

Расположение материала, сближающее книгу с жанром хроники, где важное и существенное, подчиняясь течению времени, чередуется с мелкими, но всегда ценными подробностями, облегчает ее восприятие, придает ей непринужденность, занимательность.

Работа, за которой стоит инициатива и огромный труд квалифицированного библиографа и литературоведа Наталии Львовны Глазковой подтверждает ценность многих блекнувших в наше смутное время аксиом о плодотворности взаимосвязей искусства с действительностью, о его праве вмешиваться в жизнь, – особенно в критические периоды истории и т.д.

Реализация обсуждаемого проекта в стенах ВГБИЛ им. М.И. Рудомино показывает, что хорошая библиотека – это не просто книгохранилище, а продуктивный научно-исследовательский центр, изучающий и обогащающий мировую и отечественную культуру. Из известных автору этих строк российских библиотек такого уровня (но меньших по масштабу) стоило бы назвать «Дом Гоголя – мемориальный музей и научную библиотеку» в Москве и «Централь-

ную библиотеку им М.Ю. Лермонтова» в Ярославле. Есть основания надеяться, что этим список подобных учреждений культуры, где работают истинные энтузиасты своего дела, не исчерпывается.

В заключение подчеркну, что вышедшая в 2014 г. книга о невыдуманной истории походов Швейка в России 1941–1945 гг. в высшей степени злободневна, поскольку препятствует конъюнктурной ревизии хода и значения Великой Отечественной войны и усиливает полюс антифашистского искусства, весьма актуального и в наши дни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вопросы литературы. Сентябрь–Октябрь. М., 2013.
2. Невыдуманная история походов Йозефа Швейка в России. М., 2012. Кн. первая. 1926–1940 / Сост., пред., ком. Н.Л. Глазковой, отв. ред. Ю.Г. Фридштейн.
3. Невыдуманная история походов Йозефа Швейка в России. М., 2014. Кн. вторая. 1941–1945 / Сост., пред., ком. Н.Л. Глазковой, научн. ред. Г.П. Мельников, отв. ред. Ю.Г. Фридштейн.
4. История литератур западных и южных славян. М., 2001. Т. 3. Литература конца XIX – первой половины XX века (1890-е годы – 1945 год).
5. *Пытлик Р.* Ярослав Гашек и похождения храброго солдата Швейка. Прага, 1983.

© 2015 г. Л.Н. Будагова

Славяноведение, № 6

М. KOŠKOVÁ. Bulharsko-slovenský slovník. II. J–Po. Bratislava, 2013. 692 s.

М. КОШКОВА. Большой болгарско-словацкий словарь

В Институте славистики имени Яна Станислава Словацкой академии наук уже несколько лет ведется работа над большим Болгарско-словацким словарем. Вышли в свет его первых два тома – А–К (2004, авторы: М. Кошкова, М. Добрикова, Г. Дюлгерова, Н. Николова, ред. В. Киюлева-Мишайкова и Д. Коллар), Л–По (2013, автор: М. Кошкова, ред. Д. Коллар и Н. Костова). Продолжается работа над последним томом Поаз–Я.

Несмотря на первоначальные трудности, связанные в первую очередь с

распределением работы и организацией сотрудничества между отечественными и зарубежными авторами (начиная со второго тома авторский коллектив упрощен, чем и объясняется довольно значительный разрыв во времени между выходом в свет первого и второго томов) работа над словарем успешно продолжается.

Рецензенты первого тома отмечали, что в данном случае мы имеем дело с первым болгарско-словацким словарем подобного типа, основным на научном подходе, т.е. на системном сопоставлении двух род-

ственных языков (что несет с собой больше подводных камней, чем преимуществ), т.е. не только на сопоставлении лексических систем как таковых, но также на сопоставлении лексических единиц двух языков на разных уровнях (семантическая структура слова, его семантико-синтаксическая сочетаемость), их грамматики, стилей речи и функциональных уровней языка, с особым вниманием к функционированию данной системы в речи.

Следует отметить, что словарь готовится в то время, когда происходят значительные изменения тенденций развития всех языков (в том числе и болгарского, и словацкого), связанные, с одной стороны, с бурным развитием компьютерных технологий, с глобализацией мировых проблем и с развитием международных, в том числе и межъязыковых, контактов, с другой стороны, с новым отношением к общественным ценностям, включая ценности языковые, такие как нормы языка, находящие свое выражение в профессионализации и интернационализации, в стирании различий между стилями языка и, к сожалению, также в несоблюдении действующих языковых норм. Эти факты очень затрудняют работу с источниками (главным образом, их отбор, оценку и выработку однозначной позиции по отношению к спорным вопросам), обработку языкового материала (с точки зрения лексикографической теории и избранной концепции).

В методологическом отношении и с точки зрения словарной концепции, автор сознательно использует все лучшее, что имеется в словацкой двуязычной лексикографии, т.е. достижения Братиславской лексикографической школы, применяющей принцип переводного эквивалента.

Как уже отмечалось рецензентами, словарь «подтверждает высокий уровень словацкой двуязычной лексикографии, последовательно соблюдает избранную концепцию, вводит новый языковой материал, пополняющий наши сведения о современном болгарском языке и о процессах, происходящих в его словарном запасе, обогащает сопоставлением родственных языков как таковых, их лексики в современных условиях международной коммуникации, представляет новый вклад в историю словацкой двуязычной лексикографии».

О высоком уровне рецензируемого словаря свидетельствует также факт, что его первый том был удостоен первой премии конкурса «Словарь 2005 года», организованного международным жюри Общества переводчиков в Праге и премией в категории лексикографических работ в конкурсе «Матей Бел 2006» в Братиславе.

Второй том развивает все положительные качества первого тома. У обоих томов следует отметить актуальный отбор лексики (словник), детальную разработку семантической структуры слова, соответствующую иллюстрацию семантико-синтаксической сочетаемости заглавного слова, точность перевода и языковое чутье автора при подборе эквивалентов слов, богатый фразеологический материал в рамках словарных статей. В 2014 г. второй том словаря был удостоен почетной грамоты Общества переводчиков в Праге.

С нетерпением будем ждать появления последнего, третьего тома.

© 2015 г. Д. Коллар

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» «ИНТЕРНЕТ И СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС В СТРАНАХ ЦЮВЕ: PRO ET CONTRA»

9 декабря 2014 г. в Институте славяноведения РАН Отдел современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы провел «круглый стол» на тему «Интернет и современный литературный процесс в странах ЦЮВЕ: pro et contra».

Интернет стремительно вошел в нашу жизнь и подарил абсолютную свободу авторам, которые не могут добиться «традиционных» публикаций своих произведений, а также дал читателю бóльший доступ к текстам самых разнообразных авторов и возможность общаться с автором напрямую. *Н.Н. Старикова* во вступительном слове поставила перед участниками «круглого стола» ряд вопросов: существует ли «Интернет-литература», повлияла ли сеть на качество литературы, изменила ли она формальную организацию текстов, поэтику современных произведений и т.п.

И.Е. Адельгейм (Москва) в докладе «Я в сети, сеть во мне...» рассказала о восприятии польскими писателями «Литернета» и Интернета в целом. Для них Интернет является и источником материала, и возможностью функционирования произведения. Он децентрализует и демократизирует литературную жизнь, что дает авторам большую свободу творчества. Польские писатели хотят быть частью литературной Интернет-жизни, что связано как с информационной, так и с коммуникационной функциями всемирной паутины.

В докладе «Интерактивность как определяющий фактор Интернет-литературы» *Ю.П. Гусев* (Москва) выразил мнение, что переход литературы в Интернет – это качественный скачок, сравнимый с переходом от устного творчества к письменному. Дело в том, что такой переход восстанавливает естественную, органическую связь между автором и аудиторией, утраченную при переходе к литературе в виде книжной продукции. Интернет – пока еще слишком спонтанно, неупорядоченно и нецивилизованно – восстанавливает возможность выражения своего отношения к произведению, что может воздействовать напрямую на автора.

В докладе *Е.Н. Ковтун* (Москва) «Фантастический сегмент литературного Интернета (на российском и чешском материале)» были представлены основные характеристики современного Интернет-сегмента фантастической литературы, которая первой воспринимает новации литературного процесса. Фантастика является «литературой мысленного эксперимента», имеет преимущественно молодежную аудиторию, тесно связана с «массовой» литературой, а потому одной из первых вошла в Интернет (русская сеть FIDOnet, первый чешский электронный ежедневный журнал «Neviditelný pes»). На сегодняшний день существуют текстовые хранилища, электронные книжные магазины, порталы «по интересам», справочные системы, виртуальная периодика, сайты, публикующие произведения дебютантов и т.п. Жанровая система меняется в пользу романтических серий, широко распространяются «фанфики» (любительское творчество «по мотивам» известных книг), в тексты проникают штампы и каноны голливудских блокбастеров, многие фантастические сюжеты переходят в сферу мультимедиа. Безусловные плюсы новейшей эпохи (доступность текстов, интенсивность Интернет-общения поклонников фантастики, мультимедийность) не отменяют, однако, минусов, в числе которых – разрушение привычной ценностной иерархии и утрачивающееся представление об эстетической целостности художественного произведения.

Н.Н. Старикова (Москва) познакомила научную аудиторию с влиянием, которое оказывают Интернет-технологии на механизмы функционирования литературных институтов в

Словении. Ведущие словенские писательские организации (общество словенских писателей, ПЕН-центр, общество словенских литературных переводчиков, Центр словенской литературы и др.) качественно изменили методы работы, стало возможным он-лайн взаимодействие, дистанционный способ участия в проектах, прямое общение автора, читателя, критика и издателя. Электронные каталоги, цифровые библиотеки, сайты, систематизирующие беллетристику, сетевые версии литературно-критических журналов существенно облегчили доступ к корпусу национальных художественных текстов. Значительную роль в структурировании литературного быта и поддержании обратной связи играет библиографическая он-лайн система COBISS, содержащая сведения обо всех действующих словенских авторах и предоставляющая библиографические данные о серийных и разовых изданиях, на основании электронного библиотечного учета эта система составляет ежемесячный рейтинговый список ста наиболее востребованных книг, что в определенной степени способствует объективизации критериев оценки произведений.

Доклад «Словацкая литературная периодика в Интернете» *Л.Ф. Широковой* (Москва) был посвящен порталам и сайтам о литературе, которые начали появляться в Словакии уже в 1990-е годы. Первым профессиональным Интернет-журналом стал «Inzine», просуществовавший пять лет. Сейчас трудно найти даже архив исчезнувших по финансовым причинам порталов 2010–2014 гг., где публиковались актуальные новости литературной жизни и рецензии на словацкие книжные новинки. Теперь такого рода информацию можно получить на сайтах книжных магазинов и словацких издательств, которые предоставляют сведения о своих книжных новинках и об их авторах. На on-line литературных страницах периодических общественно-политических изданий можно найти рецензии на новые книги, написанные известными профессиональными критиками, анонсы литературных мероприятий и пр. Гораздо меньше доступного материала дают собственно литературные журналы. Самый доступный и богатый источник информации о литературе, в том числе, текущем процессе – портал Словацкого литературно-информационного центра (litcentrum.sk).

А.В. Усачева (Москва) рассказала, что в Румынии Интернет не стал новым литературным пространством, на сегодняшний день это скорее поле взаимодействия автора с критиками и читателями на страницах сетевых версий литературных газет и журналов. В 2009 г. прошел «круглый стол www» с писателями и критиками «Виртуальная литература и поколение Google», в рамках которого они обсуждали современное состояние литературы, влияние Интернета на литературный процесс. Взаимодействие с читателями происходит по нескольким направлениям: общение в социальных сетях, краудфандинг на издание или даже написание книги после сбора заранее установленной суммы. Кроме того, писатели используют Интернет как средство популяризации своих произведений.

Доклад *Н.А. Луньковой* (Москва) «Проблема виртуальности в романе Р. Марковой «*.log» был посвящен анализу феномена виртуальности в структуре романного действия «*.log». Массовое использование компьютерной лексики, ников и сокращений в романе-блоге, по мнению Луньковой, позволило автору отразить «страх несвободы» и одиночество героини.

С.А. Шерлаимова (Москва) ознакомила аудиторию с бытованием чешской литературы в Интернете. В Чехии, как и в других странах, Интернет расширил простор и неизмеримо ускорил распространение информации о новых книгах и литературных событиях. Почти у всех литературных и общекультурных периодических изданий есть свои сайты, однако, если еще недавно газеты и журналы бесплатно выкладывали в сеть почти все статьи в полном объеме, то теперь они ограничиваются публикацией содержания. Очень активен в Интернете Институт чешской литературы АН ЧР, предоставляющий бесплатно некоторые материалы. В 2015 г. журнал «Чешская литература» должен создать сайт «Чешская литература в сети», где будут помещаться материалы, соотносящиеся с бумажным изданием, и отдельные статьи из него. В сети идет активное обсуждение отдельных книг и итогов закончившегося литературного года, при этом некоторые выступления выкладываются в виде «аудио» или «видео». С.А. Шерлаимова заметила, что Интернет способствует расширению литературного и культурного кругозора пользователей, однако любая информация требует проверки и перепроверки, а качество современной литературы, конечно же, зависит не от непрерывно прогрессирующей технологии ее распространения, что само по себе важно, а, по-прежнему, от «смысла», от таланта авторов.

В докладе *А.В. Амелиной* (Москва) рассматривались проблемы оцифровки художественной и научной литературы в Чехии. Большая часть литературы оцифровывается централизованно с одной стороны Институтом чешской литературы АН ЧР и Национальной

библиотекой за счет средств проекта Европейского фонда регионального развития. Оцифровка книг любителями представлена очень скромно, а, результат, как правило, оказывается очень низкого качества.

Е.В. Шатъко (Москва) рассказала, что в Сербии он-лайн публикации литературных произведений стали заменой традиционного издания только для небольшого количества авторов, которые однако так и не обрели большой популярности. На сегодняшний день крупные издательства не издали ни одного романа, появившегося на просторах сети, однако издан сборник стихотворений, которые были отобраны в одной из групп на Facebook, посвященных первым поэтическим опытам молодых авторов. Интернет повлиял на традиционную бумажную книгу больше: определенные главы нескольких романов существуют только в Интернете, в одной романной серии часть глав публикуется в виде бумажной книги, а часть на youtube.com в форме графических видеороликов. В Сербии Интернет пока не стал альтернативной литературной сценой, однако влияет на организацию традиционных текстов.

Ю.Б. Жукова (Москва) познакомила аудиторию с явлением «фанфикшена», литературного явления, предполагающего создание художественных текстов на основе объектов культуры, вокруг которых формируются интерпретативные сообщества. Началом фанфикшена принято считать 1960-е годы, когда в Америке возникло первое сообщество такого типа вокруг сериала «Звездный путь». Фанфикшен был первой разновидностью литературы, обосновавшейся в Интернете, как только Интернет стал доступен хотя бы какому-то кругу людей для использования в личных целях, и с тех пор существует почти исключительно в сетевом виде – попытки публиковать фанфикшен на бумаге редки и не приветствуются как самим сообществом, так и положениями об авторском праве многих стран. Итак, фанфикшен – это во многом уникальный, легко доступный и тщательно рефлекслируемый своими создателями и потребителями материал для исследований. Если в западном литературоведении это явление начало изучаться в 1990-е годы, то в российском – исследований ничтожно мало.

Доклад *Е.В. Байдаловой* (Москва) «Украинская сетевая политическая поэзия как объект литературоведческого анализа» посвящен актуальным тактикам и стратегиям филологического исследования текстов сетевой литературы в контексте комплексных научных исследований. Материалом для доклада послужила сетевая политическая поэзия Украины, была предложена типологическая классификация текстов украинской сетевой политической поэзии, а также поднят ряд вопросов, касающихся проблем авторства в сети, сохранности текстов, их датировки, языка написания. Отдельное внимание было уделено текстам сетевой политической поэзии России, появляющимся в ответ на украинские тексты.

В докладе *Д.Ю. Ващенко* (Москва) представлены возможные пути лингвистического исследования («сетевые»), что предполагает изучение индивидуальной стилистики автора, способов авторской самопрезентации, а также рассмотрение открытого диалога «автор – читатель» с позиции теории коммуникации. Не менее интересным представляется анализ функционирования неологизмов в сетевой поэзии, а также способов отображения актуальных реалий. На примере словацкой блогосферы показано, каковы основные стратегии ведения диалога между автором и читателем, и какие языковые средства при этом задействуются.

И. Антоновский (Скопье) ознакомил аудиторию с явлением поп-поэзии в македонском культурном пространстве. За последнее десятилетие появилось множество авторов, публикующих свои стихи в Интернете, так они преодолевают герметичность уже состоявшейся поэтической сцены и осуществляют первый контакт с читателем. Большинство авторов, популярных в блогах и социальных сетях, трансформируют творчество под влиянием мнения массы, популярность становится самоцелью. Антоновский оставил открытыми вопросы, является ли поп-поэзия поэзией в традиционном понимании, заменит ли этот тип поэзии традиционную или это параллельно развивающееся направление.

В завершение были подведены итоги «круглого стола». Установлено, что в странах ЦЮВЕ переход литературы или отдельных ее жанров в Интернет-пространство находится на несколько более раннем этапе, чем, например, в русскоязычном Интернете. Однако это не отменяет изменений самой структуры произведений под воздействием реакции публики. Мировая паутина также влияет на поэтику произведений, изданных в виде традиционной бумажной книги. Перед исследователями стоит задача выработать способ отбора произведений, появившихся на просторах сети, и методологию изучения Интернет-литературы.

© 2015 г. *Е.В. Шатъко*

ПАМЯТИ РИТТЫ ПЕТРОВНЫ ГРИШИНОЙ (1930–2015)

Человеческая жизнь очень хрупка. Не прошло и двух месяцев с тех пор как мы поздравляли Ритту Петровну Гришину с 85-летием, – и вот ее уже нет с нами. 19 мая 2015 г. она скоропостижно скончалась. Горечь утраты еще до конца не осознана, но есть ощущение, что в отделе что-то не так, Ритты Петровны не хватает...

В Институте славяноведения Ритта Петровна проработала более 50 лет, с 1961 г., пройдя все должности от младшего научного сотрудника до заведующей сектором, который она возглавляла в течение десяти лет (с 1988 по 1998 г.). Но, обладая большим научным авторитетом, она и дальше продолжала оставаться негласным «почетным» главой нашего коллектива.

Ритта Петровна сохранилась в памяти как человек сильной воли, организованный и трудолюбивый. Крупный специалист по истории балканских стран – Болгарии и Македонии – она действительно пользовалась уважением коллег как внутри Института, так и вне его. Она автор разделов по межвоенному периоду в «Краткой истории Болгарии (С древнейших времен до наших дней)» (1987) и «Болгарии в XX в. Очерки политической истории» (2003). Ее первая монография «Возникновение фашизма в Болгарии. 1919–1925 гг.» вышла в Софии на русском языке в 1976 г., а через два года Ритта Петровна защитила докторскую диссертацию. Одна из первых работ, над которой мы работали вместе, – «Европейское социалистическое движение 1914–1917 гг. Разрубить или развязать узлы?» (1994). Нам хотелось для себя понять и уяснить, имела и имеет ли социалистическая идея (не в большевистской, а в социал-демократической форме) какие-то перспективы, или это в принципе ложное направление.

Ритта Петровна интересовалась македонским, и шире – национальным вопросом на Балканах. Вместе с М.Д. Черных они подготовили и издали два тома документов «Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции» (2000, 2003).

Новый масштабный проект Р.П. Гришина выполняла с А.Л. Шемякиным. Серия работ «Человек на Балканах» вызвала большой интерес у балканистов и специалистов, занимающихся социальной историей и проблемами модернизации общества. Вышли восемь трудов этой серии, в том числе и индивидуальная монография Р.П. Гришиной «Лики модернизации в Болгарии. Конец XIX – начало XX в.». Последней работой Ритты Петровны стал большой раздел (7,5 а.л.) в коллективную монографию «Особенности новой южнославянской государственности (Болгария, Сербия, Черногория: 1878–1921)» этой же серии. В настоящее время монография готовится к печати. Гришина автор нескольких сотен статей, опубликованных в научных журналах и сборниках.

Более 15 лет Р.П. Гришина являлась заместителем председателя российской части Российско-болгарской комиссии историков. Болгарские коллеги знали и ценили ее. По ее инициативе и при активном участии состоялись многочисленные болгаро-российские научные форумы, которые затем были реализованы в форме совместных проектов и из-

дании книг. Ритта Петровна была не только талантливым автором, но и внимательным редактором, часто взваливая на себя нелегкий труд по подготовке коллективных работ и сборников. Долгие годы она являлась членом редколлегии журнала «Славяноведение», подходя к этому делу отнюдь не формально.

Несмотря на возраст, Ритта Петровна была полна научных планов, ее продолжали интересовать различные проблемы, она была открыта для всего нового. Это тот человек, биологический возраст которого совсем не совпадал с официальным (по паспорту). Она чувствовала себя молодой, и это чувство передавалось окружающим. Любовь к перемене мест, путешествиям, познанию нового была ей органически присуща.

Человек не равнодушный во всех отношениях, чего бы это не касалось, будь то судьба отдельного человека, отдела, Института или страны, Ритта Петровна имела собственную позицию, которую не боялась отстаивать.

Ритта Петровна Гришина прожила долгую, непростую, но достойную жизнь, оставила после себя заметный след в истории и в памяти людей, ее знавших.

Нам не хватает, и еще долго будет не хватать ее особого чувства юмора, жизнелюбия, порой колких, но точных замечаний, но пока мы ее помним, она с нами...

© 2015 г. *Е.П. Сератионова*

Славяноведение, № 6

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА НИКОЛЬСКОГО (1922–2015)

4 июня на 94-м году жизни скончался патриарх российской славистики, доктор филологических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор Сергей Васильевич Никольский. Всю свою долгую и плодотворную жизнь он отдал изучению, переводу и популяризации славянских литератур. В 1948 г. С.В. Никольский стал сотрудником только что созданного Института славяноведения АН СССР, в начале 1950-х годов сформировал литературоведческий коллектив и руководил им более тридцати лет. В период перестройки, уступив бразды правления Л.Н. Будаговой, Сергей Васильевич еще четверть века продолжал работать в Институте – не рядовым сотрудником Сектора истории славянских литератур, а непременно мэтром, учителем младших коллег, заметной фигурой среди авторитетнейших российских литературоведов.

Ученый с европейским именем, один из основоположников послевоенного славяноведения в России, С.В. Никольский внес неповторимый и неоспоримый вклад не только в исследование его любимой чешской литературы XIX–XX вв. Под его крылом были созданы академические истории литератур славянского ареала и многие другие коллективные труды, вызревали десятки научных работников отечественного славяноведения. Литературные связи славянских народов были еще одной ветвью интересов Сергея Васильевича и руководимого им коллектива. Начиная как русист, Никольский никогда не терял из виду русскую литературу – естественную базу для понимания многоликого литературного процесса. Им написано более 500 научных работ, в том числе – монографии «Роман К. Чапека “Война с саламандрами”» (1968), «Мысль и образ в поэзии Волькера» (на чешском языке, 1968), «Карел Чапек – фантаст и сатирик» (1973), «Две эпохи чешской литературы» (1981), «История образа Швейка. Новое о Ярославе Гашке и его герое» (1997), «Над страницами антиутопий К. Чапека и М. Булгакова (Поэтика скрытых мотивов)» (2001, 2009), из них три книги переведены на чешский язык.

Энциклопедические познания и масштабное видение мировой литературы сочетались у Никольского с умением тонко анализировать художественный текст, в том числе поэтический. Ученый буквально вернул в чешскую послевоенную литературу К. Чапека, нашел прототип Швейка – реальное лицо с тем же именем – и разгадал хитроумные шифры М. Булгакова. Сергей Васильевич возглавлял российское «Общество братьев Чапек». Его деятельность отмечена многими наградами в Чехии и России.

Можно было бы и дальше перечислять заслуги С.В. Никольского, но хочется подчеркнуть чисто человеческую харизму ученого, его неизменную доброжелательность, трудолюбие, открытость всему новому. Чувство юмора у Сергея Васильевича распространялось на широкую сферу действия, было его неотъемлемым качеством. При прощании с ученым многие говорили, что из жизни ушел настоящий русский интеллигент. Добавим: и настоящий патриот, наследник духовной культуры России.

С.В. Никольский проработал в Институте славяноведения более 60 лет, но и после ухода на заслуженный отдых не терял живой связи с коллегами, в частности – поздравлял нас с праздниками и днями рождения.

Светлая память о Сергее Васильевиче Никольском остается с нами всегда.

Друзья и коллеги

Славяноведение, № 6

ПАМЯТИ НАДЕЖДЫ ВАСИЛЬЕВНЫ КОТОВОЙ (1926–2015)

30 января 2015 г. в Софии (Болгария) ушла из жизни Надежда Васильевна Котова, замечательный болгарист, славист и балканист, много лет отдавший преподаванию болгаристики на славянской кафедре филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Н.В. Котова внесла огромный вклад в разработку исторической и современной грамматики, диалектологии болгарского языка, в изучение албанских говоров на территории бывшего СССР, в методику преподавания болгарского языка во всем его объеме.

Н.В. Котова родилась в Москве, в семье, далекой от филологии. Тем не менее в 1944 г. она поступила в первую после создания кафедры славянской филологии «болгарскую» группу и нашла себя в болгаристике, которая стала основным интересом ее жизни, а сама Болгария (после выхода на пенсию) – ее второй родиной. Талант и трудолюбие студентки были почти сразу замечены ее преподавателем и наставником С.Б. Бернштейном. По его словам, Котова обладала «незаурядными способностями в изучении языков, в умении анализировать сложные тексты», он видел в ней будущую аспирантку, позднее именно на нее он более всего полагался как на коллегу-диалектолога и лексикографа. Эти способности молодого исследователя воплотились в полевой и исследовательской работе уже в 1950-е годы, когда создавался «Атлас болгарских говоров СССР» (М., 1958. Вып. 1–2), позднее – в кандидатской диссертации по болгарским говорам Дупницы, защищенной в 1960 г. в Софийском университете в Болгарии. Болгарский язык Надежда Васильевна выучила досконально, знала его и понимала его особенности, замечала мельчайшие детали в фонетике и пр., а ее лингвистические труды нередко превосходили работы болгарских коллег. Вообще Надежде Васильевне легко давались языки – так, заинтересовавшись албанским языком, она очень быстро им овладела и стала серьезно заниматься изучением говоров албанцев СССР. Ее публикации по диалектам болгар и албанцев советской диаспоры, опубликованные в Кратких сообщениях Института славяноведения АН СССР (КСИС), стали хрестоматийными для болгаристов и балканистов.

Исключительно скромный человек, посвятивший себя целиком изучению языков и их научному осмыслению, Надежда Васильевна многие десятилетия работала «в стол», публиковала не так много, редко выступала на конференциях и осталась в тени большой науки. Между тем, заслуги Н.В. Котовой во многих лингвистических и славистических дисциплинах, в становлении болгаристики и методики ее преподавания очень велики. Почти всю свою деятельность как болгариста, вместе со своим соавтором и супругом, известным болгарским лингвистом М. Янакиевым (1923–1998) она занималась глоттометрическими исследованиями, статистическим направлением в языкознании, которое в 1960–1980-е годы не пользовалось особой поддержкой. Н.В. Котова и М. Янакиев в рамках этого направления создали свой терминологический аппарат, который помогал им целостно описать всю структуру болгарского языка. Одним из результатов этой работы стала «Грамматика болгарского языка для владеющих русским языком» (М., 2001), над которой они трудились более 30 лет. Благодаря описанию через сравнение с русским, специфика болгарского как языка балканославянского становится намного ярче. Кроме того, в монографии много внимания уделяется таким фактам, которые в годы ее написания собственно языкознание специально не изучало, они находились на периферии (различия в графике и почерках, дорожные знаки и картинки и пр.), а теперь они во многом вышли на первый план и занимают важнейшее место в быстро развивающейся сейчас научной области, которую именуют межкультурной коммуникацией.

Как преподаватель Надежда Васильевна ставила студентам очень высокую планку. Система обучения была и традиционная, и вместе с тем очень новаторская. Уже на втором курсе в качестве современной грамматики болгарского языка читался авторский теоретический курс, основанный на глоттометрических исследованиях, который уже предполагал прекрасное знание студентами традиционной грамматики. Фонетика начиналась с системного анализа мускулов, участвующих в произнесении того или иного звука, а морфология представляла как очень стройная система морфов в их разнообразных комбинациях.

Надежда Васильевна с удовольствием осваивала новые темы вместе со студентами. Незабываемым для нас, студентов, стал спецкурс по ботанической лексике в 1976 г.: преподавательница предложила нам самим выбрать тему и с удовольствием откликнулась на наш интерес к фитотерминологии. Как мы потом поняли, она училась вместе с нами – диалектная ботаническая лексика, богатая и интересная, ранее ею специально не изучалась. Эта терминология создает много проблем, поскольку в говорах нередко плохо идентифицируется, а латинский эквивалент и изображение растения приводятся в словарях исключительно редко. Исходя из глубоких знаний болгарского словаря, включая и диалекты, Н.В. Котова познавала многое вместе с нами. Она всегда следовала совету М. Янакиева: «Если хочешь научить кого-нибудь, делай все сам».

Здесь надо отметить, что Н.В. Котова была исключительным перфекционистом, все свои труды, в том числе упомянутую грамматику болгарского языка, а также словарь болгарской диалектной лексики «Горно Поле. Дупнишко. Речник» (София, 1960–2000) она не только обдумывала, но и редактировала десятилетиями. Такая же судьба ожидала и фундаментальный труд «Язык албанцев Украины в середине двадцатого века. Тексты и словарь. Комментарий», тщательно готовившегося Надеждой Васильевной почти до последнего дня ее жизни. Рукопись этой ценной монографии Н.В. Котова передала мне в ноябре 2014 г., сейчас она находится в печати. Сама Надежда Васильевна, к сожалению, уже не сможет поддержать эту книгу в руках, но этот труд, как и другие работы Котовой, останутся в сокровищнице лингвистики, а ее светлая личность, преданное служение болгаристике – в памяти благодарных учеников и последователей.

© 2015 г. *И.А. Седакова*

Глубокоуважаемая редакция!

Во втором номере «Славяноведения» за 2015 г. напечатана статья Л.П. Лаптевой «И.В. Ягич (1838–1923) в оценках русских современников последней четверти XIX – начала XX века», в которой, согласно резюме, «предпринята попытка по-новому оценить жизнь и научную деятельность одного из крупных ученых-славистов». Прежде всего вызывает удивление то, что автор, не будучи филологом, берется пересматривать роль крупнейшего деятеля славистики, классика славянской филологии академика Российской академии наук И.В. Ягича. Заслуги этого ученого, в том числе и в развитии русского славяноведения, общепризнанны, и здесь нет необходимости их перечислять. Второй закономерный вопрос – чем вызвано новое обращение к фигуре Ягича? Можно думать, что это связано с недавним 175-летием со дня рождения ученого (2013), но если это так, то данная статья, развенчивающая научный и моральный авторитет ученого – странная дань его памяти. В статье Л.П. Лаптевой Ягич характеризуется такими словами, как «он слыл алчным субъектом», «бегство Ягича из Одессы в Берлин», «он старается принизить значение путешествий русских славистов по славянским странам», «он льстил, лицемерил, менял свои мнения», «двойственное отношение к России и представителям ее науки, высокомерное отношение к русским порядкам, лицемерие и беспринципность в стремлении обеспечить себя материально за счет России, практичность и расчетливость», «ученый хорват австрийского образца», «ловкий и практичный австриец приспособлялся к обстоятельствам и вел, так сказать, двойную политику» и т.п.

Может быть, появились какие-то новые материалы о жизни и деятельности Ягича? Но, как оказалось, «главным источником о предмете настоящей статьи является переписка И.В. Ягича с русскими учеными, значительная часть которой опубликована в 1963 г». (Письма И.В. Ягича к русским ученым. 1865–1886 / Сост. Г.П. Блок, Т.И. Лысенко; под ред. акад. В.В. Виноградова и Г.П. Блока. М.; Л., 1963), т.е. источник более чем полувековой давности, а список литературы о Ягиче рекомендуется смотреть в книге М.Г. Булахова «Восточнославянские языковеды. Т. 1» (1976).

В 80-е годы прошлого века был подготовлен к изданию, но не увидел свет второй том переписки Ягича с русскими учеными, охватывающий период 1886–1889 гг., т.е. период непосредственно после отъезда Ягича из Петербурга (см.: *Толстой Н.И.* «Переписка И.В. Ягича с русскими филологами в конце 80-х гг. XIX в.» // *Славяноведение*. 2013. № 2. С. 106–113). Между прочим, и в предисловии к «Письмам Ягича» 1963 г., написанном академиком В.В. Виноградовым, и в соответствующей статье М.Г. Булахова, и в статье Н.И. Толстого, и в недавней статье О.В. Лукина «А.А. Шахматов, В.И. Ягич и “Archiv für slavische Philologie”» (Вопросы языкознания. 2015. № 1), как и в большинстве других статей о великом слависте, вышедших в разных странах и на разных языках, академик Ягич характеризуется в совершенно других тонах.

Так, в статье Н.И. Толстого читаем: «С большинством своих русских корреспондентов Ягич был знаком лично, с многими был в очень дружеских и тесных отношениях. Помимо

личных симпатий и деловых связей, возникших и сохранявшихся на базе Академии наук, а в петербургский период и в стенах Университета, И.В. связывала с представителями русской филологической науки общность научных интересов и устремлений. С А.Н. Веселовским, игравшим значительную и самостоятельную роль в Академии, Ягича помимо прочего связывали занятия древними славянскими апокрифами и славянской, в том числе русской, народной поэзией. Эти же проблемы волновали и А.Н. Пыпина и Н.С. Тихонравова, а пристрастие к народному творчеству было присуще и В.Ф. Миллеру, Э.В. Барсову, А.А. Потебне. С тем же А.А. Потебней Ягич был близок по своим лингвистическим взглядам, прежде всего синтаксическим, а интерес к древнейшему славянскому рукописному наследству, наследству церковнославянскому, объединял И.В. с младшим для того времени поколением русских филологов – с В.Н. Щепкиным, Б.М. Ляпуновым, П.К. Симоном и, конечно, с А.А. Шахматовым. Шахматов пользовался большой любовью и вниманием И.В. с первых лет его научной деятельности и был предметом особой заботы и беспокойства Ягича почти до последних дней его жизни. С В.И. Ламанским И.В. объединял широкий подход к проблемам славянства и хотя они, естественно, не были единомышленниками и славянофильский тон общей концепции В.И. Ламанского не всегда импонировал довольно умеренному и во многом лояльному к традиционным венским кругам Ягичу, их общее стремление к научному сотрудничеству всех славянских академий брало верх над всеми другими моментами. Умел найти И.В. общий язык и с Я.К. Гротом, главой “русской” группы в Академии, противостоящей “немецкой” группе, которую представлял не во всем и не всегда беспристрастный А.Н. Веселовский».

«Новое» в статье Л.П. Лаптевой – это попытка идеологической и политической оценки личности И.В. Ягича в духе и в стиле печально известной критики буржуазной науки в советское время, одобренная патриотическими чувствами нашего времени. При этом из известных писем и документов тенденциозно выбираются те высказывания ученого или его коллег, которые позволяют Л.П. Лаптевой очернить личность Ягича, истолковать обычные для любого времени и любой научной среды критические отзывы о трудах коллег в политическом и антирусском ключе. Еще в 1979 г. С.Б. Бернштейн в статье «О некоторых вопросах изучения истории русского славяноведения» (Вестник МГУ. Серия Филология. 1979. № 4. С. 3–18) писал: «В работах по истории славяноведения постоянно приходится сталкиваться с ошибками и неверными утверждениями из областей, далеких от специальных интересов авторов. Примеров можно было бы привести очень много. Ограничусь одним из недавно опубликованной работы. Речь идет о статье Л.П. Лаптевой “А.Л. Дювернуа и его работы по истории славян” (Советское славяноведение. 1978. № 3) [...] Вопреки названию статьи, автор переходит границы исторической науки и пытается одновременно оценить вклад Дювернуа в сравнительную грамматику индоевропейских языков и в славянское языкознание. И здесь Лаптеву постигла серьезная неудача. Она полагает, что эту сторону деятельности московского слависта можно оценить, опираясь на мнения самых разных авторов и не изучив предварительно их лингвистических взглядов» (цит. по кн.: *Бернштейн С.Б.* «Труды по истории славистики». М., 2011. С. 167–168). Как видим, с тех пор ничего не изменилось, и эти упреки могут быть в полной мере отнесены и к новой статье Л.П. Лаптевой.

Публикация статьи Л.П. Лаптевой наносит большой ущерб научной репутации и авторитету журнала «Славяноведение». Ее оценки и толкования оскорбительны не только для памяти великого слависта И.В. Ягича, но и для его русских коллег, в том числе таких столпов российской филологии, как академик Шахматов, а также для их наследников – филологов-славистов нашего времени.

© 2015 г. С.М. Толстая

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ
В ЖУРНАЛЕ В 2015 ГОДУ**

СТАТЬИ

Билек Я. Писатели и сфабрикованные политические процессы в Чехословакии в 1950-х годов. С. 29–38.....	№ 3
Борисенок Е.Ю. Украинизация служащих в УССР в 1920–1930-е годы. С. 17–28.....	№ 3
Валенцова М.М. Славянское * <i>mor'e</i> – не море? С. 45–57.....	№ 6
Васильев А.Г. Проблемы польской национальной идентичности в наследии Стефана Чарновского. С. 22–31.....	№ 4
Гасанов Б.А. «Живое серебро» в славянской традиции. С. 26–36.....	№ 6
Ефимова В.С. К вопросу изучения калькирования в старославянском языке. С. 53–65.....	№ 2
Карцева З.И. Поздний синтетический постмодернизм (старое и новое в болгарском романе наших дней). С. 12–25.....	№ 6
Комендова И. Спор о вере в «Житии Стефана Пермского» в контексте средневековой миссионерской агиографии. С. 14–21.....	№ 4
Кондратенко М.М. Семантическая структура народной хрононимии в славянских и немецких говорах. С. 37–44.....	№ 6
Кончаревич К. Дискуссии о богослужбном языке в Сербской православной церкви (исторический обзор и современное состояние). С. 52–64.....	№ 3
Королев Г.А. Украинская революция 1917–1921 годов: европейское измерение и реализация национального проекта. С. 17–27.....	№ 5
Косик В.И. Константинополь – русская дорога. С. 22–31.....	№ 1
Кочегаров К.А. Древнерусское прошлое в политических концепциях украинской элиты второй половины XVII века. С. 19–41.....	№ 2
Мельников Г.П. Изучение наследия Яна Амоса Коменского сегодня. С. 3–13.....	№ 4
Новосельцев Б.С. Записка Н.С. Хрущёва о беседах с Й.Б. Тито (январь 1963 года). С. 42–55.....	№ 1
Раденкович Л. Турецкие наименования мифологических существ у южных. С. 41–48.....	№ 4
Сазонова Л.И. «Данный России воеводу и чудотворче предивный»: Сергей Радонежский в литературе московского барокко. С. 42–52.....	№ 2
Серапионова Е.П. Деятели Пражского Земгора. С. 32–40.....	№ 4
Синица Н.А. К сопоставительному изучению языковых образов монахов в славянских языках. С. 49–59.....	№ 4
Старикова Н.Н. О партийных директивах и свободе творчества: литературная жизнь Словении 1950-х годов. С. 3–11.....	№ 6
Субаев Р.Р. Имперская политико-идеологическая традиция в Юго-Восточной Европе как методологический принцип изучения истории Балкан: к вопросу о природе «мегалогий». С. 3–21.....	№ 1
Субаев Р.Р. Балканская модернизация 1878–1914 гг.: цели и результаты. С. 3–16.....	№ 5
Улунян Ар.А. Румыния: 1916 год. Британские оценки и прогнозы. С. 3–16.....	№ 3
Филатова Н.М. Создание Царства Польского в 1815 в отражении официальной польской культуры. С. 28–42.....	№ 5
Флоря Б.Н. Россия и попытки установления «новой унии» в Речи Посполитой (1678–1681 годы). С. 3–18.....	№ 2
Хлебникова В.Б. Роль династических связей России и Черногории в выстраивании политического сотрудничества на рубеже XIX–XX веков. С. 32–41.....	№ 1
Шакирова Е.З. В поисках целостности: опыт философского и поэтического синтеза в творчестве Аггилы Йожефа. С. 39–51.....	№ 3
Якушкина Е.И. Историческая лексикография и лексикология сербского языка (обзор словарей и исследований). С. 56–64.....	№ 1

Адельгейм И.Е. «Чудо взаимодействия». Современные польские авторы об Интернете и писательском труде. С. 67–71	№ 6
Байдалова Е.В. Современная украинская политическая поэзия в Интернете. С. 62–66	№ 6
Лунькова Н.А. Проблема виртуальности в романе «*.log» Райны Марковой. С.58–61	№ 6

СООБЩЕНИЯ

Белоусов С.С. Поляки в этносоциальном пространстве Калмыкии. С. 83–88	№ 3
Боровков Д.А. «Сказания о Борисе и Глебе» и легенды Святовацлавского цикла. С. 64–70.....	№ 4
Виноградова Л.Н. Глаза и зрение в народной магии и мифологических верова- ниях. С. 59–64.....	№ 5
Гром О.А. Молдавский национализм в «публичной сфере» Бессарабии (1906– 1908 годы). С. 89–102	№ 3
Гусев Н.С. Первая Балканская война и русское общество. С. 43–50.....	№ 5
Забара В.В. Динамика внутривосточного развития Боснии и Герцеговины (1995–2012). С. 51–58.....	№ 5
Лавренченко М.Л. «Приятель» русских князей (по текстам летописей за XII век). С. 96–108.....	№ 2
Леонтьева А.А. Наследственные протоколы кадийского суда XVII – начала XIX века в болгарских землях. С. 65–70	№ 1
Матвеев О.В. Украинские мотивы в творчестве М.Ю. Лермонтова. С. 72–79.....	№ 6
Милованова Т.С. Творчество Лермонтова в восприятии Константина и Ивана Аксаковых. С. 71–76	№ 1
Петрухин В.Я. Успение Владимира Святославича и славянская традиция. С. 60–63.....	№ 4
Покивайлова Т.А. Загадка гибели командующего 4-й румынской армии гене- рала Г. Аврамеску. С. 77–81	№ 1
Рыбалка А.А. Ярема рекс: о царском имени руянских князей. С. 71–82	№ 4
Светлова О.В. Книжная справа в XVII веке на Московском Печатном дворе: кор- ректорные экземпляры и корректурные издания. С. 109–117	№ 2
Соколовская О.В. Порос как военно-морская база России. С. 65–76	№ 3
Стешевич В.Ю. Автопобуждение в русском и сербском языках. С. 93–100.....	№ 1
Субаев Р.Р. Роман Дж. Бакена «Зеленая мантия» как «источник» по истории мла- дотурок. С. 80–89	№ 6
Троев П.С. Руководители польского восстания 1863–1864 годов в якутской ссылке. С. 77–82.....	№ 3
Федорина Г.А. Удвоение определения с притяжательным значением в болгарском языке. С. 87–92.....	№ 1
Шемякин А.Л. Русские темы Мирослава Йовановича (1962–2014). С. 82–86.....	№ 1
Якушкина Е.И. Семантика лексемы * <i>zeljbe</i> в славянских языках. С. 118–123.....	№ 2

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

Аксенова Е.П. О работе международной комиссии по подготовке «Словаря сла- вянских древностей» (1927–1939). С. 90–95	№ 4
Батурич А.П. Владимир Александрович Якубский – ученый, педагог, человек (1924–2013). С. 87–91	№ 5
Кэндзёра С.Э. Комиссия историков России и Польши в конце XX – начале XXI века: сохранение традиций и новые горизонты. С. 92–97	№ 5
Лаптева Л.П. И.В. Ягич (1838–1923) в оценках русских современников последней четверти XIX – начала XX века. С. 66–81	№ 2
Лаптева Л.П. Виктор Иванович Григорович (1815–1879). К 200-летию со дня рож- дения. С. 65–74.....	№ 5

Петрухин В.Я. Любор Нидерле. К 150-летию со дня рождения. С. 94–95	№ 2
Робинсон М.А. Роль А.И. Соболевского в организации работы по составлению Картотеки словаря древнерусского языка. С. 82–93	№ 2
Таирова-Яковлева Т.Г. Петербургская украинистика: от истоков до современности. С. 83–89	№ 4
Чуркина И.В., Ненашева З.С. К истории публикации наследия М.Ф. Раевского. С. 75–86	№ 5

ПУБЛИКАЦИИ

Ганин А.В. «Петлюровская армия... представляется достаточно боеспособной». Украина 1919 года глазами денкинских генштабистов. С. 98–115	№ 5
Слоистов С.М. Освобождение Словакии в донесениях ГлавПУРККА в ЦК ВКП(б). Февраль-апрель 1945 года. С. 90–99	№ 6

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Белов М.В. Р. Ј. Поповић. Аврам Петронијевић: 1791–1852. С. 116–119	№ 5
Белова О.В. Г.И. Лопатин. «Икона звалась Свячой...»: абрад «Свяча» ў прасторы традыцыйнай культуры Гомельшчыны. С. 105–108	№ 6
Будагова Л.Н. Невыдуманная история походов Иозефа Швейка в России. Кн. вторая. 1941–1945. С. 108–112	№ 6
Валенцова М.М. J. Luffer. Katalog českých démonologických pověstí. С. 108–112	№ 4
Герд Л.А. Voisinages fragiles. Les relations interconfessionnelles dans le Sud-Est européen et la Méditerranée orientale 1854–1923: contraintes locales et enjeux internationaux. С. 101–105	№ 1
Дмитриев Д.Г. R. Kowalczyk. Rozwój przemysłu ciężkiego w Królestwie Polskim w latach 1877–1914. С. 108–109	№ 3
Кокунина Л.К. В.Б. Крестић. Срби у Угарској 1790–1918. С. 119–120	№ 5
Коллар Д. М. Koškova. Bulharsko-slovenský slovník. С. 112–113	№ 6
Косик В.И. Й. Гешева. Консерваторите, партията, личностите и изграждане на българската държава 1879–1886 гг. С. 105–108	№ 1
Косик В.И. Периодика на руската емиграция в България (1920–1943) Енциклопедичен справочник. С. 103–104	№ 4
Косик В.И. Государство и Церковь в СССР и странах Восточной Европы в период политических кризисов второй половины XX века. С. 104–105	№ 4
Косик В.И. Д. Танић Руско царство и Српска православна црква (1557–1766). С. 100–102	№ 6
Крети́нин С.В. W. Chu. The German Minority in Interwar Poland. С. 110–112	№ 3
Майорова О.Н. Н.И. Бухарин. Россия – Польша: Опыт двадцатилетних отношений: 90-е годы XX века – первое десятилетие XXI века. С. 112–116	№ 3
Макарцев М.М. Semantyka Rosji na Bałkanach. С. 114–115	№ 1
Ми́ронова Е.М. Алексей фон Лампе – военный агент барона Врангеля в Венгрии. Сборник документов. С. 100–103	№ 4
Николаев Д.А. Г.И. Шевцова. Русский гуманный поход на Балканы (1912–1913). С. 108–110	№ 1
Пилипенко Г.П. С. Черничко, Ч. Фединец. Наш місцевий Вивилон. Історія мовної політики на території сучасного Закарпаття у першій половині XX століття (до 1944 року). С. 102–105	№ 6
Покивайлова Т.А. И.Э. Левит. Бессарабский вопрос в контексте международных отношений (1919–1920 гг.). С. 110–114	№ 1
Попов К.А. I. Halasz. Uhorsko a podoby slovenskej identity v dlhom 19. storočí. С. 103–105	№ 3
Серапионова Е.П. А. Муратов, Д. Муратова. Судьбы чехов в России, XX век. Путь от Киева до Владивостока. С. 106–108	№ 4
Таирова-Яковлева Т.Г. Освободительная война 1703–1711 гг. в Венгрии и дипломатия Петра I. С. 124–126	№ 2

Хаванова О.В. Levélben értesítsen engem! Kortársak Széchényi Ferenc könyvtáralapításáról. С. 106–107.....	№ 3
Хорошкевич А.Л. Исторический сборник. Литва, Россия, Польша XIII–XVI вв. Т. VII. С. 96–100	№ 4

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Белова О.В., Валенцова М.М. Международная конференция «Народная проза в Словакии в контексте истории славистики». С. 117–121.....	№ 3
Влчкова-Кричерова Л. Сто номеров журнала «Slovanský přehled». С. 116–117	№ 4
Копченова И.В. Конференция «Круг жизни в славянской и еврейской культуре». С. 116–121	№ 1
Копченова И.В. Конференция «Число – счет – нумерология в славянской и еврейской культурной традиции». С. 113–115	№ 4
Поляков Д.К. Международная научная конференция «Взрыв и культура: славянский мир». С. 121–124.....	№ 5
Шатько Е.В. Круглый стол «Интернет и современный литературный процесс в странах ЦЮВЕ: pro et contra». С. 114–116	№ 6

ЮБИЛЕИ

Белова О.В., Петрухин В.Я. К юбилею Виктории Валентиновны Мочаловой. С. 126–127.....	№ 3
Ефимова В.С. К юбилею Григория Куприяновича Венедиктова. С. 124–126	№ 1
К юбилею Виктора Ивановича Косика. С. 126–127.....	№ 1
К юбилею Владилена Николаевича Виноградова. С. 118–122	№ 4
К юбилею Григория Львовича Арша. С. 125–127.....	№ 5
К юбилею Ритты Петровны Гришиной. С. 122–126.....	№ 3
Носов Б.В., Фалькович С.М. К юбилею Зофии Зелинской. С. 122–124	№ 1

НЕКРОЛОГИ

Венедиктов Г.К. Памяти Евгении Ивановны Деминой (1927–2013). С. 123–125	№ 4
Седакова И.А. Памяти Надежды Васильевны Котовой (1926–2015). С. 119–120..	№ 6
Серапионова Е.П. Памяти Ритты Петровны Гришиной (1930–2015). С.117–118	№ 6
Памяти Сергея Васильевича Никольского (1922–2015). С. 118–119.....	№ 6
Памяти Юрия Сергеевича Кирьякова (1946–2014). С. 125–126	№ 4

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Толстая С.М. Письмо в редакцию. С. 121–122	№ 6
--	-----

CONTENTS

ARTICLES

<i>Starikova N.N.</i> (Moscow). From party directives to the freedom of creative work: literary situation in Slovenia in the 1950s.....	3
<i>Kartseva Z.I.</i> (Moscow). Synthetic Postmodernism (old and new in the Bulgarian novel nowadays)	12
<i>Gasarov B.A.</i> (Ryazan). «Quicksilver» in the Slavic tradition.....	26
<i>Kondratenko M.M.</i> (Yaroslavl). Semantic structure of the popular chrononyms in Slavic and German dialects	37
<i>Valentsova M.M.</i> (Moscow). The Slavic * <i>mor'e</i> – not «sea»?	45

* * *

Internet and contemporary literary process in the countries of Central and South-Eastern Europe: pro et contra

<i>Lun'kova N.A.</i> (Moscow). The problem of virtuality in the novel «*.log» by Raina Markova.....	58
<i>Baidalova E.V.</i> (Moscow). Contemporary Ukrainian political poetry in the Internet	62
<i>Adelgeim I.E.</i> «The wonder of interaction». Contemporary Polish authors about the Internet and a writer's job.	67

REPORTS

<i>Matveev O.V.</i> (Krasnodar). Ukrainian motives in the work of Mikhail Lermontov	72
<i>Subaev R.R.</i> (Moscow). The novel «Greenmantle» by John Buchen as a «source» on the history of the Young Turks.....	80

PUBLICATIONS

<i>Sloistov S.M.</i> (Moscow). Liberation of Slovakia in the Red Army Main Political Department (GlavPURKKA) reports to the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). February – April, 1945	90
---	----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Kossik V.I.</i> Д. Танић Руско царство и Српска православна црква (1557–1766)	100
<i>Pilipenko G.P.</i> С. Черничко, Ч. Фединец. Наш місцевий Вивилон. Історія мовної політики на території сучасного Закарпаття у першій половині ХХ століття (до 1944 року).....	102
<i>Belova O.V.</i> Г.И. Лопатин. «Ікона звалась Свячой...»: абрад «Свяча» ў прасторы традыцыйнай культуры Гомельшчыны	105
<i>Budagova L.N.</i> Невыдуманная історія походження Йозефа Швейка в Росії. Кн. вторая. 1941–1945.....	108
<i>Kollar D. M.</i> Koškova. Bulharsko-slovenský slovník.....	112

SCHOLARLY LIFE

<i>Shat'ko E.V.</i> (Moscow) The «round table» «Internet and modern literary process in Central and South-Eastern Europe: pro et contra»	114
--	-----

OBITUARIES

<i>Serapionova E.P.</i> In memoriam of Ritta Petrovna Grishina (1930–2015).....	117
In memoriam of Sergei Vasilyevich Nikolsky (1922–2015)	118
<i>Sedakova I.A.</i> In memoriam of Nadezhda Vasilyevna Kotova (1926–2015).....	119

LETTER TO THE EDITORIAL BOARD

<i>Tolstaya S.M.</i> Letter to the editorial board.....	121
Index of articles and materials published in the journal in 2015.....	123

Сдано в набор 17.07.2015 Подписано в печать 30.09.2015 Дата выхода в свет 23.11.2015
Формат 70 × 100¹/₁₆ Цифровая печать Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 1.8 тыс. Уч.-изд.л. 11,9
Бум.л. 4,0 Тираж 170 экз. Зак. 648 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука», 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен издательством «Наука» РАН

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099, Москва, Шубинский пер., 6